Вл. Череванскій

Послѣдній вздохъ Византіи.

Вл. ЧЕРЕВАНСКІЙ

ПОСЛѢДНІЙ ВЗДОХЪ ВИЗАНТІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ.

СО МНОГИМИ АВТОТИПІЯМИ.

750

Вл. ЧЕРЕВАНСКІЙ

Дорогому и глубокоуважаемому Михаилу Константиновичу Никелеву на добрую память

автор

ПОСЛѢДНІЙ ВЗДОХЪ ВИЗАНТІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

СО МНОГИМИ АВТОТИПІЯМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 407

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Современная Балканская суматоха, вызвавшая беззастѣнчивую куплю и продажу по вольной цѣнѣ цѣлыхъ странъ и народностей, побудила меня изложить въ популярной формѣ исторію нашествія оттомановъ на чарующіе берега Босфора. Подъ вихремъ и тяжестью ударовъ оттомань пало Византійское царство, столь родственное Россіи и тѣмъ не менѣе слабо знакомое большинству русскихъ людей. Неудачнымъ набѣгамъ сарацинъ изъ глубины Аравіи, а послѣ того счастливому натиску потомковъ пастуха Ортогрула предшествовала цѣлая эпопея нарожденія, расцвѣта и восхода къ зениту могущества сыновъ Эллады въ соединеніи съ легіонерами Рима. Къ несчастью, Византія не замѣтила, какимъ губительнымъ силамъ она дала пристанище во всѣхъ физическихъ и моральныхъ отрасляхъ своей жизнедѣятельности. Послѣдовало быстрое и скользкое паденіе съ высоты зенита и совершенное, подъ ударами свѣжихъ силъ мусульманства, изчезновеніе если не самой страны, то ея многовѣковыхъ собственниковъ. Исторія этихъ эволюцій весьма и весьма поучительна и не для однихъ слабосильныхъ Балканскихъ племенъ и княжествъ.

Настоящимъ произведеніемъ я запечатлѣваю пятидесятилѣтіе своего скромнаго служенія литературному дѣлу. Обращаясь мысленно къ отдаленному прошлому, къ первому выступленію съ печатнымъ словомъ, я не могу не остановиться на отрадной эпохѣ нарожденія въ 1859 г. Литератур-

наго фонда съ такими инициаторами, какъ К. Д. Кавелинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и дальнѣйшими дѣятелями, какъ Ев. Ковалевскій, Я. Гротъ и др. Въ ту пору общества и союзы въ формѣ коопераций и взаимопомощи были вновѣ и казались гигантскими шагами по пути прогресса. Не малое число ихъ отошло въ даль временъ совершенно безслѣдно, но Литературный фондъ выдержалъ полувѣковое испытаніе и продолжаетъ свою работу въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ.

Желая ему дальнѣйшаго процвѣтанія, я приношу ему въ сердечный даръ, хотя бы по праву ровесника на родственныхъ путяхъ, весь валовой доходъ отъ продажи этой книги безъ вычета расходовъ по ея изданію.

Вл. Череванскій.

1859—1909

I.

Властелины Стараго Рима.

РАЗДѢЛЕНІЮ Римской имперіи на восточную и западную предшествовали условія и событія, которыя влекли ее неудержимо въ общую серію исчезнувшихъ царствъ. Причинами первоначальнаго распаденія, а потомъ разрушенія имперіи—служили: непомѣрное расширеніе государственныхъ предѣловъ, своеволіе преторіанцевъ, обнищаніе платежныхъ силъ народа и борьба за обладаніе престоломъ. Борьба эта, превращавшая нерѣдко человѣка въ безпощаднаго звѣря, рушила всѣ нравственные устои, чѣмъ и способствовала постепенному раздробленію и разложенію государства.

Въ первые годы хр. эры языческій Римъ избралъ императоромъ младшаго сына Германика и Агриппины, родившагося въ 12 г. по Р. Х... То былъ Гай-Калигула, получившій воспитаніе въ солдатскомъ лагерѣ и даже усвоившій свое имя отъ названія солдатской обуви. При избраніи его въ властелины обширнѣйшей имперіи сенатъ и народъ не замѣтили, что ихъ избранникъ страдаетъ полнымъ извращеніемъ естественной природы человѣка. Послѣ короткаго періода властвованія въ нормальныхъ условіяхъ царенія онъ перешелъ первоначально къ деспотизму, а за нимъ и къ жестокимъ проявленіямъ кровожаднаго маніака.

Рядъ своихъ болѣзненныхъ проявленій Калигула началъ умерщвленіемъ всѣхъ приближенныхъ, желавшихъ ему выздо-

ровленія отъ постигнувшей его болѣзни. Въ льстивомъ настроеніи они обѣщали принести богамъ въ жертву свою жизнь, если боги освободятъ властелина отъ злого недуга. Въ день послѣдовавшаго выздоровленія озабоченный, чтобы боги не были обмануты, Калигула предалъ смерти всѣхъ, кто такъ неосторожно произносилъ обѣты.

Далѣе уже маніакъ развернулся во всю ширь своихъ страшныхъ вожделѣній. Жертвою ихъ пали: соправитель Тиверій, бабка его Антонія, которую онъ принудилъ къ самоубійству и безконечный рядъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ посягательствѣ на тронъ. Жажда крови простиралась въ немъ до желанія, чтобы римскій народъ имѣлъ одну голову, которую такъ легко было бы снять для собственнаго утѣшенія. По его приказанію бросали въ ипподромъ на растерзаніе звѣрей ближайшихъ къ барьеру зрителей, которымъ впрочемъ предварительно вырѣзывали языки, чтобы они не поносили тирана. Три родныя сестры раздѣляли его ложе. Въ храмахъ онъ появлялся въ видѣ боговъ Вакха, Аполлона или Юпитера и богинь Венеры и Діаны. Въ этомъ видѣ онъ принималъ божескія почести. Въ консулы онъ произвелъ свою лошадь.

Истощивъ въ безумной роскоши государственныя средства, въ томъ числѣ и оставшіеся послѣ Тиверія семьсотъ милліоновъ сестерцій, онъ открылъ во дворцѣ публичный домъ, изъ котораго извлекалъ доходы. Наконецъ два трибуна преторіанской стражи прекратили жизнь безумца, окончившаго свое поприще 29 лѣтъ отъ роду, послѣ трехъ лѣтъ остраго помѣшательства.

По смерти Калигулы престолъ перешелъ къ его дядѣ слабовольному Клавдію, которымъ управляли его любимцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любовники его супруги Мессалины. Послѣдняя настолько овладѣла мужемъ, что обезглавливала въ его присутствіи лучшихъ римлянъ, отказывавшихся отъ ея объятій. Корыстолюбіе руководило поступками Мессалины не слабѣе сластолюбія, почему Валерій Азіатикъ и поплатился передъ нею своими лукулловскими садами. Мессалина скончалась по волѣ своего супруга и подъ ударами ножа своего-же любимца Нарцисса.

Послѣ ея казни Клавдій женился на своей племянницѣ Агриппинѣ, которая предъ тѣмъ была замужемъ за Домиціемъ Агенобарбомъ и въ сожительствѣ съ нимъ подарила Риму знаменитаго Нерона. Желая доставить престолъ сыну, она побудила Клавдія усыновить его, послѣ чего отравила супруга грибнымъ соусомъ съ примѣсью цикуты. Открывшуюся вакансію на престолъ Цезаря занялъ Неронъ, женившійся на дочери Клавдія — Октавіи.

Неронъ не замедлилъ вступить открыто въ состязаніе по части кровавыхъ преступленій съ Калигулою. Принявъ престолъ на семнадцатомъ году жизни, онъ устранилъ цикутою своего законнаго соперника Британника, а за нимъ предалъ смерти мать Агриппину и своихъ женъ Октавію и Поппею и своихъ учителей Бурра и Сенеку. Плохой актеръ и еще менѣе поэтъ, онъ не стѣснялся фиглярить передъ толпою, какъ не стѣснился поджечь Римъ, чтобы имѣть правдивое представленіе о пожарѣ Трои. По трусости онъ обвинилъ христіанъ въ поджогѣ. Въ концѣ концовъ сенатъ объявилъ его общественнымъ врагомъ и ему пришлось бѣжать изъ Рима и прибѣгнуть къ самоубійству въ 68 г. хр. эры. Со смертью Нерона пресѣкся домъ Цезаря.

Преторіанцы, распоряжавшіеся престоломъ Цезаря, не дали и Гальбѣ, поднявшемъ въ 68 г. Римъ противъ Нерона, задержаться на престолѣ болѣе года. Онъ былъ убитъ въ 69 г. Оттономъ, провозгласившимъ себя императоромъ. Оттона смѣстилъ Вителій. Вителія устранилъ Флавій Веспасіанъ. Такимъ образомъ легіоны то Галліи, то Іудеи возводили на престолъ Цезаря своихъ избранниковъ, не стѣсняясь провозглашеніемъ одновременно въ разныхъ окраинахъ имперіи двухъ и трехъ императоровъ.

Въ 69 г. на кровавомъ фонѣ римской дворцовой жизни явился просвѣтъ въ лицѣ Тита Флавія Веспасіана, провозглашеннаго императоромъ сирійскими легіонами. Титъ явился въ Римъ тріумфаторомъ, смирившимъ Іудею, изъ которой онъ увлекъ съ собою красавицу еврейку Веронику. Народъ возроптала на эту связь. Въ сознаніи своего высокаго положенія и отвѣтственности передъ страною, онъ пожертвовалъ своими чувствами и разстался съ любимою женщиной. Исполняя долгъ императора вдумчиво и серьезно, онъ считалъ тотъ день потеряннымъ, когда ему не посчастливилось сдѣлать доброе дѣло. Наградою ему послужило данное народомъ прозваніе:—«любви и утѣхи рода человѣческаго».

Вообще же десятилѣтняя эпоха царенія Веспасіана знаменательна тѣмъ, что будучи полководцемъ по профессіи, онъ нашелъ возможнымъ закрыть дверь двуликаго Януса, что служило показаніемъ мирнаго положенія имперіи. Въ честь мира онъ построилъ великолѣпный храмъ. При немъ реставрированъ сгорѣвшій Капитолій и начато сооруженіе величайшаго въ мірѣ зданія, извѣстнаго подъ именемъ колизея. По колизею можно судить и о размахѣ тогдашней жизни Римской имперіи. Постройка этого амфитеатра окончена уже въ 80 г. хр. э. при

*

Титѣ, который устроилъ празднество, длившееся сто дней. Въ теченіе праздника истреблено пять тысячъ львовъ, тигровъ и др. лютыхъ звѣрей, отъ ярости которыхъ погублена жизнь нѣсколькихъ сотенъ гладіаторовъ. Вообще при Веспасіанѣ Римъ шелъ быстро къ зениту своей славы.

Краткое правленіе Веспасіана смѣнилось пятнадцатилѣтнимъ царенiемъ втораго его сына Домиціана, который, не отличаясь лично строгою нравственностью, охранялъ семейную мораль ссылками и казнями. Случавшіяся отступленія весталокъ отъ цѣломудрія вели ихъ на плаху. Въ свою эпоху онъ могъ бы по праву считаться великимъ инквизиторомъ. Ему стоило заподозрить историка Гермогена въ вольнодумствѣ, какъ этотъ былъ распятъ, подобно грабителю на большой дорогѣ. Философы Эпиктетъ и Хризостомъ были преданы остракизму, а сочиненія ихъ сожжены. Жестокость Домиціана привела къ заговору, къ которому присоединилась и его жена. Домоправитель Стефанъ окончилъ его жизнь, а сенатъ распорядился уничтожить его статуи и стереть его имя въ публичныхъ надписяхъ.

Со времени его смерти до конца втораго вѣка Римъ пользовался относительнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ. Въ царенiе Трояна, Адріана, Антонина Пія, Антонина Философа и соавгуста Луція Вера шло быстрое распространеніе государственныхъ границъ на счетъ Арменіи, Месопотаміи, Дакіи, на счетъ парѳянъ и маркоманновъ, но все-же искусства, правосудіе и благосостояніе государства не приносились въ жертву военнымъ доблестямъ.

Этотъ счастливый періодъ былъ прерванъ Коммодомъ, со времени котораго начинается новый рядъ заговоровъ и казней то преторіанцами, то по приказаніямъ сената. Коммодъ, наслѣдовавшій отцу въ 180 г., дорожилъ единственно славою гладіатора и Геркулеса и чтобы походить на послѣдняго являлся передъ подданными въ львиной шкурѣ. За то онъ не дорожилъ ни ближайшими сотрудниками по управленію страною, ни своими любимцами. Друзей, сотрудниковъ и даже любовницъ онъ отдавалъ на судъ легіоновъ и черни; наконецъ одна изъ фавориток намѣченная къ казни, умертвила его самого при помощи преторіанскаго префекта.

Дальнѣйшій за Коммодомъ мортирологъ чрезмѣрно насыщенъ даже и для Рима сверженіями и убійствами цезарей и августовъ. Въ 193 г. былъ убитъ преторіанцами строгій Пертинаксъ, причемъ убійцы продали корону Дидію Юліану, кото-

рый продержался на престолѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ казненъ по приказанію сената.

Наступившее третье столѣтіе хр. э. не уступало по числу жертвъ предыдущимъ вѣкамъ. Составъ преторіанцевъ увеличился и достигъ при Септиміи Северѣ до пятидесяти тысячъ человѣкъ, что только усиливало горючіе элементы смутъ и раздоровъ. Подъ ударами преторіанцевъ падали одинаково и счастливые побѣдители германцевъ и авантюристы, поражавшіе своею необузданною наглостью.

Септимій Северъ былъ провозглашенъ императоромъ легіонами Панноніи, а въ это время легіоны Британіи провозгласили императоромъ Песценнія Нигера. Соперниками ихъ обоихъ явился губернаторъ Британіи Клавдій Албинъ. Оба соперника потерпѣли пораженія, послѣ чего Северъ распорядился умертвить трехъ сенаторовъ, считавшихся приверженцами Албина.

Северъ принялъ въ соправители сына своего Каракаллу, который, чтобы завладѣть трономъ, умертвилъ отца, а затѣмъ умертвилъ и брата Гета, имѣвшаго одинаковыя съ нимъ права на престолъ августовъ. Каракалла издержалъ всю государственную казну на подкупъ преторіанцевъ и при своей неутомимой жаждѣ къ баснословной роскоши принужденъ былъ вести войны съ своими же провинціями, не успѣвавшими насыщать его золотомъ. Необычайная мстительность была также коренной чертою его властвованія; за одну насмѣшку надъ его фантастическимъ костюмомъ онъ отдалъ на разграбленіе преторіанцамъ всю Александрію. Смерть его послѣдовала подъ ножемъ убійцы въ 217 г.

Въ эту смутную эпоху въ предѣлы имперіи вторгнулись варвары, которые и подорвали могущество Рима, при чемъ и вся страна сошла съ зенита своей міродержавной славы. Начавшееся разрушеніе имперіи вызвало на сцену и такихъ захватчиковъ, которыхъ сенату пришлось топить въ волнахъ Тибра.

Верховный жрецъ Сиріи Геліогабалъ, не имѣя и отдаленнаго права на корону, объявилъ себя побочнымъ сыномъ Каракаллы, что дало легіонамъ какъ бы право поднять его на престолъ цезарей. Въ Римѣ онъ явился сумасбродомъ, отпраздновавшимъ прежде всего свадьбу солнца и луны. Боговъ этихъ онъ привезъ съ собою изъ Сиріи. Все же и этотъ сумасбродъ правилъ Римомъ пять лѣтъ, когда наконецъ въ 222 г. сенатъ распорядился утопить его въ Тибрѣ.

Занявшій вакантный престолъ Александръ Северъ принялся было исправлять дѣла своихъ предшественниковъ, но теперь уже

не окраины зависѣли отъ Рима, а самый Римъ подчинялся окраинной политикѣ. Возбужденное состояніе ограбленнаго и приниженнаго народа доходило до Рима одновременно съ вѣстями о выступленіи противъ него сассанидовъ въ Персіи и германцевъ на Рейнѣ. Престолъ занимали въ эту пору такія ничтожества какъ Пупіенъ и Бальбинъ, вскорѣ умерщвленные преторіанцами. Введенный на престолъ Гордіанъ III былъ убитъ въ 244 г., а затѣмъ послѣдовало нѣсколько возведеній и низверженій императоровъ, что продолжалось до избранія въ 284 г. императоромъ далматинца Діоклетіана.

Не смотря на царившую въ Римѣ преступную безурядицу, имперія продолжала расширять свои предѣлы, нисколько не задаваясь и мыслью, что успѣхами своихъ легіоновъ она готовитъ себѣ несомнѣнную гибель. Будучи еще въ первые вѣка хр. э. колоссальнымъ политическимъ тѣломъ, она продолжала наводнять своими легіонами всѣ слабо вооруженныя страны и народности. Императорамъ, консуламъ и легіонамъ, для поддержанія ихъ могущества, были необходимы тріумфы, возбуждавшіе въ столичной черни идеи о славѣ отечества. И тріумфъ слѣдовалъ за тріумфомъ! Легіоны обратили въ провинціи Рима—Мавританію, часть Германіи, Далмацію, Паннонію, Арменію, Ассирію бывшую Халдею, Дакію. Послѣдовало, хотя и не въ одинъ пріемъ, покореніе Британіи. Персія отступила передъ легіонами за Тигръ. Евфратъ сдѣлался пограничной чертою. Сирія съ ея Пальмирою обратилась въ имперское консульство.

Наступившая эпоха ослабленія измѣнила картину постоянныхъ тріумфовъ. Взамѣнъ ихъ Римъ началъ ощущать пренебреженіе къ себѣ сосѣдей, дошедшее до того, что персы вторглись въ Сирію, и даже плѣнили императора Валеріана. Появившіеся варвары начали высмѣивать римскихъ орловъ. Готы опустошили Малую Азію, Архипелагъ, берега Греціи, а въ то-же время аллеманы оттѣснили легіонеровъ вплоть до Милана. Франки потѣснили римлянъ въ Испаніи, а изъ Галліи изгнали ихъ поголовно. Сконфуженный и растерявшійся Римъ назначилъ въ провинціи особыхъ правителей съ титуломъ тирановъ, которыхъ насчитывается въ періодъ 260—270 г.г. до тридцати человѣкъ. Умаленіе предѣловъ имперіи пошло болѣе ускореннымъ ходомъ, нежели совершался ея приростъ. Группа тирановъ правителей, обзаведшаяся собственною политикою, не сулила имперіи благоденствія, они были заняты по преимуществу погашеніемъ повсюду вспыхивавшихъ возстаній. Съ другой стороны и Римъ, при отсутствіи въ ту пору надежныхъ путей сообщенія, не могъ

наблюдать за своими необъятными владѣніями, какъ не могъ оказывать и помощь въ необходимыхъ случаяхъ запасными легіонами. Такимъ образомъ полуцарственныя резиденціи разбросались по всѣмъ провинціямъ съ своими отдѣльными легіонами и съ своими партійными и экономическими интересами. Идея единства императорской власти пошла на убыль; прозорливымъ умамъ было уже ясно, что въ такомъ ненормальномъ положеніи не можетъ далѣе оставаться государство безъ явной склонности къ разрушенію.

Въ эту пору на политическомъ горизонтѣ имперіи появился уроженецъ Далматіи, сынъ бѣдныхъ родителей Діоклетіанъ, которому пришлось начинать свою карьеру въ званіи солдата одного изъ римскихъ легіоновъ. Вскорѣ исключительныя природныя дарованія открыли солдату путь къ повышенію. На этомъ пути онъ уже не останавливался и выдвинулся первоначально въ областные правители, а затѣмъ въ консулы, въ полководцы и наконецъ въ августы. Плѣнивъ войска своею политическою мудростью, онъ былъ поднятъ ими на щитъ императора, каковымъ и провозглашенъ на 40-мъ году жизни въ 284 г. Первымъ его дѣломъ было умертвить своихъ соперниковъ, а затѣмъ приступить къ организаціи управленія имперіей на новыхъ началахъ. Ему было ясно, что управлять колоссальной имперіей, при разнообразіи культовъ и разнохарактерности населенія, изъ одного центра было дѣломъ не-

Августъ.

пригоднымъ для народа и не выгоднымъ для власти. Окраины отпадали одна за другою отъ центра и безбоязненно провозглашали свою автономію. Къ тому-же, если Галлія, Испанія и Британія находились какъ бы передъ копьями легіонеровъ, то сарматы всегда успѣвали въ своихъ набѣгахъ. Поэтому Діоклетіанъ раздѣлилъ государство на четыре области, хотя подчинявшіяся Риму, но съ достаточно широкими полномочіями по всѣмъ сферамъ правленія. Восточную область—самую богатую и обширную—онъ оставилъ въ своемъ личномъ управленіи. Она ограничивалась Чернымъ моремъ, Персіей, Аравіей, Эѳіопіей и съ европейской стороны—Дунаемъ и Адріатикой. Другу своему, названному императоромъ, способствовавшему его возвышенію, Максиміану онъ предоставилъ Африку и Италію. Прочія владѣнія: Дунайскія области, Галлію, Испанію и Британію онъ раздѣлилъ между двумя царями Галеріемъ и Констанціемъ. Вообще же имперія была раздѣлена на 12 діоцезовъ. Сама Италія изъ доминирующей римской земли обратилась въ заурядную провинцію. Этимъ путемъ Діоклетіанъ разсчитывалъ прекратить взаимоистребленіе народовъ имперіи; моральное владычество было его девизомъ. Онъ предполагалъ, что управленіе міромъ доступно устроить на семейныхъ началахъ. При умѣніи выбирать помощниковъ идея единства имперіи не пострадала при его верховномъ управленіи, но въ этой системѣ обнаружился потомъ зародышъ расчлененія имперіи на двѣ половины—Восточную и Западную.

Ко времени правленія Діоклетіана въ имперіи выросла новая политическая сила, съ которою считались хотя и безуспѣшно его предшественники. Силою этою являлся новонародившійся культъ христіанской вѣры, казавшійся многимъ цезарямъ и ихъ сподвижникамъ въ государственномъ смыслѣ крайне опаснымъ. Уступая настояніямъ цезаря Галерія, правившаго Дунайскими областями, Діоклетіанъ издалъ 23 Февраля 303 г. эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ, чѣмъ и нарушилъ самую идею управленія міра на семейныхъ началахъ. Затѣмъ онъ сложилъ съ себя императорскій санъ и удалился въ частную жизнь вмѣстѣ со своимъ другомъ Максиміаномъ. Смерть застигнула его на 68 г. жизни въ положеніи простаго гражданина и любителя садоводства. На память о своемъ правленіи онъ оставилъ цѣлую серію великолѣпныхъ зданій въ Римѣ, Миланѣ, Никомедіи и Карѳагенѣ.

Собственно къ Риму Діоклетіанъ не питалъ не малѣйшей симпатіи, по крайней мѣрѣ въ теченіе своего почти двадцати-

лѣтняго правленія онъ посѣтилъ его только одинъ разъ. Недовольные его правленіемъ говорили, что далматинскій солдатъ развѣнчалъ царственный Римъ. Въ этомъ сарказмѣ была своя доля правды, но справедливо и то, что постоянное вторженіе въ государственную жизнь римскихъ легіоновъ уронило тронъ цезарей до однихъ лишь вожделѣній честолюбивыхъ авантюристовъ. При децентрализаціи императорской власти началось територіальное ея перемѣщеніе, аристократія переселилась въ Миланъ; туда же переселилась и консисторія или совѣтъ цезаря, замѣнившій римскій сенатъ. Но такъ какъ цезари жаждали повы-

Остатки римскаго форума.

шенія въ августы, а вакансіи не открывались, то созданная Діоклетіаномъ тетрархія не дождалась и его кончины, чтобы возбудить новое междоусобіе, не способствовавшее разумѣется процвѣтанію страны.

Вообще же одинъ лишь приведенный мортирологъ свидѣтельствуетъ, что тронъ цезарей и августовъ служилъ своего рода призомъ для сената, легіоновъ, партій и народа, выпустившаго крылатую поговорку: vox populi—vox Dei. Почва вокругъ трона была пропитана кровью и полита цикутою. Римъ не въ силахъ былъ оздоровить эту почву, между тѣмъ колоссъ, подобный

Римской имперіи не могъ и пасть безъ усилій сохранить свое положеніе. Понадобился новый Римъ, понадобился и новый человѣкъ, способный обновить страну не одною силою желѣза и крови, но и личной идейной чистотою. Такимъ мощнымъ историческимъ дѣятелемъ явился императоръ Константинъ, признавшій своимъ геніальнымъ умомъ за христіанскимъ ученіемъ величайшую государственную силу. Новое ученіе сравнивало римлянина съ варваромъ и раба съ господиномъ. Оно звало подъ свой щитъ, осѣненный знаменіемъ креста, всѣхъ обиженныхъ и обездоленныхъ, число которыхъ превосходило во много разъ число взятыхъ вмѣстѣ сенаторовъ, легіонеровъ и такъ громко шумѣвшихъ партійныхъ вождей страны.

II.

Новая могучая сила.

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ Римской имперіи совмѣщались въ эпоху наибольшаго ихъ расширенія всѣ существовавшія въ ту пору религіозныя вѣрованія. Царившія здѣсь божества принадлежали не только семитической и арійской группамъ населенія, но и національностямъ, не примыкавшимъ къ этимъ группамъ. Поэтому религіозныя волны поднимались отъ безсмысленнаго обожанія камней, растеній и животныхъ до идейныхъ культовъ іудаизма и христіанства.

По разнообразію и множеству религіозныхъ культовъ цезаризмъ не могъ пользоваться ими какъ орудіями политики и предоставлялъ имъ полную свободу нарожденія, расцвѣтанія и уничтоженія. Этой свободѣ какъ бы противорѣчатъ вспыхивавшія по временамъ ожесточенныя гоненія, направленныя противъ іудаизма и христіанства, но было бы ошибочно думать, что эти кровавыя репрессіи направлялись противъ принциповъ того или другого вѣрованія. Іудеи вызывали обычно преслѣдованіе своею несносною кичливостью, доходившею до того, что они заключали личные договоры съ Господомъ Богомъ и считали свою вѣру аристократическою побѣдительницею всего міра. Христіане напротивъ демократизовались и угрожали своими принципами капиталисту, рабовладѣльцу и носителю внѣшнихъ знаковъ превосходства надъ народною массою. Римляне не могли мириться съ этими крайностями, поэтому время отъ времени появлялись на историческую сцену Нероны и Галеріи, проливавшіе властными руками ручьи человѣческой крови.

Много человѣчеству потребовалось времени, чтобы дойти до такой свѣжей и могучей силы, какъ христіанство, избравшее

изъ природы человѣка и многовѣковыхъ опытовъ его вѣрованій наиболѣе возвышенныя идеи и стремленія къ божественнымъ началамъ. Говоря объ религіи, какъ и объ исторіи Европы, приходится начинать съ Греціи, которая къ тому же имѣетъ неразрывную связь съ Византіей.

Греціи потребовалось не мало времени, чтобы устранить изъ богопочитанія предметы, лишенные человѣческаго смысла, и перейти къ божествамъ, одареннымъ свойствами и чувствами человѣка. Прійдя къ заключенію, что богъ и человѣкъ по природѣ одинаковы, греки потребовали отъ своихъ новыхъ боговъ, чтобы они были идеальными мужчинами и идеальными женщинами. Художественное чутье эллина надѣлило и его боговъ воплощеніемъ нравственныхъ совершенствъ. Зевсу былъ предоставленъ высшій міръ, находившійся надъ вершиною Олимпа. Посейдону досталось море. Гадесъ принялъ верховенство надъ подземнымъ міромъ—обиталищемъ посмертной жизни. Матроны Эллады должны были стремиться къ достиженію безупречныхъ достоинствъ. Аѳина-Паллада—воинственная дѣва была вмѣстѣ съ тѣмъ и мудрою совѣтницею. Афродита обладала поясомъ, въ которомъ заключались всѣ женскія прелести. Гефестъ изготовлялъ богамъ мечи, щиты и копья. Дальше шли цѣлые ряды божествъ втораго ранга отъ Гебы, подававшей богамъ нектаръ, и Флоры—цвѣточницы до Грацій, Музъ и Ганимеда, служившаго богамъ во время пиршествъ.

Воплощая въ свои художественныя произведенія показателей божественной силы, эллины не могли изобразить неограниченность божественныхъ свойствъ. Кромѣ того смертному, не ознакомленному съ художественными идеями, не трудно было принять одного бога за другого, поэтому пришлось придать имъ и аттрибуты властвованія. Зевсу, соединявшему въ себѣ свойства справедливости и доброты, были вручены пучки стрѣлъ, Посейдону—трезубецъ и прочимъ богамъ и богинямъ—жертвенникъ съ огнемъ, младенецъ, охотничій лукъ, корзина съ плодами, копье и кони или кадуцей, обвитый змѣями и снабженный крыльями. Послѣдній достался Меркурію, который, благодаря хищническимъ свойствамъ, выкралъ трезубецъ у Посейдона, лиру у Аполлона и наконецъ поясъ Венеры.

Ростъ духовныхъ потребностей Эллады потребовалъ въ VI в. до хр. э. пересмотра силы и значенія усвоенныхъ божествъ:

тогда подъ вліяніемъ философовъ начала торжествовать религія разума и соціальнаго общенія съ божествами. Вѣра значительно повысилась надъ жрецами, которымъ человѣческій духъ мыслителей—Сократа, Платона или Аристотеля—сдѣлался предметомъ ненавистничества.

Въ этомъ положеніи религія эллиновъ овладѣла римскимъ міромъ, который не успѣлъ еще дорости до воспринятія философскихъ началъ. Профессіональные же боги не только привились къ римскому міровоззрѣнію, но и быстро овладѣли всѣми отраслями жизни.

Значительно ранѣе полученія боговъ изъ Эллады первобытный Римъ ощущалъ уже потребность въ установленіи божествъ для охраны земледѣльца отъ засухи и саранчи, а скотовода отъ звѣря и повальнаго мора. Пантеонъ божествъ въ этомъ скромномъ видѣ Римъ принялъ въ готовомъ состояніи отъ сабинянъ, наслѣдовавшихъ патроновъ въ свою очередь отъ народностей, затерявшихся во тьмѣ минувшихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ боги, патронировавшіе земледѣлію, вошли въ первую серію языческаго римскаго культа. За ними явились и товарищи ихъ въ видѣ символовъ солнца и луны, дождя и вѣтра, тепла и холода. Въ свою очередь лѣса и степи, горы и долины, моря и рѣки, потоки и ручьи потребовали также назначенія имъ патроновъ. Суевѣріе не имѣетъ предѣловъ, поэтому римляне не полѣнились расширить свой пантеонъ до границъ, которыя совмѣстили въ концѣ концовъ около четырехъ тысячъ большихъ и малыхъ божественныхъ силъ. Однѣ семейныя организаціи создали цѣлыя серіи боговъ, заботившихся о человѣкѣ со дня его рожденія до перехода въ царство тѣней. Лично человѣку понадобилось до сорока боговъ. Кромѣ того, въ домѣ матроны нельзя было ступить и шага, не встрѣтившись съ божествами, хотя бы и не высокаго ранга. Часто названія ихъ были извѣстны только хозяйкѣ дома, самой создательницѣ божествъ и при томъ отдѣльно для порога, для двери и для каждаго уголка ея обиталища. Коллективное благосостояніе семейства было вручено пенатамъ, главою которыхъ семья назначала того или другого небеснаго, земного или даже адскаго бога, чаще всего Юпитера или Весту. Пенаты, приготовляемые изъ воска, слоновой кости, глины или серебра, ставились въ сокровенной части дома, гдѣ и приносили имъ въ жертву вино, ладонъ и ягнятъ. Для публичныхъ жертвенниковъ доставляли свиныя туши и живыхъ рабовъ. Послѣднія жертвы были отмѣнены Брутомъ.

Римляне не смѣшивали въ одну семью пенатовъ съ ларами, какъ то вошло впослѣдствіи въ обыкновеніе. Ларами считались духи, опекавшіе тѣни умершихъ.

Размноженіе боговъ вызвало не мало затрудненій въ безошибочномъ наименованіи ихъ; между тѣмъ ошибки парализовали результаты молитвы. Во избѣжаніе ошибокъ казуистъ-человѣкъ обращался къ божеству въ общихъ выраженіяхъ: — «Я именую тебя такъ, какъ ты самъ себя желаешь назвать»... То былъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, противъ чего божества не возражали.

Ростъ общественнаго строя вызвалъ въ жизни боговъ комунальный порядокъ: божествами были награждаемы улицы, площади, города и въ особенности приморскія гавани, куда являлись и иноземные боги изъ дальнихъ странъ. Римъ не брезгалъ иноземными богами, и поэтому Эллада охотно дѣлилась съ нимъ своимъ обширнымъ пантеономъ. Она-же подѣлилась съ Римомъ книгами Сивиллы; изрѣченія послѣднихъ способствовали тому, что языческій культъ Греціи осилилъ ставленниковъ Рима. Римляне увѣряли, что они приняли изъ Эллады только двухъ боговъ и то съ переименованіемъ Зевса въ Юпитера и Гестію въ Весту. Послѣдняя была объявлена покровительницею Рима и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ римскихъ пенатовъ. Ей былъ посвященъ храмъ съ вѣчнымъ огнемъ; жрицами ея служили дѣвственницы, составлявшія институтъ весталокъ. Что касается Юпитера, то величіе его поражало римлянъ до того, что каждое мѣстечко обзавелось своимъ Юпитеромъ, когда наконецъ государственная власть повелѣла считать верховнымъ божествомъ только Юпитера города Рима.

Не изъ одной Эллады Римъ заимствовалъ боговъ; не мало принято имъ изъ восточныхъ культовъ, по крайней мѣрѣ изъ Малой Азіи, откуда приходили боги наиболѣе страшнаго и буйнаго настроенія. Празднества имъ сопровождались разгуломъ страстей, противъ чего старыя матроны поднимали цѣлыя возстанія, поведшія къ тому, что разгульному божеству Вакху была предоставлена исключительно ночная пора. Въ цѣляхъ систематизаціи божествъ потребовалось сооруженіе храмовъ, регламентированіе обрядовъ и учрежденіе сословій жрецовъ. Авгуры предшествовали жрецамъ. Предсказывая будущее по полету птицъ и ихъ пѣнію, по грому, молніи и затмѣніямъ, по жадности, съ какою священныя цыплята набрасывались на священный хлѣбъ, они не нуждались въ храмахъ и вообще въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Замѣнивъ авгуровъ жрецами, Римъ воздвигнулъ первый храмъ Юпитеру на Капитолійскомъ холмѣ съ притворами для Юноны и Минервы. Въ этомъ святилищѣ были помѣщены и книги Сивиллы. Здѣсь же кормились и священные гуси, спасшіе своимъ крикомъ Капитолій отъ галловъ. Три раза выгоралъ Капитолій и все еще продолжалъ оставаться мѣстопребываніемъ сонма боговъ.

Первоначально жрецы отправляли обряды культа съ искренней вѣрою въ ихъ божественное значеніе, но затѣмъ священная искра обрядовъ начала гаснуть и служеніе обратилось въ показное дѣло для суевѣрной народной массы. Привыкнувъ къ фарисейству, жрецы лицемѣрили цѣлые вѣка, въ теченіе которыхъ официальная вѣра размѣнивалась на подношенія, служившія личному ихъ обогащенію, а частью и для ошеломленія народа пышностью храмовъ. Предугадывая, что ослабленіе чувства уваженія и страха передъ богами поведетъ къ религіозной катастрофѣ, тріумвиръ Августъ сдѣлалъ все доступное императорской власти, чтобы обновить, поддержать и укрѣпить культъ, разрушавшійся благодаря косности и разнузданности жрецовъ. Понимая, какое громадное вліяніе имѣютъ на государственную политику житейскій обиходъ и благосостояніе семьи, Августъ отодвинулъ Юпитера со связкою громовыхъ стрѣлъ и его орла въ сторону и занялся насажденіемъ реальныхъ элементовъ управленія судьбами народа. Покровительствуя литературѣ и наукамъ, онъ окружилъ себя такими знаменитостями, какъ Виргилій и Горацій. Подчиняясь однако давленіямъ партій, онъ изгналъ Цицерона и разогналъ сочувствовавшій ему сенатъ.

Языческій міръ сознавалъ, что пантеонъ созданъ его же иллюзіями и что иноземные боги имѣютъ также право на извѣстную долю почитанія.

Систему вѣротерпимости цезари прилагали и къ іудейскому народу, отъ котораго требовали только покорности и исправнаго доставленія даней. Іудея рѣдко покорствовала, за что обычно и расплачивалась сокровищами и свободою. Преклоняясь только передъ физическою силою, она никогда и нигдѣ не торопилась воздавать кесарево кесарю, поэтому Іерусалимъ много разъ видѣлъ свои стѣны въ руинахъ, а храмы сожженными.

Необычайная заносчивость іудейскаго племени народилась уже съ того момента, когда оно нашло Іегову и посадило его на вершину Синая. Отсюда воинствовавшій Іегова принялся грозить всѣмъ народамъ и охотно разрѣшалъ своимъ послѣдователямъ

передѣлывать серпы и орала въ мечи, пока не пришлось впослѣдствіи передѣлывать обратно мечи въ серпы и орала. Превратившись въ довольно грозное политическое тѣло, іудеи повысили и Іегову въ великаго Бога со всѣми аттрибутами всецарскаго величія и справедливѣйшаго изъ судей.

Іегова не остался въ долгу передъ способствовавшимъ его повышенію Израилемъ, котораго онъ и призналъ своимъ избраннымъ народомъ. Благодарный Израиль перемѣстилъ его съ вершины горы Синая на небо и установилъ культъ жертвоприношенія. Но одного ѳиміама изъ безкровныхъ веществъ было недостаточно, такъ какъ божество не участвовало въ пиршествѣ, обязательно сопровождавшемъ жертвоприношеніе. Тогда жрецы перешли къ сожженію туковъ. Такая преданность Іеговѣ повела къ тому, что Израиль счелъ себя въ залогѣ у Іеговы, а Іегову въ залогѣ у самого себя.

Въ дѣлахъ культа Іудея шла по слѣдамъ Израиля. При взаимности божественной силы съ человѣкомъ послѣдователи Іеговы сочли уже позоромъ смѣшиваться съ поклонниками другихъ культовъ. Считая себя спеціально призванными къ святости, іудеи рѣшили, что имъ вручена міровая религія, которую они и обязаны распространять по всѣмъ народностямъ и странамъ свѣта. Отсюда явилось презрѣніе не къ однимъ многобожникамъ, но и ко всему человѣчеству. Одно прикосновеніе къ исповѣдникамъ другого культа оскверняло душу іудея и требовало омовенія; точно также оскверняла его и пища изъ нечистаго животнаго. Этотъ духъ высокомѣрія внѣдрился до того глубоко, что при явномъ проявленіи его у сильныхъ и знатныхъ или фанатиковъ и при скрытомъ у обездоленныхъ, іудейство не разъ принимало воинственную осанку и выступало противъ своихъ властелиновъ.

Изъ властелиновъ Рима можно указать не многихъ притѣснителей іудеевъ изъ за религіозныхъ убѣжденій. Политиканы Рима пытались замѣнить Іегову Юпитеромъ, не сообразивъ, что драконовскими мѣрами нельзя насаждать религіи; попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе іудино колѣно, возмнившее себя Божіимъ народомъ, подвергалось и въ Римской имперіи величайшимъ испытаніямъ. Въ природѣ гонимаго человѣка и гонимыхъ націй живуче стремленіе приписывать причины гоненій не истиннымъ фактамъ, а тѣмъ, которые въ окружающей средѣ и потомъ на страницахъ исторіи могутъ вызвать наиболѣе яркое соболѣзнованіе. Поэтому іудеи выступили противъ властелиновъ подъ флагомъ защиты Іеговы, тогда какъ

одни лишь расовыя свойства ихъ вызывали протесты Египта, Вавилона, Сиріи и Рима. Въ порывахъ необузданной ярости гонители не щадили уже не только народнаго достоянія, но и святыни подпавшаго подъ опалу народа.

Такимъ гонителемъ справедливо считать вавилонскаго царя Новуходоносора, полководцы котораго разрушили до основанія первый іерусалимскій храмъ, служившій центромъ объединенія іудинаго колѣна. Легенды преувеличили его несмѣтныя богатства и довели ихъ стоимость до милліарда руб. по нынѣшнему счету. Первоначально Іегова присутствовалъ въ видѣ ослѣпительнаго облака при освященіи храма, но когда іудеи впали въ беззаконія, Іегова привелъ Навузардака для разрушенія храма.

Второй храмъ, сооруженный на мѣстѣ разореннаго, подвергся той же участи, но только уже отъ рукъ сирійскаго властелина Антіоха Епифана. Владычество Сиріи надъ Іудеей продолжалось весьма короткое время. Кичливое племя, имѣло несчастье видѣть, какъ солдаты Помпея низвергнули стѣны втораго храма до основанія.

Еще разъ возобновленный въ Іерусалимѣ храмъ пострадалъ уже окончательно и безповоротно въ эпоху Нерона, когда іудеи крайне необдуманно подняли знамя бунта. Предлогомъ къ нему служили притѣсненія мѣстнаго прокуратора, успѣвшаго найти въ Неронѣ сильнаго защитника. По его велѣнію полководецъ Веспасіанъ испепелилъ всю Іудею, а его сынъ Титъ докончилъ дѣло разрушенія Іерусалима. Іудея была обращена въ пустыню.

Передовые умы іудеевъ не могли не признавать, что договорныя отношенія божества съ человѣкомъ не отвѣчаютъ идеямъ величавой святости и что необходимо найти иной путь общенія человѣка съ вседержащею силою. Народная масса отстранила это ученіе. Ей казалось преступнымъ разстаться съ идеей о міровомъ господствѣ; вмѣсто исканія новыхъ путей, іудеи окружили свое міровоззрѣніе легендарными чудесами, показною пышностью и торжественностью обрядовой стороны служенія Іеговѣ. Далѣе этого іудейство не пошло. Признавъ свой культъ обработаннымъ до непогрѣшимости, оно рѣшилось на сопротивленіе—частью пассивное, частью активное, исповѣдникамъ всѣхъ прочихъ вѣрованій. Борьба эта длится и по наше время.

Идея о необходимости новаго соглашенія человѣка съ божествомъ пала на благодарную почву. Идея эта оплодотворена христіанствомъ, провозгласившимъ, что Богъ есть сила, все создавшая, слѣдящая за всѣмъ совершающимся, покровительствую-

щая не только знатному и великому, но и ничтожному и даже преступному. Эта новая сила потребовала равной любви и къ эллину и къ іудею. Въ ней открылся источникъ утѣшенія всего страждущаго. Ея душевный и благородный идеалъ оказался чуждымъ ограниченій, чуждымъ жертвоприношеній, не доступнымъ эгоизму и спутникомъ жизни человѣка отъ младенческаго возраста до глубокой старости и отъ несвѣдущаго ума до генія философа.

Въ противоположность христіанству боги римлянъ никого не любили; они вели себя во многихъ случаяхъ хуже людей, богини же ихъ не затруднялись гасить пылъ своихъ страстей въ объятіяхъ божественныхъ голіаѳовъ. Вообще римскій пантеонъ никакого общенія съ народомъ не имѣлъ и существовалъ особнякомъ, откуда исходили, какъ изъ закрытой урны, одни лишь велѣнія. Подчиняясь этой формѣ культа, языческій міръ не могъ уяснить себѣ тезисы христіанства: Богъ человѣченъ и человѣкъ—божественен. Язычнику было также не понятно единобожіе съ ученіемъ о троичности лицъ въ одномъ существѣ Божества. Ему было непонятно и ученіе о Богѣ, какъ объ абсолютно совершенномъ Духѣ и притомъ не только Разума и Всемогущества, но и Благости и Любви. Ученіе о полномъ господствѣ духовнаго начала надъ матеріей не совмѣщалось въ заматерѣломъ поклонникѣ мраморной или глиняной глыбы. Ученіе о будущемъ блаженствѣ признавалось жрецами простою ловушкою для завлеченія незрѣлыхъ умовъ.

Гигантское политическое тѣло римлянъ долгое время оставляло безъ вниманія новонародившуюся глубоко философскую вѣру, считая ее не болѣе какъ сектою іудаизма. Передовымъ умамъ послѣдняго было ясно, что язычеству наступитъ вскорѣ конецъ, поэтому достаточно было ограничиваться затаеннымъ къ пантеону римлянъ презрѣніемъ. Подобнаго рода пассивное отношеніе было уже не примѣнимо къ христіанству, догмы котораго ставили преграды распространенію іудаизма. Отсюда явилось первоначально внимательное отношеніе къ провозвѣстнику христіанства, объявившему себя другомъ мытарей и грѣшниковъ, а затѣмъ и сознаніе, что христіанство, избѣгая міровладычества, все же можетъ подорвать мечты іудеевъ о всемірномъ господствѣ. Культъ христіанства организовывался съ широкими горизонтами, за которыми могли скрыться безслѣдно договорныя, чуть не контрактныя, отношенія Іеговы съ его послѣдователями. Ораторы христіанства жгли сердца не только однимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ,

но и очевидными истинами, попиравшими грубыя изваянія язычниковъ и самый договоръ іудеевъ съ Іеговою. Вступивъ въ борьбу съ іудаизмомъ, христіанство выставило въ своемъ арсеналѣ чудеса, адъ съ его ужасами и новый загробный Іерусалимъ съ тихими и свѣтлыми радостями.

Не располагая на первыхъ порахъ своего существованія силою сопротивленія, христіанство не пошло ни противъ Іеговы, ни противъ его поклонниковъ. Поэтому въ духовномъ персоналѣ христіанства, не исключая и епископовъ, оставались временно и обрѣзанцы, занимавшіе переходную стадію между старыми и новыми идеями. Новообращенные іудеи, признавая Іисуса за Мессію, появленіе котораго предсказывалось пророками, и глубоко уважая его ученіе, основанное на началахъ всечеловѣчности, продолжали придерживаться издревле заповѣданныхъ обрядовъ. Эти іудействующіе христіане, соединявшіе законы Моисея съ новозавѣтнымъ ученіемъ, вызывали ненависть іудейскихъ фанатиковъ въ такой же мѣрѣ, какъ и истинные христіане.

Быстрое обогащеніе новой вѣры сторонниками не могло не обнаружить всю шаткость надежды іудеевъ на міровое господство культа Іеговы. Вмѣстѣ съ послѣднимъ утрачивалась надежда и на политическую гегемонію надъ народами, которыхъ іудеи считали, какъ и весь міръ, ниже себя и по культурѣ и по природнымъ дарованіямъ.

Опасеніе іудеевъ за свое будущее привело христіанство къ Голгоѳѣ и къ крестному распятію ненавистнаго іудейству Богочеловѣка. Этимъ преступнымъ заговоромъ противъ новаго ученія іудеи нанесли себѣ-же ударъ, отъ котораго они не оправятся и до скончанія міра.

Проводники христіанства, движимые одними своими духовными помыслами, разсѣялись повсюду, куда достигала власть императоровъ. Не прошло и столѣтія, какъ язычники уже жаловались, что новая вѣра захватываетъ цѣлыя провинціи, приводитъ къ запустѣнію храмы Юпитера, и священныя жертвы остаются безъ покупателей. Новая вѣра шла неудержимою волною не только по проторенньмъ торговымъ путямъ и по дорогамъ передвиженія легіоновъ, но и въ мѣста, отдаленныя отъ обще-государственной жизни. Философъ Юстинъ—бывшій язычникъ—въ концѣ перваго вѣка отмѣтилъ въ своихъ апологіяхъ добродѣтели христіанъ, благотворительность ихъ, щедрость и сострадание къ бѣднымъ и затѣмъ доложилъ императорамъ Антонину Благочестивому и Марку Аврелію, что молитвы во имя распятаго Іисуса возносятся уже среди греческаго и варвар-

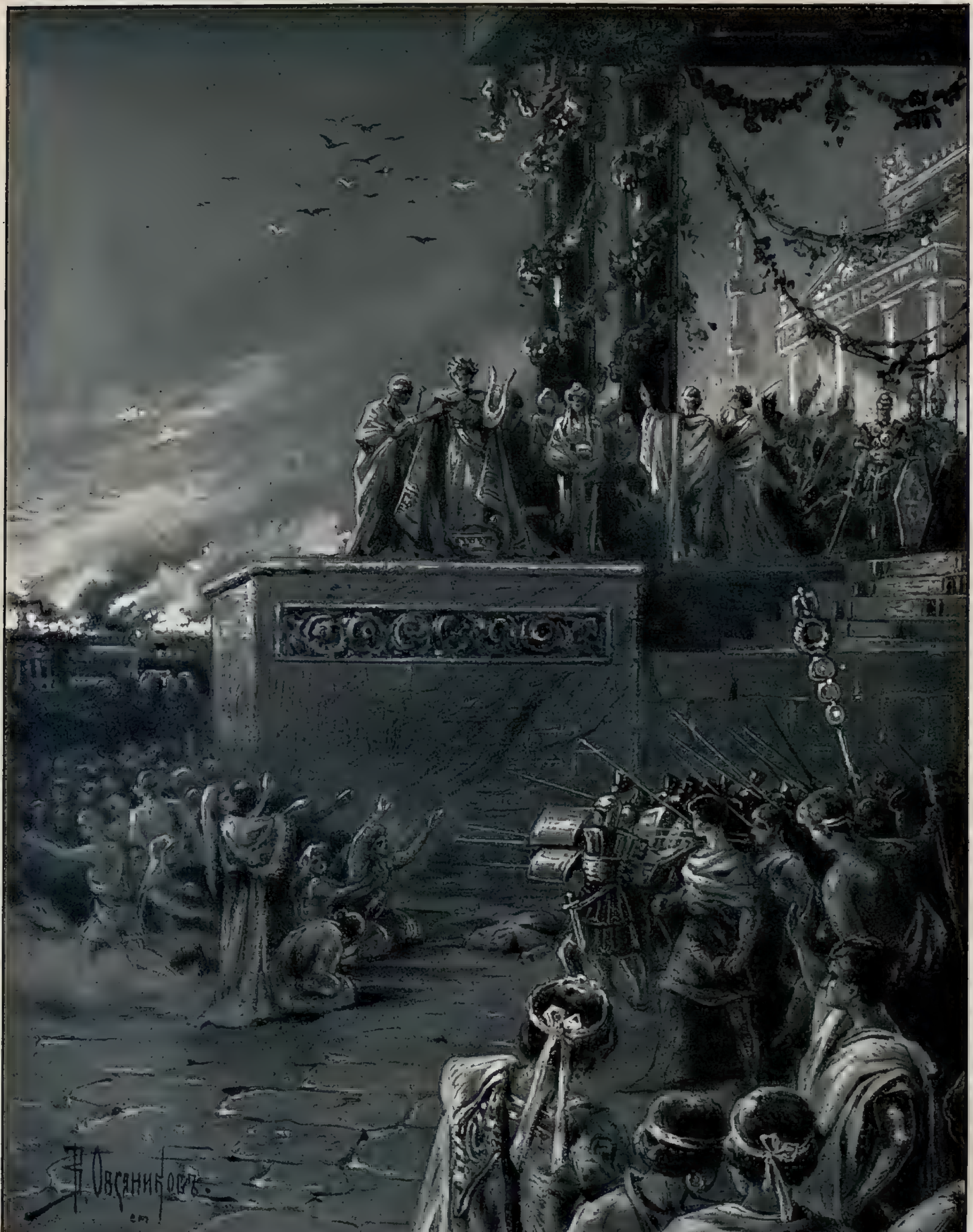
*

скаго народовъ, среди кочевниковъ и земледѣльцевъ. Молитвы эти онъ находилъ сходными съ ученіемъ знаменитѣйшихъ греческихъ философовъ.

Въ переходную эпоху новой вѣры римляне, предполагая въ ея послѣдователяхъ не болѣе какъ отрасль іудаизма, обращали свою ненависть къ іудеямъ и на христіанскія общины. Несмотря на осторожность и сдержанность христіанъ, власти Рима улавливали въ нихъ стремленіе къ независимости преимущественно въ проповѣдяхъ, въ которыхъ проводилась идея подчиненія земной власти—высшей, небесной. Идея эта проповѣдывалась особенно усердно въ потаенныхъ ночныхъ собраніяхъ, усиливавшихъ подозрительность римлянъ. Она казалась совершенно преступною цезарямъ, не уступавшимъ въ величіи и самому Юпитеру. Подозрительность росла и ширилась, особенно, когда рабы, проникнутые идеями общаго равенства, вступили въ борьбу за свободу отъ тираніи. Пользуясь этими проявленіями, Іудея разжигала всюду, гдѣ могла, фанатизмъ язычниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступала и сама съ прямыми гоненіями, направленными противъ проповѣдниковъ и апостоловъ. Проповѣдникъ Стефанъ былъ умерщвленъ камнями, а въ гоненіи, поднятомъ Иродомъ Старшимъ, палъ одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ Яковъ Заведеевъ. Къ счастью для христіанства силы и значеніе Іудеи не дозволяли ей развивать въ широкихъ предѣлахъ открытую съ нимъ борьбу. Миссію эту она предоставила партіи языческихъ старовѣровъ.

Неронъ въ порывѣ психопатическаго экстаза поджегъ Римъ единственно съ цѣлью насладиться величайшимъ драматическимъ эпизодомъ. Поэтизируя передъ стихіей бѣшено пожиравшей міровую столицу, онъ не пропустилъ однако мимо ушей поднявшійся вокругъ него народный ропотъ. Народъ искалъ виновника небывалаго бѣдствія. Много нужно было приспѣшниковъ, чтобы одновременно разбросать пылавшіе смоляные факелы въ наиболѣе податливыхъ огню частяхъ города; немудрено, что въ числѣ поджигателей нашлись и слабовольные христіане.

Ошеломленныя толпы разъяренной черни сплотились и подошли къ дворцу Нерона. Напрасно легіонеры преграждали путь озвѣрѣлой массѣ, утратившей отъ горя и ужаса обликъ человѣчества. Въ особу Нерона, воспѣвавшаго на террасѣ народное бѣдствіе, полетѣлъ градъ камней. Арфа была выбита изъ его рукъ. Въ эту минуту онъ поддался страху не только за корону, но и за жизнь, которою очевидно не дорожили его подданные. Здѣсь Тигеллинъ, его ближайшій совѣтникъ, указалъ на сред-



Преступленіе Нерона.

ство избѣгнуть кровавой расправы. Такимъ средствомъ послужило заявленіе психопата-императора, что вина за истребленіе Рима должна пасть на христіанское населеніе, которое онъ и отдавалъ на судъ толпы.

Римъ былъ залитъ кровью. Не довольствуясь самосудомъ толпы, психопатъ, желая подкрѣпить свое обвиненіе, устроилъ впослѣдствіи освѣщеніе Рима факелами изъ живыхъ христіанъ, облитыхъ смолою и привязанныхъ къ высокимъ столбамъ.

Жестокость Нерона обрушилась только на христіанъ, проживавшихъ собственно въ Римѣ и мало коснулась христіанъ въ провинціяхъ, гдѣ народъ не видѣлъ поводовъ къ истребленію невинныхъ исповѣдниковъ новой вѣры. Царившіе послѣ Нерона императоры, стремившіеся загладить болѣзненные припадки его жестокости, не только прервали дальнѣйшія противъ христіанъ гоненія, но и приняли ихъ подъ свою защиту.

Слѣдующее массовое гоненіе противъ христіанъ продолжалось не долго. Домиціанъ, ненавидѣвшій традиціонно іудеевъ, смѣшалъ ихъ вѣрованіе съ христіанствомъ и подвергнулъ сторонниковъ обоихъ культовъ жестокому преслѣдованію. Послѣднее не успѣло развиться, благодаря лишь кинжалу вольноотпущенника, посягнувшаго на жизнь своего властелина. Сенатъ, осудивъ самую память Домиціана, отмѣнилъ всѣ его декреты объ изгнаніи и преслѣдованіи христіанъ.

Встрѣчая со стороны архонтовъ и проконсуловъ время отъ времени формальныя обвиненія христіанъ, то въ пренебреженіи къ государственнымъ богамъ, то въ прямой измѣнѣ государству, народная масса выдѣлила цѣлыя партіи староверовъ, приписывавшія всѣ бѣдствія страны сторонникамъ новой вѣры. Христіане оказывались повинными и въ моровой язвѣ, и въ землетрясеніи, и въ чрезмѣрномъ разливѣ Тибра и даже въ неудачныхъ войнахъ.

Особенно же христіане обвинялись въ распущенности нравовъ, доходившихъ до глумленія надъ богами и надъ властями, требовавшими исправнаго взноса налоговъ въ пользу алтарей Юпитера и его товарищей. Въ этомъ видѣ христіане были представлены императору Децію, который и установилъ цензуру нравственности, усердно послужившую гоненію христіанъ. Установленная имъ цензура выдвинула на историческую сцену истинныхъ христіанскихъ страстотерпцевъ. Образцомъ послѣднихъ послужилъ епископъ Кипріанъ, котораго староверы-язычники осудили на растерзаніе въ звѣринцѣ. Избѣгнувъ народной ярости, Кипріанъ былъ потомъ осужденъ легальнымъ судомъ

на обезглавленіе за принадлежность къ ассоціаціи новой вѣры и за враждебное отношеніе къ богамъ Рима.

Казнь его совершилась въ эпоху соправительства Максиміана и Галерія, управлявшихъ провинціями при помощи одной солдатской отваги. Изъ нихъ Галерій успѣлъ добыть отъ соимператора эдиктъ, которымъ вся христіанская община поставлялась внѣ законовъ имперіи. Храмы христіанъ было рѣшено срыть до основанія, имущество церквей конфисковать, и казнить каждаго, кто осмѣлится осуждать религію предковъ. Всѣ священныя книги были сожжены, при чемъ философы языческаго культа не брезгали руководить истребленіемъ писаній пророковъ и апостоловъ. Первую кару за неповиновеніе эдикту испыталъ христіанинъ, рѣшившійся разорвать выставленный для публичнаго прочтенія экземпляръ эдикта.

Константинополь XX в. Колона Константина.

Но и этому знаменитому эдикту не удалось нанести христіанству смертельный ударъ. Завѣты послѣдняго, какъ согласные съ возвышенными сторонами природы человѣка, по временамъ замирали, но не исчезали. Происходили періоды жестокихъ гоненій, и христіанскій свѣточъ вновь озарялъ не только пещеры, въ которыхъ скрывались проповѣдники и пресвитеры, но и дворцовыя уже залы, куда христіанство проникло впервые при посредствѣ евнуховъ. Поднятое эдиктами Галерія и Домиціана гоненіе пронеслось по

всѣмъ провинціямъ имперіи, но во власти человѣколюбивыхъ правителей оно быстро затихло. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ при дворѣ явились сановники—христіане; а далѣе христіане представляли уже силу, на которую довѣрчиво опирались и сами императоры. Въ этой силѣ встрѣтилъ могущественную поддержку императоръ Константинъ, когда онъ задумалъ образовать изъ восточной половины Римской Имперіи новое самостоятельное государство, получившее наименованіе Ромейскаго и Византійскаго.

III.

На пути аргонавтовъ.

ПРИ РАЗДѢЛЕНІИ Римской имперіи на четыре автономныхъ префектуры, Діоклетіанъ принялъ въ 286 г. въ соправители кромѣ Максиміана— Галерія и Констанція Хлора. Галерій получилъ восточную префектуру, а К. Хлоръ, бывшій первоначально намѣстникомъ Далмаціи, получилъ автономную группу изъ Галліи, Испаніи и Мавританіи, къ которой присоединилъ впослѣдствіи и Британію съ Лондономъ, взятымъ римскими легіонами 1 Мая 305 г.

К. Хлоръ оставилъ старую вѣру нетронутою, но вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ преслѣдованіе христіанъ. Эта склонность къ христіанству отразилась на религіозныхъ убѣжденіяхъ его сына Кая Флавія Константина, выполнившаго историческую миссію міроваго значенія.

Годы юности Константинъ провелъ вынужденно при дворѣ Діоклетіана, который потребовалъ его заложникомъ въ обезпеченіе вѣрности К. Хлора. Пребывая при дворѣ, Константинъ очутился между двумя культами: языческимъ, находившимся подъ могущественнымъ покровительствомъ соимператора Галерія, и христіанскимъ, преобладавшимъ въ семьѣ отца.

Удаленіе Діоклетіана отъ управленія имперіей прекратило залоговыя отношенія Константина ко двору; ему, достаточно уже возмужалому, предстояло обезопасить себя отъ Галерія, продолжавшаго политику гоненія на христіанъ. Предпринятый отцомъ походъ противъ скоттовъ далъ возможность Константину покинуть ненадежное убѣжище въ Никомедіи и отправиться въ Галлію къ легіонамъ отца. По смерти послѣдняго въ 306 г. народъ и легіоны провозгласили Константина императоромъ.

Возвышеніе его не обошлось безъ протестовъ и возмущеній, поднятыхъ старовѣрами язычества и претендентами на престолъ имперіи. Претендентами явились, объявившіе себя въ Римѣ августами, Максенцій и отецъ его Максиминъ, но тотъ и другой были разбиты, а затѣмъ умеръ въ 312 г. и Галерій, послѣ котораго не оставалось соперниковъ на тронъ цезарей. Тѣмъ не менѣе Константинъ встрѣтилъ таковаго неожиданно въ Лициніи, женатомъ на его родной сестрѣ и объявившемъ себя властелиномъ имперіи. Лициній, родомъ изъ плебеевъ Дакіи, былъ возведенъ въ санъ августа въ 307 г. Галеріемъ. Не сочувствуя идеямъ христіанства, онъ дважды поднималъ оружіе противъ императора и, опираясь на языческіе легіоны, вступалъ съ нимъ въ открытую борьбу. Оба раза онъ потерпѣлъ пораженіе, первое при Адріанополѣ въ 324 г., а второе въ слѣдующемъ году при Хризополѣ. Повидимому онъ затѣвалъ и третье возстаніе, но оно не состоялось по неожиданной смерти его въ Ѳессалоникахъ.

Завершивъ борьбу съ претендентами, Константинъ соединилъ всю разрозненную имперію подъ своею властью, что потребовало учрежденія новой столицы взамѣнъ залитаго кровью Рима, все еще не желавшаго разстаться съ пантеономъ своихъ многочисленныхъ боговъ.

Еще во время похода противъ Максенція Константинъ обратилъ вниманіе своей свиты на горѣвшій въ небесныхъ сферахъ знакъ креста съ надписью, которую очевидцы—вѣроятно христіане — прочли такъ: — „Симъ знакомъ побѣждай". Въ слѣдующую ночь Константинъ услышалъ таинственное велѣніе сдѣлать знамя съ изображеніемъ креста и нести его впереди готовившихся въ бой легіоновъ. Разбитый Максенцій кинулся съ отчаянія въ пучины Тибра.

Считая себя обязаннымъ въ этой битвѣ покровительству креста, Константинъ объявилъ полную свободу христіанскаго богослуженія. Уничтоживъ эдикты, предписывавшіе гоненія, онъ возвратилъ христіанамъ все у нихъ отнятое. Вскорѣ культъ язычества пришелъ къ совершенному упадку.

По соединеніи разрозненныхъ частей имперіи Константинъ убѣдился въ невозможности управлять государствомъ при существованіи столицы, крайне отдаленной отъ многихъ окраинъ. Окраины не унимались и не смотря на присутствіе легіоновъ

стремились отпасть отъ Рима и возвратиться къ памятной имъ самостоятельности. Однѣ изъ нихъ, пользуясь выгодными обстоятельствами, изгоняли намѣстниковъ, а другія, напротивъ, провозглашали ихъ цезарями и августами съ условіемъ самостоятельнаго царенія. При томъ же нелегко было выполнить и нравственную борьбу съ капитоліемъ, увѣнчаннымъ храмами Юпи-

Восточная Римская или Византійская Имперія эпохи Константина Великаго.

тера, Минервы и Юноны. Въ этомъ святилищѣ хранились всѣ трофеи изъ блестящей эпохи язычества, а у подножія холма были расположены казармы преторіанцовъ, имѣвшихъ здѣсь свой собственный храмъ «Чести и Доблести».

Императору, хотя и не разрывавшему открыто свою связь съ языческимъ міромъ, оставалось рѣшиться на замѣну Рима,

какъ столицы имперіи, болѣе центральнымъ и болѣе выгоднымъ въ политическомъ отношеніи пунктомъ.

Отыскивая среди своихъ владѣній пунктъ, который удовлетворялъ бы многоразличнымъ требованіямъ міровой столицы, императоръ остановилъ свой выборъ на маленькой колоніи, извѣстной въ ту пору подъ именемъ Византіи. Природа скупо наградила землю такими красивыми проявленіями своей творческой силы, какими она надѣлила проливъ, соединяющій понтъ Эвксинскій съ Пропонтидою. По легендарнымъ сказаніямъ даже Нептунъ, обозрѣвая свое царство, выходилъ на сушу только на прибрежьи Золотаго Рога. Здѣсь за шесть съ половиной вѣковъ до хр. э. заселилось мегарскими выходцами перепутье, получившее впослѣдствіи историческое и колоссальное значеніе. Образовавшаяся на европейскомъ берегу Босфора колонія привлекала десятки разъ хищническія вожделѣнія варваровъ и культурныхъ націй и несмотря на ихъ погромы, разрослась въ государство, захваченное римлянами въ 63 г. до хр. эры.

Ко времени этой эпохи лѣсистые берега Босфора были покрыты алтарями въ честь боговъ покровителей мореплаванія и торговли. Усердіе это объясняется страхомъ передъ враждебными силами, заключавшимися въ грозныхъ волнахъ Эвксинскаго понта. Можно утверждать, что ходившіе здѣсь аргонавты усердно молились богамъ, прежде чѣмъ проходили въ Эвксинскій понтъ за золотымъ руномъ. Аргонавтами были торговые греки.

При выборѣ мѣста для постановки новаго Рима геній Константина указалъ ему на семь холмовъ у Золотаго Рога. Мѣсто это было идеально въ стратегическомъ отношеніи и болѣе нежели выгодно въ сборѣ даней съ судовъ, оперировавшихъ въ Эвксинскомъ понтѣ. Надежныя стѣны и высокія башни могли обратить новый Римъ въ твердыню, совершенно неуязвимую со стороны ѳракійской долины. На морѣ были сильны въ ту пору генуэзцы и венеціанцы, но ни сенату первыхъ, ни дожамъ вторыхъ не могла и въ голову прійти мысль о нападеніи на римскаго орла.

Подчиняясь духу времени и душевному настроенію сыновъ Эллады, двинувшихся сюда широкою волною, Константинъ обставилъ основаніе новой столицы таинственными велѣніями судьбы. Народной массѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что императору во снѣ являлся геній въ видѣ старой матроны, преобразившейся у семи холмовъ въ прекрасную цвѣтущую дѣву. Очевидно воля небесъ указывала этимъ путемъ, что задуманный планъ новой столицы будетъ украшеніемъ міра. Послѣ этого видѣнія импера-

торъ намѣтилъ лично границы новаго Рима. Въ торжественной процессіи онъ провелъ эту границу своимъ копьемъ, захвативъ громадную площадь, что служило даже предметомъ удивленія собравшихся зрителей. Удивленіе это не останавливало императора. Онъ шелъ все далѣе и далѣе, сообщивъ только приближеннымъ, что онъ повинуется идущему впереди его свѣтоносному руководителю. Эпизодъ этотъ относится къ 326 г.

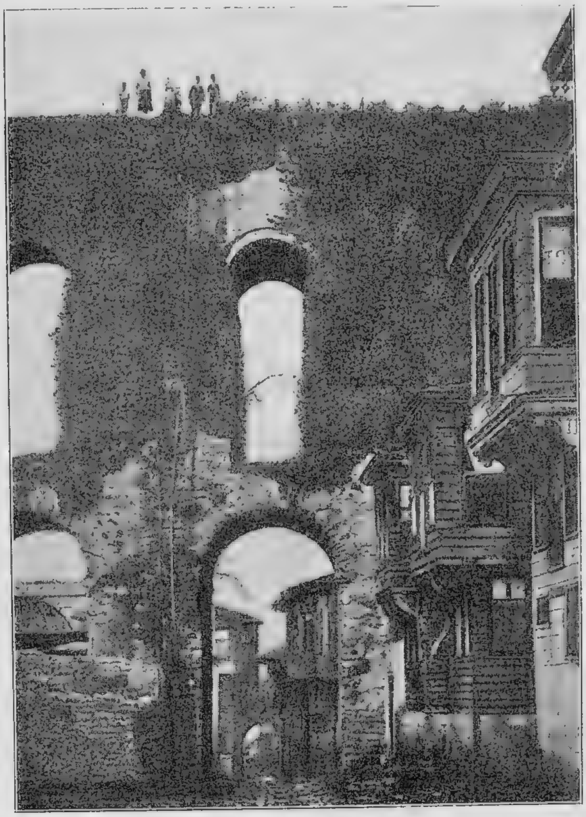
Оцѣнивъ стратегическое значеніе Босфора еще въ войнѣ съ Лициніемъ, императоръ подчинился въ своемъ выборѣ и вліянію эстетики, такъ сильно властвующей въ этомъ чарующемъ уголкѣ земнаго шара. Достойно вниманія, что притягательная сила Золотаго Рога затрогивала нѣжныя душевныя струны не только культурныхъ грековъ и римлянъ, но и дикія орды пробовали не разъ раскидывать здѣсь свои шатры. Жизненную же силу здѣсь доступно было черпать въ изобиліи даровъ природы: рыбныя богатства были неисчерпаемы, садоводство не требовало тяжелаго труда, хлѣбнымъ зерномъ, шедшимъ съ береговъ понта, можно было засыпать проливъ.

Не довольствуясь очаровательными природными условіями маленькой Византіи, императоръ приложилъ всѣ попеченія, чтобы возвести ее на степень міродержавной столицы. Отъ набѣга варваровъ со стороны Ѳракіи онъ оградилъ новый Римъ глубокимъ рвомъ, зубчатыми стѣнами, боевыми башнями и металлическими воротами. Башня Св. Романа служила для надзора за долиною на разстояніи, какое только могло быть охвачено острымъ зрѣніемъ.

На зависть стараго Рима онъ повелъ громадныя сооруженія, въ которыхъ первое мѣсто занималъ Большой Дворецъ, вполнѣ отвѣчавшій величію императора, ипподромъ и водопроводъ на тысячѣ аркахъ и наконецъ для будущихъ тріумфовъ форумъ, украшенный античными статуями, доставленными сюда изъ всѣхъ мѣстъ имперіи.

Для привлеченія населенія императоръ велѣлъ объявить повсюду чрезвычайныя льготы. Избранные населеніемъ члены городскаго совѣта получили вмѣстѣ съ этимъ званіемъ и титулы сенаторовъ. Хлынувшая сюда неудержимая толпа піонеровъ и авантюристовъ внесла съ собою и свои національныя условія жизни, свои расовыя особенности, а съ ними и вожделѣнія къ захвату власти и къ обогащенію. Генуэзцы жадно эксплоатировавшіе и Эгейское и Эвксинское моря, явились въ новый Римъ съ требованіемъ отвести имъ у Золотаго Рога достаточное мѣсто для ихъ торговой факторіи. Примѣру генуэзцевъ по-

слѣдовали и венеціанцы. Требованія ихъ были охотно удовлетворены, поэтому нисколько не удивительно, что населеніе бывшей крошечной Византіи, преобразившейся въ столицу, возросло въ скоромъ времени до полумилліона душъ. Данное новому Риму направленіе въ сторону блеска и величія послужило задаткомъ его всепоглащающаго значенія, что и отразилось впослѣдствіи въ судьбахъ имперіи.



Руины водопровода.

Преобладавшее и быстро усилившееся греческое населеніе Византіи исповѣдывало уже въ эпоху нарожденія новаго Рима христіанскую религію, поразившую миѳологическій пантеонъ Эллады безъ серьезнаго сопротивленія. При тѣхъ дружественныхъ отношеніяхъ, какія существовали между гражданами Эллады и ихъ богами, представляется нѣсколько страннымъ, что они разошлись безъ слезъ и сожалѣній. Городскіе боги, очень заботившіеся о благѣ патронируемыхъ ими жителей, оставили ихъ передъ нашествіемъ новой свѣжей силы безъ всякой поддержки. Въ свою очередь и жители оставили ихъ безъ жертвъ и поклоненій и даже, выходя на битву, перестали носить передъ собою ихъ статуи. Мало того, проигравъ битву, греки не только упрекали своихъ боговъ въ дурномъ исполненіи ихъ обязанностей, но и забрасывали камнями входы въ ихъ храмы.

Эллада разсталось со своими богами безъ душевной скорби по многимъ причинамъ. Тому было между прочимъ виною отсут-

ствіе центральной политической системы и раздробленіе страны на многочисленныя и по одному этому малосильныя общины. Кромѣ того, основы культа были безпрерывно подрываемы философами и школами. Однѣ изъ нихъ смотрѣли на своихъ боговъ съ художественной точки, а другія видѣли въ нихъ только творческія силы Гомера, надѣлившаго такъ поэтично своихъ героевъ идеальными свойствами. Затѣмъ вкравшійся въ жизнь грековъ раціонализмъ потребовалъ отвѣтовъ на такіе богословскіе вопросы, передъ которыми отмалчивались и боги Гомера.

Императоръ присоединился офиціально къ христіанской религіи только наканунѣ своей смерти въ 337 г., убѣдивъ передъ тѣмъ свою мать Елену послѣдовать его примѣру. Его медленность въ данномъ случаѣ не служитъ показателемъ его душевнаго колебанія; правильнѣе всего ее приписать государственному уму, властно диктовавшему истину, въ силу которой самодержавный властелинъ обнималъ интересы своего народа, безъ партійныхъ и иныхъ его перегородокъ.

Если знакъ креста, явившійся императору въ битвѣ съ Максенціемъ, можно считать альфою твердо установившагося христіанскаго вѣрованія, то вся его послѣдующая законодательная дѣятельность доказываетъ стойкость и послѣдовательность въ водвореніи въ государствѣ христіанства. Эдиктомъ въ 313 г. церковный клиръ былъ освобожденъ отъ всѣхъ повинностей. Въ томъ же году и вся церковь освобождена отъ податей. Эдиктъ 315 г. грозилъ іудеямъ сожженіемъ за избіеніе камнями вѣрующихъ христіанъ при собраніяхъ ихъ на молитву. На христіанскія церкви было распространено право убѣжища. Эдиктъ 321 г. разрѣшилъ вклады въ христіанскія церкви. Въ то-же время и язычники не испытывали гоненія. Евреи также пользовались льготами въ отбываніи государственныхъ повинностей. Этотъ царственный нейтралитетъ, завершившійся великимъ предсмертнымъ актомъ, подготовилъ къ единенію государство и христіанскую церковь. Достойно вниманія, что узнавъ о бурныхъ преніяхъ, возникнувшихъ среди христіанъ, по поводу ученія Арія онъ совѣтовалъ «хранить» свои особыя мнѣнія въ тайникахъ своихъ душъ. Епископы не могли однако оставить Арія, распространявшаго свои идеи въ поэмѣ «Ѳалія» безъ сильнаго возраженія. Тогда императоръ, не принявшій еще христіанства, созвалъ первый никейскій соборъ, при чемъ именовалъ христіанскихъ епископовъ братьями и сослужителями.

Самъ основатель Новаго Рима не предвидѣлъ, до какихъ онъ можетъ дойти размѣровъ и какое величавое значеніе онъ

пріобрѣтетъ въ исторіи міровыхъ событій. Не только всѣ его семь холмовъ покрылись образцами зодчества, но и берега Пропонтиды представлялись впослѣдствіи сплошнымъ садомъ. Вообще здѣсь культура Стараго Рима шла въ первыя столѣтія рука объ руку съ античною красотою Греціи, и въ результатѣ ихъ дружескихъ отношеній получились образцы, удивляющіе и въ наше время своимъ сочетаніемъ внѣшняго могущества съ внутренними духовными силами.

Строгій Старый Римъ брюзжалъ на зародившуюся въ его царственной колоніи разорительную роскошь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рознь между пышностью осчастливленнаго класса и убогостью простой рабочей силы или лѣнивой и завистливой толпы. Недовольство Стараго Рима привело однако къ тому, что онъ и самъ заразился блескомъ новаго двора и утратилъ свою прародительскую простоту. Шедшая изъ Новаго Рима зараза была однако до того притягательна, что правившій классъ, подкупленный восточною вычурностью, охотно оставлялъ Капитолій и переходилъ въ среду новыхъ людей, подъ покровительство новаго бога.

Долгое время и Аѳины прислушивались къ своему сопернику, манившему къ себѣ дѣтей Зевса и Паллады. Архонты однако продолжали горделиво отстаивать свое независимое положеніе, пока не нашлись перебѣжчики изъ стараго лагеря въ новый. При дворѣ ново-римскихъ императоровъ образовалось два теченія: латинское и греческое. Послѣднее взяло верхъ.

Достигнувъ преобладанія и въ городскомъ совѣтѣ и въ ипподромѣ, греческая партія вознаградила свои усилія тѣмъ, что придала быстро распространившемуся поселку Византіи названіе Константинополя. Что же касается до названія имперіи, то являлось опасеніе, что греческій титулъ поведетъ къ немедленной вооруженной борьбѣ съ Западомъ. Не хотѣлось именовать ее и Восточною Римской Имперіей, что какъ бы умаляло ея самостоятельность. Не подходилъ и титулъ Ново-Греческой Имперіи. Нашлась середина.

Греки гордились своимъ преемствомъ отъ римлянъ и до седьмаго вѣка сохранили римскую внѣшность въ оффиціальномъ языкѣ и въ области права и тѣмъ не менѣе не желали именоваться римлянами. Они не желали именоваться и эллинами и избрали для себя титулъ ромеевъ, а наименованіе своего государства Ромейскимъ. Иноземцы называли его и Греческою Имперіей и Восточною Римскою и наконецъ Византійскою. Подъ послѣднимъ титуломъ она наиболѣе извѣстна русскому народу

и при томъ извѣстна какъ носительница политическихъ, церковныхъ, государственныхъ и этнографическихъ особенностей, перешедшихъ во многомъ и въ сферу русскихъ государственно-правовыхъ правилъ и порядковъ. Начиная съ седьмаго вѣка, когда всѣ элементы населенія Ромейскаго государства растворились въ преобладавшемъ греческомъ элементѣ—латинизмъ былъ изгнанъ и замѣненъ языкомъ и формулами эллинизма. Западъ отомстилъ за свою оскорбленную честь тѣмъ, что придалъ названію грека презрительное значеніе.

Основателю имперіи потомство придало титулъ Великаго, а православная церковь причислила его къ равноапостольнымъ. Мать его Елена, возведенная при жизни въ августы, извѣстна своимъ знаменитымъ путешествіемъ въ Палестину, гдѣ она открыла гробъ Господень и крестъ, на которомъ былъ распятъ I. X. Православные причислили ее къ сонму святыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и католики чтутъ ея память.

Принятіе Константиномъ Великимъ христіанства.

IV.

Золотое Руно.

ТЯГОТѢВШАЯ и нерѣдко въ жестокой формѣ надъ тронами цезарей, судьба перемѣстилась и въ новый Римъ съ тѣмъ же намѣреніемъ тяготѣть надъ трономъ василевсовъ. Послѣднее наименованіе византійцы присвоили своимъ императорамъ, но оно также не привилось къ общеисторическому лексикону, какъ не привилось и наименованіе Ромейской имперіи.

Перемѣна почвенныхъ, а главное этнографическихъ условій новой столицы привела весь строй имперіи къ радикальнымъ измѣненіямъ. Римскіе орлы и ихъ легіоны были еще долгое время могучи, но образовавшаяся въ столицѣ смѣсь племенъ и лицъ ослабила значеніе легіоновъ и выдвинула взамѣнъ ихъ вліяніе партій ипподрома. Наполнявшіе ипподромъ политиканы замѣнили кольчуги легіонеровъ—хламидами женскаго образца, боевыхъ коней—рысаками въ безопасныхъ колесницахъ, а тяжелые мечи—бичами своихъ возницъ. Виваты въ честь цезарей ипподромъ призналъ выраженіями рабства и солдатчины. Несмотря на это пониженіе воинскаго задора, партіи ипподрома принялись распоряжаться трономъ не слабѣе преторіанцевъ, а въ концѣ концовъ обратили его въ Золотое Руно.

Золотое Руно притягивало къ себѣ аргонавтовъ изъ всѣхъ странъ, стремившихся въ Новый Римъ, какъ въ новоявленную Колхиду. Этотъ узелъ міровыхъ сообщеній требовалъ въ первые годы строительства, искусныхъ мастеровъ, зодчихъ, художниковъ; но сюда же пришли и наемные меченосцы въ рыцарскихъ доспѣхахъ, предлагавшіе свои услуги для отраженія варваровъ и другихъ насильниковъ. Ни ипподрому, ни населенію столицы

вообще не западала въ голову мысль замѣнить собственной грудью наемныя сердца авантюристовъ.

Золотое Руно привлекало къ себѣ по преимуществу недовольныхъ своими отчизнами и жаждавшихъ, если не славы, то личной выгоды и власти. Пробиравшимся сюда иноземцамъ было въ большинствѣ случаевъ невозможно оставаться на родинѣ, гдѣ они могли встрѣтиться съ печальными для нихъ результатами правосудія. Честолюбцы разсчитывали на силу захватнаго права; ретивый погонщикъ ословъ въ старомъ Римѣ надѣялся получить здѣсь званіе архимандрита; каждый плохенькій рыцарь не лишалъ себя надежды занять постъ начальника въ одной изъ семидесяти башенъ, воздвигнутыхъ на стѣнахъ столичной ограды.

Въ этой народной сутолокѣ преобладалъ греческій элементъ, не разставшійся и на новой почвѣ съ своими отрицательными качествами: съ чувственностью подъ маскою благочестія, и съ спѣсью невидимо сливавшеюся съ низкопоклонствомъ. Показная роскошь и закулисное убожество вошли въ плоть и кровь ново-византійцевъ. Хитрость, которую сыны Эллады почитали остротою ума, овладѣла и ново-византійцами какъ своею законною добычею. Въ борьбѣ же образовавшихся партій человѣческая кровь утратила всякую цѣну. Въ подобныхъ случаяхъ кровопролитіе практиковалось настолько широко, что императорскимъ войскамъ приходилось примирять враждовавшія стороны и не щадить при этомъ обезумѣвшихъ противниковъ. Высокомѣріе ново-византійца не умалялось и тогда, когда Византія несла пораженіе за пораженіемъ.

Внесенный искателями Золотого Руна на берега Босфора духъ мятежа переходилъ изъ вѣка въ вѣкъ; ни перевороты, ни успѣхи, ни пораженія не умаляли его силу и живучесть. Паралельно съ народными волненіями и возстаніями шла неустанная борьба и у самыхъ ступеней трона. Тронъ манилъ къ себѣ не однихъ постороннихъ захватчиковъ; члены императорскихъ семействъ овладѣвали имъ преимущественно преступнымъ путемъ. Тронъ былъ постоянно окутанъ пеленою изъ подозрѣній и опасеній, поэтому никакой оракулъ не могъ бы сказать съ увѣренностью, кто взойдетъ завтра на его ступени, а кто будетъ удаленъ или ослѣпленъ однимъ изъ излюбленныхъ способовъ, доходившихъ до сжатія головы веревками такъ, чтобы глаза выскакивали изъ своихъ орбитъ. Золотое Руно переходило отъ плебеевъ къ патриціямъ, отъ евнуховъ къ преторіанцамъ изъ варваровъ. Царицамъ приходилось держать наготовѣ монашескія мантіи, которыя подносились ихъ же сыновьями, дорожившими обладаніемъ Византіи сильнѣе нежели сыновними чувствами.

Вообще мортирологъ императоровъ показываетъ, какъ было опасно обладать Золотымъ Руномъ на Босфорѣ. Отъ Аркадія до послѣдняго Константина Палеолога насчитывается сто девять императоровъ. Изъ нихъ только тридцать четыре скончались въ порядкѣ естественныхъ законовъ природы, а затѣмъ двадцать погибли отравленными, обезглавленными, удавленными и свергнутыми съ высоты на землю; восемнадцать были кастрированы, ослѣплены и вообще подвергнуты членовредительству; три погибли голодною смертью; одинъ умеръ отъ раны, нанесенной отравленной стрѣлою; двѣнадцать истомились въ темницахъ и монастыряхъ. Многіе изъ императоровъ занимали престолъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще же историки того времени утверждаютъ, что склонные къ мятежамъ жители Константинополя, «кого сегодня превозносили какъ законнаго властелина, того на другой день поносили какъ злодѣя».

Нѣтъ сомнѣнія, что и пришедшіе въ Византію римляне нисколько не улучшили нравственныя достоинства собравшихся сюда искателей счастья и добычи. Святой Бернардъ, въ письмѣ къ своему ученику Евгенію Третьему, замѣтилъ, что «римскій народъ вскормленъ въ мятежѣ, жестокосердъ, упрямъ и повинуется только тогда, когда не въ силахъ сопротивляться. Когда римляне клянутся въ вѣрности, то этимъ только выжидаютъ удобнаго случая для возстанія; они никого не любятъ и никѣмъ не любимы; они вѣроломны, щедры на обѣщанія и скупы на исполненіе этихъ обѣщаній»...

Окончательное расчлененіе Римской Имперіи на Восточную и Западную половины принято относить къ эпохѣ царствованія Аркадія, получившаго Восточную и Иллирійскую области въ 395 г. отъ отца своего Ѳеодосія Великаго. Лично Аркадій былъ крайне слабовольный правитель, подпадавшій подъ нравственную опеку то галла Руфина, то жены своей Евдокіи, то ея приверженца евнуха Евтропія. Когда вестготы опустошили его имперію, онъ ничего не нашелъ болѣе достославнаго, какъ избрать Аллариха своимъ полководцемъ. Іоаннъ Златоустъ мужественно осуждалъ поведеніе Евдокіи, но она удержала кормило правленія до конца своихъ дней.

Евдокія положила своего рода начало дворцовымъ переворотамъ; по ея слѣдамъ пошла даже пятнадцатилѣтняя сестра Аркадія Пульхерія, объявившая себя въ зрѣломъ возрастѣ полноправною императрицею. Престоломъ она распоряжалась, какъ собственнымъ Золотымъ Руномъ. Она передала его своему супругу сенатору Марціану, сумѣвшему отклонить отъ Византіи полчища Аттилы

и направить ихъ къ стѣнамъ стараго Рима. Дважды побывалъ здѣсь «Бичъ Божій», но не осилилъ твердую защиту папы Льва X.

Вдовствовавшія императрицы не разъ передавали тронъ своимъ любимцамъ. Многое можно сказать и объ Иринѣ, женѣ Льва IV, отличавшейся красотою, умомъ и безграничнымъ властолюбіемъ. Сынъ ея, Константинъ VI, устранилъ ее отъ управленія государствомъ, но она не задумалась свергнуть его съ престола и ослѣпить, какъ ослѣпила бы каждаго, кто осмѣлился бы встать поперекъ ея пути. Желаніе ея выйти замужъ за Карла Великаго вооружило противъ нея ревнивыхъ поклонниковъ — полководца Бардана и казнохранителя Никифора, которые и сослали ее на о. Лесбосъ, гдѣ она и умерла въ 803 г.

Вообще семейныя связи, материнскія и сыновнія чувства не имѣли тогда большой цѣны на ступеняхъ трона. Мать Михаила III Порфиророднаго Ѳеодора, пользуясь его малолѣтствомъ, управляла имперіей самостоятельно, но едва минуло императору 15 лѣтъ, какъ онъ заточилъ ее въ монастырь, сославъ туда за одно и всѣхъ своихъ сестеръ. Въ 867 г. онъ скончался насильственною смертью. Какою игрушкою были властелины Византіи въ рукахъ партій и придворныхъ интригановъ можно судить по тѣмъ превратностямъ судьбы, какія достались на долю Зои, дочери императора Константина VIII. Въ 1028 г. наканунѣ смерти отца, не оставлявшаго мужского потомства, она была выдана замужъ, уже на 50-мъ году жизни партіей зеленыхъ за Романа Аргира, провозглашеннаго императоромъ подъ именемъ Романа III. Мужъ отстранилъ ее отъ государственныхъ дѣлъ, что вовсе не входило въ планы партіи ипподрома. Подружившись съ старшимъ евнухомъ Іоанномъ, она вошла въ связь съ его братомъ Михаиломъ и при помощи медленно дѣйствовавшаго яда рѣшилась освободиться отъ своего супруга. Медленное дѣйствіе яда привело къ тому, что Романа утопили въ Тибрѣ. По выходѣ замужъ за Михаила, Зоя передала ему императорскій титулъ, что помогло ему взойти на престолъ подъ именемъ Михаила V Калафата. Но и Михаилъ отстранилъ Зою отъ дѣлъ управленія и въ 1042 г. постригъ ее въ монахини, что повело къ новому бунту партіи зеленыхъ. Михаилъ былъ низвергнутъ, а Зоя сбросила монашескую рясу и вновь явилась на тронѣ. Будучи уже 64 лѣтъ она вышла еще разъ замужъ за одного изъ своихъ прежнихъ любовниковъ Константина Мономаха и наконецъ въ 1050 г. закончила серію своихъ похожденій.

Вообще же женщины опережали своихъ мужей и братьевъ въ погонѣ за Золотымъ Руномъ. Константинъ X женился во

второй разъ на красавицѣ Евдокіи, дочери Мокремволита, отъ которой и имѣлъ шестерыхъ дѣтей; изъ нихъ трехъ сыновей— Михаила, Андроника и Константина онъ короновалъ при жизни въ цари, а умирая, назначилъ Евдокію опекуншей дѣтей и регентшею имперіи. Она обязалась при этомъ подпискою, данною патріарху, не вступать въ новый бракъ, но ея личныя чувства превозмогли и торжественную клятву. Въ началѣ регентства Евдокіи возникъ противъ нея заговоръ, поднятый рыцаремъ Романомъ Діогеномъ, получившимъ отъ отца только фигуру героя, необузданную храбрость и сильное честолюбіе. Въ качествѣ государственнаго преступника онъ былъ доставленъ въ столицу, гдѣ и предсталъ на судъ регентши. Судъ окончился въ его пользу или скорѣе въ пользу его побѣдоносной внѣшности. Кандидатъ на плаху очутился вскорѣ приближеннымъ лицомъ регентши, которая обошла патріарха и выманила у него подписку съ обѣтомъ не выходить замужъ. Въ 1067 г. Романъ былъ торжественно объявленъ ея супругомъ и императоромъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ дѣйствовалъ какъ лучшій изъ полководцевъ Византіи. Между тѣмъ не дремали и обойденные, коронованные отцомъ, Михаилъ и Андроникъ. Послѣ многочисленныхъ побѣдъ надъ сельджуками Романъ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію передъ возставшими полчищами Андроника, причемъ ему была обѣщана клятвою архіепископа халкидонскаго личная безопасность. Клятва была выполнена съ византійскимъ хитроуміемъ: Роману выжгли глаза посредствомъ раскаленнаго древка отъ царскаго шатра; послѣ чего онъ вскорѣ умеръ, но Евдокія не лишилась права устроить ему роскошную гробницу.

Ранѣе этихъ событій, обособленности Византіи и укрѣпленію ея самостоятельности помогли варвары, не ожидавшіе подобныхъ результатовъ своихъ хищническихъ подвиговъ. Изъ смѣшенія разнородныхъ племенъ съ преобладаніемъ финскаго племени, монгольскаго происхожденія, образовалось кочевое государство гунновъ, собравшееся между Волгою и Ураломъ. Отсюда отважный предводитель, названный впослѣдствіи «Бичемъ Божіимъ», Аттила повелъ свою орду къ благодатному югу и основалъ свою резиденцію въ нынѣшней Венгріи. Покоривъ ближнія мелкія народности, Аттила перешелъ черезъ Дунай и разрѣшилъ своимъ кочевникамъ заняться грабежемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ то же время грозный варваръ, котораго впрочемъ изображаютъ монголомъ мизерной наружности, разгромивъ Паннонію, Германію и Галлію, возымѣлъ желаніе породниться съ Западно-Римскимъ императоромъ. Дочь императора Гонорія

пришла въ ужасъ при мысли сочетаться съ кровожаднымъ человѣкомъ. Отказъ ея привелъ Аттилу въ такое негодованіе, что онъ не замедлилъ поднять свою полумилліонную орду и броситься на весь западъ Европы. Гунны были встрѣчены на Каталаунской равнинѣ арміями, въ которыхъ преобладали вестготы подъ предводительствомъ Теодориха. Въ происшедшей битвѣ поле осталось покрытымъ двумя стами тысячъ труповъ. Ожесточеніе противниковъ было такъ велико, что по народной легендѣ души убитыхъ продолжали сражаться въ воздушномъ пространствѣ.

Въ 452 г. гунны ограбили Италію и дважды подступали къ Риму, гдѣ папа Левъ X находилъ у себя достаточно золота, чтобы устранять посѣщеніе Рима варварами, для которыхъ здѣсь не было бы ничего запретнаго и ничего святаго. Со смертью въ 453 г. Аттилы, его скороспѣлое государство, занявшее уже площадь отъ Волги до Рейна, распалось на мелкія орды, одна изъ которыхъ образовала Венгрію, а другая Болгарію, впослѣдствіи ославянившуюся, но скорѣе для показа нежели по душевному складу.

Внесенная папою контрибуція послужила предвозвѣстникомъ дальнѣйшаго униженія Западной имперіи. Сынъ одного изъ полководцевъ Аттилы Одоакръ принялъ христіанство по ученію Арія. Соперникомъ ему явился предводитель остготовъ Теодорихъ, согласившійся править сообща съ нимъ Западною имперіей, но это содружество продолжалось недолго. За первымъ-же параднымъ обѣдомъ остготъ умертвилъ гунна со всею его семьею и свитою. Униженная и ограбленная такимъ образомъ Западная имперія не въ силахъ уже была настаивать, чтобы Византія винилась передъ нею въ отпаденіи и вошла бы вновь въ составъ одного политическаго тѣла. Освободившись отъ гибельныхъ нашествій варваровъ и отъ непріязни Запада, Византія нашла въ своей средѣ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы положить начало новой эпохѣ европейской цивилизаціи. Двигателемъ въ этомъ случаѣ явился сынъ крестьянина изъ горной Македоніи Юстиніанъ, родившійся въ 483 г.

Дядя Юстиніана, царствовавшій въ Византіи въ періодъ 518—527 г.г. подъ именемъ Юстина I, происходившій изъ крестьянской семьи, началъ свое поприще въ свитѣ тѣлохранителей Льва I. Выдвинувшись на постъ начальника тѣлохранителей, онъ видимо воспользовался своимъ положеніемъ и громадною суммою, врученною ему партіей евнуховъ, стремившихся возвести его на тронъ Византіи. Денежныхъ средствъ было достаточно, чтобы объявить себя претендентомъ на престолъ и достигнуть одобренія подкупленной гвардіи. Юстинъ, занявшій

престолъ уже въ престарѣломъ возрастѣ, едва разбиралъ азбуку, но это не мѣшало ему предоставить племяннику, тоже крестьянскому сыну, высокое по тому времени образованіе. Опасаясь соперничества со стороны другихъ претендентовъ на престолъ, Юстинъ усыновилъ племянника, а въ 527 г. возвелъ его въ санъ августа и соправителя. Въ этомъ-же году по смерти дяди Юстиніанъ занялъ престолъ Византіи.

Въ первые годы царствованія ему пришлось лавировать между партіями ипподрома, церковью и народомъ, гордившимся сыномъ своей среды. Аристократію, смотрѣвшую горделиво на крестьянина-императора, онъ привлекъ на свою сторону при-

Константинополь XX в. Босфоръ.

вилегіями и утонченностью обращенія. Церковь была обрадована его объявленіемъ о непоколебимомъ православіи. Передъ народомъ онъ явился простымъ и добросердечнымъ правителемъ, полагавшимъ въ справедливости вѣнецъ своего правленія. Впослѣдствіи однако не миновала и крестьянина-императора зараза византизма изъ жажды къ абсолютизму, алчности и высокомѣрію.

Юстиніанъ положилъ краеугольный камень преслѣдовавшей его идеѣ о совмѣщеніи царства Божьяго съ организаціей всемірной монархіи. Неустанно работая въ пользу этой идеи, онъ съ удивительною способностью выбиралъ людей для проведенія

его плановъ и достиженія его задачъ. Императрица Ѳеодора, которую онъ короновалъ въ 527 г. была нерѣдко его вдохновительницею и поддержкою. Трибоніанъ былъ его соредакторомъ законовъ, а Велизарій и Нарсезъ—надежною военною охраною границъ имперіи.

При гибкомъ и всеобъемлющемъ умѣ Юстиніана достойна вниманія двойственность, съ какою онъ относился къ наукѣ и образованности. Изъ ненависти къ Греціи, представлявшейся ему скрытымъ разсадникомъ язычества, онъ объявилъ преподаваніе философіи государственнымъ преступленіемъ. Университетъ въ Аѳинахъ былъ закрытъ, профессора изгнаны, да и вся Греція получила презрительное названіе дальняго «крайняго уголка» имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и высшія школы Константинополя и Александріи были объявлены еретическими учрежденіями. Существовавшая въ столицѣ галлерея, предназначенная для ученыхъ споровъ и ораторскихъ состязаній, въ которую могли свободно входить ученые и ораторы всего міра, была закрыта и уничтожена. Напротивъ все, что напоминало о римскомъ правѣ, пользовалось его любовью, уваженіемъ и покровительствомъ.

Уничтожая безпощадно величие эллинизма, онъ замѣнилъ его монументальными сооруженіями въ видѣ храмовъ, дворцовъ и ипподрома. Введенные имъ типы зодчества установили новый художественный стиль, какъ бы приспособленный къ духовному міросозерцанію и поражающій необыковенными эфектами. Строительная техника проявила въ его пору чудеса искусства, сохранившіяся къ нашему времени въ видѣ феномельнаго купола Св. Софіи, двухъяруснаго водопровода, орнаментальной скульптуры и особенно предметовъ мозаичнаго творчества.

Не менѣе солиднымъ памятникомъ неусыпной дѣятельности Юстиніана слѣдуетъ считать его кодексъ, которымъ отмѣнено все законодательство предшествующихъ эпохъ, утратившее свое практическое значеніе.

Трибоніану было предоставлено право совершенной переработки всѣхъ существовавшихъ конституцій. Предсѣдательствуя въ комиссіи изъ четырехъ профессоровъ и двѣнадцати адвокатовъ, онъ изготовилъ въ четырнадцать мѣсяцевъ величайшій изъ юридическихъ кодексовъ. Труды старыхъ римскихъ юристовъ пострадали въ этомъ кодексѣ настолько, что вслѣдствіе ихъ искаженій, не нашедшихъ оправданій и въ новыхъ институтахъ, потребовалась новая редакція, которая и выполнена въ 534 г. адвокатами высшаго суда подъ руководствомъ того-же Трибоніана.

Фигура Юстиніана будетъ вѣчно оставаться на границѣ двухъ міровъ, въ переходной стадіи отъ философіи къ теологіи, отъ классической риторики къ духовному краснорѣчію, отъ языческой пластики къ византійскому художественному движенію. О непреклонной волѣ Юстиніана можно судить изъ отношеній его къ великому полководцу Велизарію. Два раза онъ возводилъ его въ главнокомандующіе, два раза конфисковалъ его имущество и держалъ въ темницѣ. Но все-же ослѣпленіе героя и доведеніе его до нищеты, при которой онъ будто бы просилъ милостыню, слѣдуетъ отнести къ области сентиментальныхъ вымысловъ.

Юстиніанъ, скончавшись въ 565 г., не оставилъ послѣ себя наслѣдника, но Византія получила отъ него въ наслѣдство почти всю бывшую Западную имперію, за исключеніемъ отпавшихъ Испаніи, Галліи и Британіи. Оставляя въ этомъ видѣ страну своимъ преемникамъ, Юстиніанъ передалъ имъ и всю тяжесть никогда не затихавшаго вопроса о борьбѣ за престолъ и за спокойствіе страны. Въ этомъ отношеніи трудно было примирить интересы болгаръ съ интересами другихъ народностей. Нелегко было и успокоить стремившихся къ независимости и волновавшихся у самыхъ границъ страны армянъ и персовъ. Впрочемъ армянское царство было еще задолго до Юстиніана предметомъ неразрѣшимаго спора между Персіей и Византіей. Сарацыны также доставляли не мало тревогъ.

Византіи не много понадобилось времени, чтобы, при своеволіи войскъ и измѣнчивомъ настроеніи народной воли, престолъ ея перешелъ въ 602 г. отъ высококультурнаго императора къ грубому центуріону, какимъ былъ Фока, поднявшій возстаніе въ придунайскихъ войскахъ. Послѣднимъ не нравилось бережливость императора Маврикія и его стремленіе организовать правильные военные порядки, поэтому буйные солдаты, избравъ Фоку главнокомандующимъ, двинулись противъ столицы, гдѣ одновременно готовилась революція подъ знаменемъ зеленой партіи ипподрома. Бѣжавшіе на азіатскій берегъ императоръ и его семья изъ пяти сыновей и двухъ дочерей были умерщвлены поголовно. Фока не имѣлъ и представленія о правѣ, слѣдствіи и судѣ; свирѣпыя казни вполнѣ удовлетворяли его жажду крови, которою и обливалась вся Византія до 610 г. Пользуясь бѣдствіемъ страны и разложеніемъ въ войскахъ дисциплины, поднялись авары и персы, поднялись Испанія и Италія, поднялись и свои легіоны, возмутившіеся ставленничествомъ партіи ипподрома. Напрасны были привѣтствія высоконравственнаго папы Григорія, назвавшаго свирѣпаго Фоку милостивымъ и благочестивымъ

государемъ. Напрасны были увѣренія намѣстника Петра о томъ, что будто-бы при захватѣ Фокою Золотаго Руна возрадовались небеса и возликовала земля. Напрасны были кровавыя мѣры самого Фоки; противъ него возсталъ не только народъ и сенатъ, но и ближайшіе родственники.

Знамя возстанія поднялъ африканскій экзархъ Гераклій, къ которому присоединились и полководцы, приступившіе въ 610 г. къ активной борьбѣ. Послѣдняя завершилась тѣмъ, что выданный народу Фока былъ буквально растерзанъ на части и погибъ вмѣстѣ съ своими приближенными.

Императоромъ былъ провозглашенъ сынъ Гераклія, котораго однако партійные раздоры довели до намѣренія покинуть Константинополь и перенести столицу въ Карѳагенъ. Къ счастью, духовенство, продолжавшее еще хранить въ ту пору идею національизма, пожертвовало всѣмъ своимъ колоссальнымъ имуществомъ, чтобы удержать властелина отъ объявленнаго имъ намѣренія. При этомъ и пограничныя событія приняли благопріятный оборотъ: персы были разбиты, авары подкуплены.

Никогда не замиравшая въ Византіи смута не принесла и теперь успокоенія. Невѣстка сына Гераклія, надѣвшаго порфиру подъ именемъ Константина III, низвела его въ 641 г., чтобы возвести на престолъ своего сына Иракліона. Далѣе послѣдовало убійство за убійствомъ. За Золотымъ Руномъ погнался хищникъ Леонтій, низвергнутый Тиберіемъ III, котораго низложилъ болгаринъ Тербелій. Наконецъ въ нѣсколькихъ частяхъ имперіи проявилось нѣсколько императоровъ, предпочитавшихъ однако вести богословскіе споры и не замѣтившіе, какъ арабы опустошили всю Малую Азію.

Дѣло управленія страною поправила на нѣкоторое время Македонская династія, занимавшая византійскій престолъ съ 867 по 1056 г. Изнемогавшая подъ тираніей хищниковъ и узурпаторовъ, страна нуждалась въ успокоеніи. Она нуждалась во власти, способной охранять имперію, хотя бы въ сокращенныхъ уже предѣлахъ. Внесенное Василіемъ Македоняниномъ и его потомствомъ умиротвореніе духа партійности и своеволія придало наступившей эпохѣ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи Византіи. Населеніе вновь пробудилось было къ развитію наукъ и искусствъ, при чемъ и внѣшнее могущество обѣщало возрожденіе былой славы. Македонская династія завершилась Константиномъ IX, не оставившимъ послѣ себя мужского поколѣнія. Престолъ занялъ мужъ его дочери Зои Романъ III. Въ продолженіе царствованія Македонской династіи былъ однако

перерывъ, благодаря узурпатору Цимисхію, захватившему Золотое Руно только по праву мужа вѣнценосной вдовы.

Въ XI вѣкѣ на византійскомъ престолѣ явилась династія Комненовъ, вышедшая изъ богатыхъ нобилей и удержавшая за собою престолъ до 1189 г. Родоначальникомъ династіи былъ Исаакъ, но выдающимся членомъ ея справедливо считать Алексѣя I, которому пришлось свести прежде всего счеты съ конкурентами по захвату Залотаго Руна. Далѣе предстояло заботиться, чтобы страна, тѣснимая сельджуками, норманами и печенѣгами, не пришла въ окончательное разстройство. Однѣми своими силами сокращенная Византія не разсчитывала отразить натискъ варваровъ, поэтому Алексѣй, при всемъ недружелюбіи къ латинянамъ, обратился за помощью къ папѣ Урбану II.

Папа обрадовался этой просьбѣ схизматика и, разсчитывая втайнѣ обратить его и всю восточную страну въ лоно католицизма, произнесъ знаменитую клермонскую рѣчь 24 Ноября 1095 г. Въ Клермонѣ подъ открытымъ небомъ соборъ состоялся изъ кардиналовъ, трехъ архіепископовъ, двухсотъ двадцати пяти епископовъ и четырехсотъ аббатовъ. Вельможи и рыцари занимали всю громадную городскую площадь. Передъ этимъ сонмомъ явившихся сюда съ приподнятыми нервами и чувствами, папа призвалъ всѣхъ христіанъ Запада идти противъ невѣрныхъ, завладѣвшихъ Гробомъ Господнимъ. Закончивъ свою рѣчь предложеніемъ отвергнуть себя ради святой цѣли, онъ услышалъ громовой откликъ всего собора: «Богъ того хочетъ»!

Поразительный успѣхъ клермонской рѣчи скорѣе испугалъ нежели обрадовалъ Алексѣя Комнена, успѣвшаго къ этому времени разгромить печенѣговъ и половцовъ. Отступленіе было немыслимо, когда въ зиму 1095—1096 г. Константинополь былъ переполненъ латинянами, собравшимися въ числѣ трехсотъ тысячъ человѣкъ. То была армія голодныхъ людей, плохо одѣтыхъ, а главное освобожденныхъ полученными индульгенціями отъ всѣхъ грѣховъ. Греки пришли въ ужасъ и напрягли всѣ усилія, чтобы переправить своихъ союзниковъ на азіатскій берегъ. Но послѣ этого перваго крестоваго похода послѣдовалъ и рядъ другихъ, когда латиняне оставили по себѣ въ Византіи недобрую память.

Послѣдній Комненъ, захватившій Золотое Руно, извѣстенъ подъ именемъ Андроника, который началъ воцареніе умерщвленіемъ въ 1183 г. вдовствовавшей императрицы и ея сына, молодаго императора Алексѣя. Ненормальный человѣкъ и скорѣе даже безумецъ, Андроникъ считалъ тотъ день потеряннымъ,

когда на рынкахъ и площадяхъ столицы не было казней. Велѣнія его отличались простотою и ясностью: отсѣчь сегодня у двадцати горшечниковъ правыя руки, а завтра отсѣчь у двадцати кожевниковъ лѣвыя ноги. Безумію Андроника былъ положенъ предѣлъ 12 Сентября 1185 г., когда онъ былъ казненъ послѣ жестокихъ истязаній народнымъ самосудомъ. Андроникъ былъ послѣднимъ византійскимъ Комненомъ, но фамилія эта продолжала существовать еще цѣлые вѣка и прервалась окончательно только въ XIX в. со смертью во Франціи герцога д'Абрантеса, состоявшаго во французской арміи въ генеральскомъ чинѣ.

Возстаніе противъ Андроника было поднято Исаакомъ Ангеломъ, происходившимъ изъ отрасли дома Комненовъ. Захвативъ Золотое Руно, Ангелы то ослѣпляли другъ друга, то попадали въ темницы, изъ которыхъ вновь всходили на престолъ, пока наконецъ крестоносцы не вошли вновь въ Константинополь. Разграбивъ его дочиста, латиняне посадили на престолъ Византіи своего ставленника Балдуина, графа фландрскаго, не принесшаго странѣ ни чести, ни славы. Въ эту эпоху началось уже полное раздробленіе Византіи на мелкія деспотства и государства, горделиво носившія, но не долгое время, наименованіе имперій Никейской и Трапезундской.

Константинополь XX в. Мечеть и ипподромъ.

V.

Набѣги сарациновъ.

ОСНОВАТЕЛЬ мусульманскаго вѣроученія пророкъ Мухаммедъ, будучи человѣкомъ неграмотнымъ, не имѣлъ сколько нибудь отчетливаго представленія не только о строеніи вселенной, но и о ближайшихъ къ Меккѣ и Мединѣ странахъ. Въ качествѣ довѣреннаго лица купчихи Хадиджи онъ водилъ ея караваны только къ южному морю; на сѣверъ и востокъ ходили съ караванами болѣе опытные вожаки. Въ своихъ странствованіяхъ то къ Пропонтидѣ, то въ Ассиро-Вавилонію они пріобрѣтали обширныя свѣдѣнія объ оазисахъ и пескахъ, объ многобожникахъ и идолопочитателяхъ, но понятія о природѣ вещей были для нихъ закрыты.

Съ теченіемъ времени Хадиджа убѣдилась въ неподкупной честности своего повѣреннаго и приблизила его къ себѣ до положенія перваго лица въ ея обширной торговлѣ. Въ этомъ положеніи Мухаммедъ провожалъ уже караваны на сѣверъ и востокъ, что и раздвинуло его умственный горизонтъ. Но все таки проводники верблюдовъ были его первыми наставниками и собесѣдниками не только по торговлѣ, но и по предметамъ, выходившимъ за предѣлы житейскаго умозрѣнія. Эти собесѣдованія подъ открытымъ небомъ, въ звѣздныя ночи или при свѣтѣ луны отразились въ коранѣ и въ завѣтахъ мусульманскаго культа. Отсюда получилась въ коранѣ своеобразная космогонія о землѣ, разостланной ковромъ и утвержденной горами, о семиэтажныхъ небесахъ, о лѣстницѣ на небеса, доступной только ангеламъ,

о тронѣ Творца вселенной, поставленномъ возлѣ дерева лотосъ и вообще о предметахъ, граничащихъ съ дѣтскою наивностью.

Любознательный умъ Мухаммеда былъ занятъ исключительно религіозною стороною жизни народовъ, что въ эпоху пророчества принесло ему неоцѣнимую пользу. Изъ разсказовъ собесѣдниковъ онъ узналъ о существованіи людей, избиравшихъ въ боги то—быка съ бѣлымъ пятномъ на лбу, то безсмысленно жаднаго крокодила съ цѣлою щетиною плотоядныхъ зубовъ. Другой бывалый человѣкъ повѣствовалъ о странѣ съ двумя невидимыми богами—добра и зла и о странѣ, почитавшей четыре тысячи боговъ—изъ глины, камня, золота и слоновой кости. По слухамъ была извѣстна страна съ тремя невидимыми богами, управлявшими единодушно землею, водою, горами и равнинами.

Разумѣется величіе южно-аравійской ночи подсмѣивалось надъ росказнями старыхъ, посѣдѣвшихъ въ путешествіяхъ людей. Вслушиваясь въ ихъ рѣчи, Мухаммедъ сознавалъ, что ни два, ни три бога, ни тысячи боговъ, а еще менѣе крокодилъ или ибисъ не могли сотворить этотъ звѣздный куполъ, на который вавилоняне такъ напрасно стремились взобраться при помощи своей высокой башни. При безустанной и долгой вдумчивости Мухаммедъ забраковалъ умственно всѣ религіи и задался мыслью создать вмѣсто нихъ одну общую для всего міра и при томъ совершенно недоступную никакимъ враждебнымъ и разрушительнымъ силамъ и независящую отъ воли и желаній человѣка.

Вскорѣ Аравія услышала о появленіи проповѣдника, имѣвшаго прямое общеніе съ небомъ. Онъ требовалъ поклоненія только Единому Богу и смягченія нравовъ, крайне жесткихъ въ средѣ его сородичей. Идеи проповѣдника не выходили долгое время за предѣлы Мекки, но число послѣдователей увеличивалось, и, что важнѣе, къ новому исповѣданію присоединились люди, пользовавшіеся народнымъ уваженіемъ. Успѣхи новаго культа породили противниковъ, во главѣ которыхъ встало цѣлое племя корейшитовъ. На послѣднихъ не дѣйствовали убѣжденія. Превосходя матеріальною силою послѣдователей пророка, корейшиты поставили вопросъ: не разрѣшить ли возникшую борьбу силою оружія? Корейшиты были богаты копьями, колчанами, стрѣлами и прыткими конями. Послѣдователи пророка тоже изготовились къ вооруженному столкновенію. За пророкомъ они оставили поученія и проклятія, а сами наполнили колчаны стрѣлами и отточили ятаганы.

Въ первое время пророкъ взывалъ только съ высоты своей глиняной сакли о покорности Единому, не прибѣгая къ пролитію

крови человѣка, но корейшиты были слишкомъ грубы, чтобы не отвѣтить на этотъ призывъ насмѣшками надъ его послѣдователями, плевками и другими видами безчестія. Явились и самозванцы. Племя Ганифа выставило контръ-пророка, объявившаго себя также любимцемъ неба и занявшагося изданіемъ новаго корана. Ганифидъ пріобрѣлъ было достаточное число послѣдователей, но успѣхъ его ученія оборвался, когда было доказано, что въ его пѣснопѣніяхъ заключались однѣ лишь похвалы сладострастію. Рядомъ съ нимъ шла и его любовница, авантюристка, мѣнявшая свою вѣру отъ христіанства до идолопоклонства и мусульманства. Напрасно ганифидъ по имени Музеилитъ предлагалъ Мухаммеду раздѣлить міръ на двѣ части—предложеніе его было отвергнуто съ презрѣніемъ. Исламитянамъ долженъ былъ принадлежать весь міръ, а не половина. Въ происшедшей битвѣ уже достаточно дисциплинированная сила Мухаммеда нанесла ганифидамъ пораженіе, отъ котораго они не оправились. За дерзость своего вождя они расплатились десятью тысячами головъ. Въ этой битвѣ палъ и Музеилитъ, убитый тѣмъ-же дротикомъ, какимъ была нанесена рана дядѣ Мухаммеда.

Корейшиты продолжали оставаться непреклонными, поэтому Мухаммедъ перешелъ отъ идейныхъ воззваній къ угрозамъ и анафемѣ, но его громы слабо прозвучали въ Меккѣ. Здѣсь ему предстояло усилить свое войско и связать его предписаніями о святости войны за вѣру.—«Ревностно сражайтесь за Бога. Помните и не забывайте, что вы его избранники». Аравитянинъ не прочь былъ во всякое время нацѣлиться въ сосѣда копьемъ и дротикомъ, но для долгой войны онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточной силы воли и терпѣнія. Эта черта не ускользнула отъ вождя, поспѣшившаго оповѣстить кораническимъ путемъ, что Единый строго предписываетъ войну за вѣру.—«Она вамъ непріятна? Вы чувствуете къ ней отвращеніе? Такія мысли свидѣтельствуютъ, что вы не отличаете добра отъ зла. Вы предпочитаете лѣность, а войну за вѣру обращаете въ пустую шутку».

Гроза разгоралась. Вождю-пророку, чтобы сохранить занятое имъ положеніе, приходилось объяснять прелести войны за вѣру, обѣщать награды убитымъ и требовать поголовного истребленія невѣрныхъ. Затѣмъ слѣдовали проклятія уклоняющимся отъ опасностей войны и скупо жертвующимъ свое имущество на военныя надобности. Разумѣется блаженство будущей жизни, щедро обѣщанное павшимъ въ войнѣ за вѣру, дѣйствовало на воображеніе не слабѣе проклятій и угрозъ геенною. Распростра-

нителями идей пророка въ народной массѣ явились по преимуществу бездомовники, не обладавшіе ни дромадерами, ни шатрами. Весь багажъ такого апостола вѣры заключался въ большой тыквѣ, въ которую каждый добропорядочный слушатель бросалъ избытки своихъ запасовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что пророкъ направлялъ свое пламенное краснорѣчіе противъ корейшитовъ и тѣхъ язычниковъ, которые изъ за матеріальныхъ выгодъ не разставались со своими кумирами. Правда, онъ какъ незаурядный проповѣдникъ не ограничивался проявленіемъ одной личной вражды, но обобщалъ войну съ невѣрными, гдѣ бы они ни были. Обобщеніе это расширено уже его прозелитами до границъ, гдѣ небесный куполъ опирается на непоколебимыя горы. Дервиши разнесли его угрозы и обѣщанія на счетъ райской жизни повсюду, куда шелъ тотъ или другой вождь приводить людей къ покорности Единому.

Каждый военный отрядъ исламитянъ имѣлъ въ авангардѣ нѣсколько рядовъ дервишей, прекрасно изучившихъ стихи корана, предписывавшіе калѣчить всѣхъ невѣрныхъ, отсѣкая у нихъ руки и ноги или держать плѣнныхъ въ крѣпкихъ оковахъ. При сопротивленіи предписывалось умерщвлять все живое кромѣ женъ, дѣтей и крупныхъ животныхъ. Даже каждый маленькій отрядъ вѣрныхъ исламу имѣлъ при себѣ дервиша. Люди ложились вечеромъ на отдыхъ подъ его тягучее пѣніе о томъ, что всѣ невѣрные не соблюдаютъ ни клятвы, ни обязательства, что знаменія Единаго не имѣютъ у нихъ цѣны, что они устами высказываютъ расположеніе, а сердцами отказываются отъ него. Люди вставали подъ тотъ же напѣвъ: «ревностно воюйте съ невѣрными и лицемѣрами и будьте жестоки съ ними. Геенна будетъ ихъ жилищемъ».—Для подкрѣпленія духа дервиши возглашали особо высокими нотами.—«Помните, что убитые на пути за вѣру не считаются Единымъ умершими; они наслаждаются благами, щедро на нихъ излитыми и ликуютъ о тѣхъ, которые идутъ по ихъ слѣдамъ, не зная ни страха, ни печали». Въ концѣ концовъ каждый шествовавшій на войну имѣлъ обѣщаніе Единого о вѣчной жизни въ садахъ, черезъ которые текутъ рѣки холодной и сладкой воды.

Побѣды пророка и нравственное убожество его соперниковъ сплотили вскорѣ враждовавшія племена арабовъ въ одну плотную группу, охотно принявшую начала монархической государственной жизни.

По смерти пророка его первопріемники, внушая народной массѣ, что и они ставленники Единаго, поддерживали всѣми

мѣрами воинственный духъ, питавшійся при томъ надеждами на богатыя добычи въ сѣверныхъ странахъ. Первые калифы—Абубекръ, Омаръ, Отманъ—относились презрительно къ благамъ жизни. Они гордились своею простотою, своими дырявыми плащами и, поглощенные заботами о религіи, проповѣдывали у гробницы пророка и ночевали тутъ же, вмѣстѣ съ нищими, въ притворѣ мединской мечети. Получая изъ народной кассы въ жалованье пять золотыхъ монетъ и содержаніе одного верблюда и одного эѳіопа, Омаръ былъ безгранично щедръ относительно ветерановъ-воиновъ, а еще болѣе относительно родственниковъ пророка. Изъ нихъ дядѣ пророка Аббасу калифъ назначилъ пенсію въ 25 т. сер. монетъ.

Стоило выставить по повелѣнію калифа бунчукъ на минаретѣ мединской мечети, какъ многія тысячи воиновъ стекались отовсюду въ Медину, гдѣ и ожидали повелителя—куда идти и съ кѣмъ воевать. Бунчукъ состоялъ изъ конскаго по виду хвоста, между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ то было достовѣрно извѣстно его хранителямъ, онъ принадлежалъ эль-бораку. На этомъ чудномъ животномъ пророкъ побывалъ на небѣ и при томъ съ такою быстротою, что вода не успѣла къ его возвращенію вытечь изъ кувшина, который онъ опрокинулъ, садясь на хребетъ дивнаго звѣря. Но такъ какъ при каждомъ отрядѣ былъ свой бунчукъ, то общественный голосъ присудилъ, что подлинный находится въ отрядѣ перваго ансара и слуги пророка Эюба. Ему поэтому и предстояло совершить такой подвигъ, какой не могъ быть выполненъ ни однимъ изъ могущественныхъ, справедливыхъ и наиболѣе славныхъ калифовъ. Подвигъ этотъ былъ завѣщанъ пророкомъ и заключался въ завладѣніи Константинополемъ. Отрядъ Эюба состоялъ поголовно изъ дервишей, у которыхъ все оружіе заключалось въ знаніи воинственныхъ стиховъ корана. Но прежде чѣмъ Эюбъ приступилъ къ совершенію подвига, предстояло другимъ отрядамъ проложить дорогу на сѣверъ и востокъ въ страны многобожниковъ и язычниковъ и всѣхъ ихъ смести съ земли.

Первый калифъ послалъ своего намѣстника Халида, прозваннаго «Бичемъ невѣрующихъ», разгромить Персію и Ассиро-Вавилонію. Замыселъ этотъ, осуществленный только отчасти повелъ къ образованію при сліяніи Тигра и Евфрата колоніи арабовъ, получившей названіе Шатъ-эль-арабъ.

Халидъ, какъ говоритъ историкъ, истребилъ огромное число невѣрующихъ, и побѣдоноснымъ мусульманамъ досталась неисчислимая добыча. Персія оказалась до позора трусливою державою.

Нанесенныя ей пораженія возбудили въ ней раздоръ, приведшій къ окончательной утратѣ независимости. Въ происшедшей битвѣ, когда дервишей и регулярныхъ воиновъ было не болѣе 30 тыс., правовѣрнымъ досталось въ добычу знамя, состоявшее изъ кожанаго фартука, покрытаго сѣтью драгоцѣнныхъ камней. Персіяне напрасно прятали на спинѣ простаго мула корону Хосроя и его доспѣхи. Мулъ съ этими драгоцѣнностями только увеличилъ трофеи побѣдителей. Нельзя сказать, что персіяне не отстаивали религію и страну, но воодушевленные первыми побѣдами арабы выигрывали побѣду за побѣдой.

Еще не былъ завершенъ разгромъ Персіи, какъ калифъ поручилъ Халиду разгромить Сирію. Сирійцы, нафанатизированные монахами, выставили для своей защиты: кресты, иконы, книги Новаго завѣта и положились на силу молитвъ и процессій своего духовенства. Такъ они поступили и при осадѣ сарацинами Дамаска. На счастье сирійцевъ, пришедшіе къ нимъ насильники не были вовсе знакомы съ военными машинами и греческимъ огнемъ, поэтому осаду они могли вести только лишеніемъ осажденныхъ воды и продовольствія. Дамаскъ выдержалъ семидесятидневную осаду, которая обезсилила его защитниковъ до степени перехода многихъ изъ нихъ въ исламъ. Наложенныя на нихъ дани состояли изъ 5 т. унцій золота, такого же количества серебра, нѣсколькихъ тысячъ шелковыхъ одеждъ и всего урожая садовыхъ плодовъ, которыхъ дервиши у себя дома не видѣли.

Наконецъ насильники двинулись неудержимою лавою. Европейскія и азіатскія провинціи Византіи выставили тогда 80 тысячъ солдатъ, въ числѣ которыхъ было не менѣе двухъ третей арабовъ, исповѣдовавшихъ христіанство и чуждавшихся своихъ соплеменниковъ. Мекка и Медина выслали и въ свою очередь вспомогательный корпусъ изъ дервишей, которыхъ хранители гробницы пророка щедро надѣлили благословеніями и наставленіями, какими стихами корана слѣдуетъ возбуждать бодрость и энергію въ предстоявшей борьбѣ. Встрѣча христіанъ съ мусульманами должна была произойти неподалеку отъ Дамаска. Передъ ея началомъ десять тысячъ дервишей обѣжали станъ правовѣрныхъ, восклицая: «помните, впереди васъ рай и гуріи, а позади дьяволы и геенна». Битва при Дамаскѣ какъ бы рѣшала вопросъ о переходѣ сарацинъ черезъ море въ столицу Византійской имперіи. На полѣ битвы легли болѣе четырехъ тысячъ мусульманъ, но далеко большее число христіанъ пало подъ дротиками и мечами сарацинъ. Только раздѣлъ

ему почести. Неисполненіе этой обязанности вело къ лишенію политическихъ правъ, но затѣмъ уже эгоизму предоставлялся неограниченный просторъ.

Цѣня въ молодой дѣвушкѣ нѣжность красоты и скорѣе тѣла, нежели духа, а въ юношѣ умѣнье обращаться съ дротикомъ, дискомъ и ретивыми конями, грекъ не сумѣлъ обратить свою семью въ государственную ячейку. Для этого не доставало того цемента, какимъ сплачивается семья въ несокрушимое цѣлое. Греку не доставало сердца и его искреннихъ теплыхъ проявленій. Кровь передала наслѣдственно византійцу эту отрицательную сторону природы, что повліяло на самую жизненность Византіи. Здѣсь истинная любовь являлась своего рода даромъ небесъ, а не обыденнымъ актомъ человѣческой общины. Возлѣ престола этотъ даръ небесъ былъ бы чудомъ или поддѣлкою, за которою скрывалась или предательская чаша съ цикутою или спица для ослѣпленія намѣченной жертвы.

Рабство со всѣми его унизительными спутниками византіецъ воспринялъ въ полной мѣрѣ отъ своихъ наслѣдователей. Институтъ рабства свирѣпствовалъ въ Греціи, открывшей множество путей для полученія живого обезличеннаго товара. Послѣ каждой побѣдоносной войны всѣ плѣнники, иногда многими тысячами, обращались въ базарную цѣнность, опредѣлявшуюся аукціоннымъ порядкомъ. Взрослый человѣкъ могъ объявить самого себя рабомъ. Отецъ имѣлъ право объявить свою дочь рабынею. Онъ могъ отказаться отъ своего ребенка при его рожденіи, чѣмъ и обрекалъ его на рабство. Рабыни могли быть покупаемы въ складчину; цѣна куртизанки доходила до 30 минъ, тогда какъ цѣна рабочаго начиналась отъ одной мины и рѣдко переходила за четыре мины.

Въ общемъ багажѣ полученнаго Византіей наслѣдства занимало видное хотя и печальное мѣсто, кромѣ рабства, евнушество. Этотъ факторъ охватывалъ не только экономическую сторону жизни, но и проникалъ въ государственный строй и даже въ церковные обряды. Евнушество расцвѣтало у самыхъ ступеней трона. Первоначально евнухи были доставляемы ко двору какъ предметы роскоши. Благодаря тому, что первая придворная особа—папій избирался изъ евнуховъ, классъ этихъ физіологическихъ уродовъ наполнилъ дворцы, внѣдрился въ политику со всѣми ея замыслами, заговорами и раздорами. Евнухи устраивали брачные союзы василевсовъ, побуждали послѣднихъ издавать въ защиту ихъ законы и коварною лестью достигали того, что даже Златоустъ выступалъ съ заступничествомъ за знаменитаго кон-

сула-евнуха Евтропія. Богатства ихъ были колоссальны. Хотя эдикты Домиціана и Нервы препятствовали размноженію кастратовъ, но они своею наружною преданностью достигали постоянно довѣрія василевсовъ и высокаго въ имперіи положенія. Василевсы, мало знакомые съ исторіею Персіи или Индіи, не знали, что могущество евнуховъ всегда сопутствовало паденію и гибели династій.

Однѣми идеями рабства доступно объяснить также и значительную часть дворцоваго церемоніала. Только папій не обязанъ былъ цѣловать ноги василевса, прочіе же докладчики и министры, начиная отъ великаго лагоѳета, падали ницъ, прежде чѣмъ взглянуть въ очи повелителя.

Василевсъ и его семья.

Не смотря однако на величіе василевсовъ, въ государственномъ обиходѣ обращались съ ихъ же дозволенія весьма подозрительныя операціи, доходившія до выпуска фальшивой монеты. Первоначально монета выпускалась безъ лигатуры—золотая въ 72 драхмы и серебряная въ 96 драхмъ, но съ теченіемъ времени стали выдѣлывать ее съ примѣсью и все въ большемъ и большемъ количествѣ. Содержимость лигатуры то повышалась, то понижалась сообразно съ состояніемъ государственной кассы. При Іоаннѣ Дукѣ византины состояли на половину изъ золота и лигатуры, а при Михаилѣ Палеологѣ золота было только девять частей, а лигатуры—пятнадцать. Населеніе получало монету al pari, но при взносѣ податей она цѣнилась по курсу. Система эта являлась тѣмъ ядомъ, который, внѣдрившись въ народное

тѣло, проявилъ свое пагубное дѣйствіе въ дни, когда требовались всѣ усилія чистаго патріотизма. Монета имѣла первоначально латинскія надписи, а затѣмъ въ эпоху расцвѣта Византіи и изгнанія латинянъ — исключительно греческія. Высокомѣріе византизма проявлялось и въ изображеніяхъ на монетахъ: на однѣхъ изъ нихъ Богоматерь вѣнчала василевса на царство, на другихъ—поддерживала стѣны Константинополя. Въ послѣдніе годы, когда обозначалась сила наступавшихъ оттомановъ, греческія надписи сплелись съ мусульманскими, что возбудило сильный гнѣвъ въ римскомъ первосвященникѣ. Онъ произнесъ анаѳему каждому, кто рѣшался принимать подобную монету.

Не заботясь объ оборонительныхъ средствахъ, евнухи-логоѳеты обирали безжалостно народъ и казну. Они устанавливали въ тяжелыя годины народныхъ бѣдствій хлѣбную монополію—подъ благовидными предлогами охраненія голодавшихъ отъ эксплоататоровъ. Земледѣльцы обязаны были доставлять пшеницу въ казенные, магазины, откуда провіантмейстеры-евнухи продавали ее населенію, поднимая цѣну до пятнадцатикратной стоимости. Правда, казна получала отъ этой операціи громадныя выгоды, но народъ ропталъ и терялъ всякое уваженіе къ совѣтникамъ василевса. Михаилъ VII слылъ въ этомъ случаѣ подъ именемъ вора и грабителя.

Отцомъ взяточниковъ слѣдовало считать самого паппія. Въ день Спаса онъ имѣлъ законное право взять изъ ризницы Св. Софіи наиболѣе чтимый крестъ съ изображеніемъ распятія І. Х. и отправиться съ нимъ, въ сопровожденіи свиты подначальныхъ, для славословій въ дома богатыхъ гражданъ. Свита несла съ собою объемистые кошельки. Не извѣстно, находились ли богачи, достаточно мужественные, чтобы не опустить въ кошелекъ пару добрыхъ византинъ. Всѣ они были прямыми подчиненными паппія, а сыновья ихъ рвались въ дворцовую службу. Трудно объяснить, при чемъ тутъ было изображеніе распятаго Христа, но кошелки такъ быстро наполнялись, какъ быстро паппій перебѣгалъ изъ дома въ домъ. Одинъ изъ служителей Св. Софіи что-то славословилъ, но его краткая молитва буквально заглушалась звономъ металла. Такъ было въ столицѣ; вѣроятно, глядя на ея порядки, мѣстные, маленькіе паппіи, продѣлывали ту же операцію, не допуская и мысли, чтобы ихъ кошельки не тяжелѣли въ концѣ похода.

Фарисейски замаскированное взяточничество вело всѣ административные порядки на сторону крупной собственности. Обще-

ство сельчанъ отдавалось при неисправномъ удовлетвореніи имъ фиска въ пожизненное владѣніе сановникамъ; послѣдніе выплачивали за нихъ подати и выжимали ихъ обратно съ населенія суровыми мѣрами. Свобода общинъ исчезла, сельчане обращались въ крѣпостныхъ. Не всегда, впрочемъ, надѣясь на то, что юстиція не выступитъ на защиту обиженныхъ, попечители жертвовали нерѣдко земли цѣлыхъ общинъ на благотворительныя цѣли, преимущественно на сооруженіе монастырей. Борьба же съ патріархомъ была не подъ силу и самому правосудію. Монастыри были заражены любостяжаніемъ. Василевсъ Никифоръ Фока откровенно признавался, что онъ не видитъ средства къ обузданію чернаго духовенства. Ему оставалось, по праву василевса, запретить покупку монастырями земельной собственности, а также и пожертвованія землею, что онъ назвалъ неугодною Богу суетностью. И дѣйствительно, жертвователь кичился въ своей средѣ, что у него есть свой монастырь, хотя изъ этого монастыря бѣжали, кто куда могъ, всѣ пожертвованные крестьяне. Послѣднихъ однако, по жалостливымъ просьбамъ игуменовъ, собирали военною силою и усаживали на ненавистныя имъ мѣста.

По мѣрѣ отощанія Константинопольскаго казначейства сельчанинъ выплачивалъ все больше и больше податей за усадьбу, за поле, за скотъ, за виноградникъ, за пасѣку и въ концѣ концовъ за право дышать воздухомъ. Послѣдняго вида подать была своего рода прелюдіей къ позднѣйшему душевому налогу. Случайныя обстоятельства, какъ землетрясеніе, разрушившее стѣны Константинополя, или военныя неудачи, вызывали дополнительные налоги, которые уже не прекращались, а скорѣе удваивались. Фискалы не забывали при взысканіи податей ни себя ни своихъ помощниковъ.

Особенно отягчали населеніе натуральныя для войскъ повинности. Военачальники прятали въ свои карманы и ту скудную плату, которую они получали изъ государственныхъ кассъ для выдачи сельчанамъ. Въ такихъ случаяхъ наемныя войска выступали первыми противъ безоружнаго населенія, пытавшагося по временамъ ослабить непосильную тяготу; насильники въ грозныхъ доспѣхахъ захватывали и остатки припрятаннаго хлѣба.

Кровь римлянина, переходя въ вены византійца, постепенно утрачивала свою остроту. Не всегда можно было клеймить византійца названіемъ труса, но постоянное существованіе наемныхъ войскъ и откупъ отъ насильниковъ золотомъ пред-

вѣщали, что Мараѳонская битва больше не повторится. Окружая тронъ Византіи наемными войсками, лагоѳеты-евнухи цѣнили въ нихъ только физическую мощь и ярость дикарей, жаждавшихъ добычи. Въ Европѣ блуждали тогда цѣлыя арміи изъ отбросовъ различныхъ странъ, предлагавшія свои услуги каждому властелину, которому не претили услуги завѣдомыхъ бандитовъ. Лучшею выразительницею наемнаго войска можетъ служить армія подъ начальствомъ авантюриста Ромера де-Флора, проведшаго жизнь сначала рыцаремъ ордена Тампліеровъ, потомъ вѣроотступникомъ и морскимъ разбойникомъ. Когда Андронику Старшему понадобились услуги наемниковъ, онъ явился въ Пропонтидѣ съ армадою изъ двадцати галеръ, четырехъ кораблей и восемнадцати тысячъ корсаровъ. Василевсъ встрѣтилъ его съ открытыми объятіями и возвелъ въ адмиралы. Каталонцы Ромера, о которыхъ шла молва, что они разсѣкаютъ однимъ взмахомъ меча—всадника и коня, были страшны оттоманамъ, но они были еще страшнѣе самимъ византійцамъ. Непріязнь самихъ мусульманъ была менѣе пагубна, нежели дружба этихъ защитниковъ христіанъ. Женщины становились въ ихъ лагеряхъ общимъ достояніемъ. Никакому истязателю-фискалу не удавалось выдавливать изъ населенія столько податей, сколько собирали защитныя войска. Только этимъ путемъ такъ называемый доброволецъ могъ получать до пятисотъ византинъ въ годъ; тогда какъ греческій воинъ довольствовался тремя византинами въ мѣсяцъ. Ремесло наемника оказалось настолько выгоднымъ, что Ромеръ согласился принять титулъ цезаря, но съ условіемъ остаться въ Европѣ. Ромеръ былъ наконецъ убитъ въ самомъ дворцѣ императора, что вызвало бунтъ каталонцевъ и кровопролитное междоусобіе. Въ ряды наемниковъ вошли также нетерпимые у себя дома эмигранты—команы, аланы и туркопулы что, ослабляя постепенно національную силу, оказалось гибельно, когда насталъ смертный часъ Византіи.

На нравы византійцевъ и на судьбу государства имѣла громадное вліяніе скрытая, но упорная борьба самихъ вѣнценосцевъ съ патріархатомъ. Василевсамъ приходилось считаться съ нимъ не только возлѣ церковныхъ каѳедръ, но и въ государственной и даже частной жизни, за которою духовенство слѣдило съ рвеніемъ записныхъ сыщиковъ. Слѣпо нафанатизированный византіецъ вѣрилъ своему духовному отцу и слѣдовалъ его указаніямъ до степени перехода изъ мирнаго гражданина въ бунтаря, какъ бы отстаивающаго чистоту культа и догматику соборовъ. Отсюда только снисходительный къ корыстолюбію

монастырей и духовенства василевсъ могъ разсчитывать на спокойное обладаніе короною, дворцомъ и страною. Напротивъ, василевсъ, выходившій къ народу съ поучительнымъ словомъ или выражавшій негодованіе по поводу скупки монастырями крестьянскихъ надѣловъ, долженъ былъ зорко слѣдить за своими поступками. Патріаршіе казуисты были всегда наготовѣ заявить, что василевсъ или женатъ на близкой родственницѣ или отвергаетъ каноны и соборныя постановленія или наконецъ онъ не подписалъ обѣщанія подчиняться вселенскимъ соборамъ. Подобные, пущенные въ оборотъ слухи, подготовляли народныя волненія и давали партіямъ ипподрома достаточно матеріаловъ для политическихъ неурядицъ. Лично патріархи не выступали открыто противъ василевсовъ, но лукавства у нихъ было достаточно, чтобы пустить по вѣтру слухъ хотя бы и о прямой измѣнѣ православію. Выпады противъ василевсовъ на этой почвѣ оправдывались обычно указаніями на необходимость ограничить сколько нибудь ихъ крайній абсолютизмъ во всѣхъ проявленіяхъ государственной жизни.

Относясь съ полицейскою суровостью къ нарушеніямъ догматики и обрядностей, патріархатъ не удѣлялъ ни малѣйшаго вниманія открытой въ стѣнахъ Константинополя противонравственной торговлѣ рабами христіанами или распущенности нравовъ въ монастыряхъ и въ богатой части столицы—въ Галатѣ. Монастыри только на малыхъ и безплодныхъ островахъ носили отшельническій характеръ, большинство же ихъ походило скорѣе на веселые дома, нежели на обители постниковъ. Сходство съ веселыми домами проглядывало съ особою силою въ монастыряхъ съ населеніемъ обоихъ половъ. Здѣсь можно было встрѣтить дѣвицъ, наказанныхъ родителями за сопротивленіе ихъ волѣ, женъ выступившихъ въ походъ воиновъ и разведенныхъ женъ, не успѣвшихъ еще пристроиться къ новому очагу и какъ бы желавшихъ умиротворить себя созерцательнымъ образомъ жизни. На Принкипо монахини принимались только изъ состоятельнаго класса, вносившія въ монастырскія кассы значительные вклады. Онѣ могли расселяться свободно по всему острову; выстраивать для себя келіи, подъ которыми оказывались роскошныя виллы, имѣть прислугу, цвѣтники, часовни и лодки для сообщенія съ берегомъ.

Европейскій же берегъ Пропонтиды былъ также покрытъ виллами, принадлежавшими преимущественно богатымъ прожигателямъ жизни. Береговая у острова стража, хорошо знавшая кого привѣтствовать поднятыми вверхъ веслами, а кому при-

грозить багромъ, состояла изъ людей съ вырѣзанными корсарами языками. Старые византійцы брюзжали, разсуждая о жизни на Принкипо, но молодежь не чуждалась увеселительныхъ туда поѣздокъ. Не дурно она развлекалась и въ Галатѣ, куда иноземцы поставляли все, что требовалось не только прихотливымъ вкусомъ, но и развращенностью нравовъ. Галата была полна притонами, въ томъ числѣ и лесбійскаго типа. Вообще строгость византійскихъ нравовъ обратилась къ XIV и XV ст. въ преданіе; вторженіе-же иностранныхъ капиталовъ и факторій внесло въ страну космополитизмъ, приведшій Византію къ послѣднему ея вздоху.

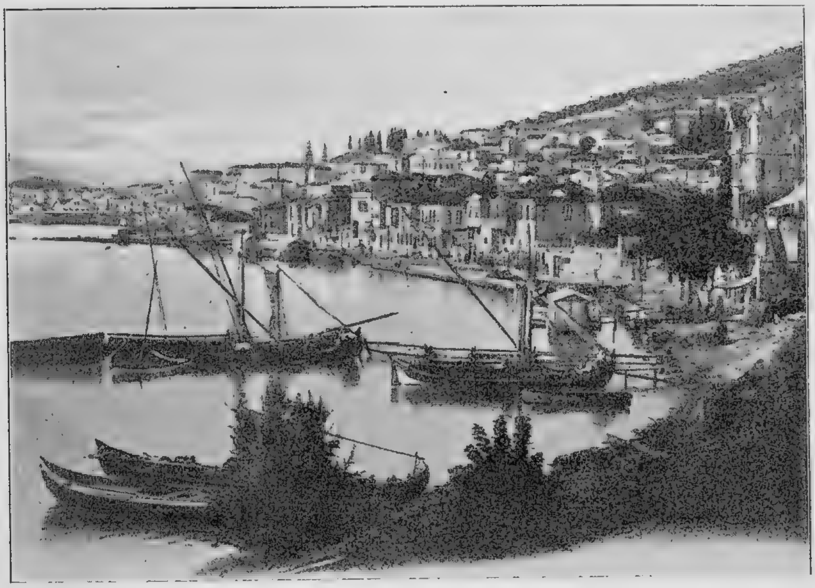
Въ послѣдніе годы царствованія Палеологовъ цѣна жизни человѣческой значительно понизилась, вмѣстѣ съ тѣмъ утратили цѣну и такія идейныя чувства, какъ семейные узы или чистая дружба. Цикута была въ большомъ спросѣ. Въ игорные дома входили съ византинами въ одномъ карманѣ и съ цикутою въ другомъ. Тунеядство разрослось до степени законнаго ремесла. Наемные убійцы имѣли свою негласную биржу труда, хорошо извѣстную партіямъ ипподрома. На клевету никто не обращалъ вниманія, а она не миновала даже Ирину Благочестивую, когда она помѣстила на одномъ изъ своихъ острововъ обитель дѣвственницъ.

Свѣтлая, безукоризненная личность послѣдняго Константина Палеолога служила также мишенью для обидныхъ насмѣшекъ. Преимущественно смѣялись тѣ, для которыхъ миновало показное величіе двора, что осуждало ихъ на ничтожество и забвеніе.

Подъ давленіемъ чувственности и при отсутствіи идейности угасъ наконецъ и самый геній Византіи, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ ея существованія все въ ней замерло и заглохло. Прогрессъ остановился не только въ матеріальномъ положеніи человѣка, но и въ области столь знаменитыхъ въ Элладѣ философскихъ системъ. Византійцы утратили даже способность подражать сохранившимся образцамъ высокой культуры.

При этой отвердѣвшей неподвижности ума, духъ византійца продолжалъ оставаться въ вѣчно мятежномъ настроеніи. Кровь византійца волновалась теперь зрѣлищами, но главное политическими дебатами. Вообще внутреннее содержаніе византійца въ половинѣ XV в. представляло смѣсь изъ религіознаго фарисейства, жажды наживы, открытаго разврата и потаенныхъ рыданій угасшаго національнаго генія. При появленіи насиль-

никовъ на берегахъ Пропонтиды Византія представляла, не смотря на замѣчательную живучесть, одинъ лишь остовъ порфиророднаго величія, доказывая тѣмъ еще разъ, что міровыя державы, идя къ упадку тысячами невидимыхъ путей, рушатся окончательно только послѣ долгихъ и сильныхъ колебаній.



Константинополь XX в. Принцевы острова.

VIII.

Религіозныя распри.

ВЕНЕЦІЯ, недовольная преобладаніемъ генуэзцевъ на побережьяхъ Пропонтиды и Эвксинскаго понта, напрягла въ началѣ XIII в. всѣ усилія, чтобы возвратить себѣ факторіи и торговое вліяніе на рынкахъ Византіи. Пользуясь этимъ настроеніемъ, вожди крестоносцевъ, поддерживаемые субсидіями дожа, заключили союзъ о нападеніи на Византію, которую заранѣе распредѣлили между собою по мѣркѣ чисто торговаго характера. Императору предназначалась четверть страны и дворцы влахернскій и вуколеонскій. Остальныя три четверти страны должны были подѣлить между собою поровну крестоносцы и венеціанская республика. Греческія церковныя имѣнія подлежали секуляризаціи, а патріархъ, которому предназначалась Св. Софія, подлежалъ избранію изъ латинскаго духовенства.

Союзники, войдя на венеціанскомъ флотѣ въ бухту Золотаго Рога, 8 Апрѣля 1204 г. повели первый приступъ противъ влахернской части столицы. Триста камнеметныхъ машинъ выпустили тучу снарядовъ, но греки отстояли на этотъ разъ свои родныя стѣны. Не далѣе какъ черезъ пять сутокъ латиняне, запасшіеся предварительно индульгенціями, повели вторичный приступъ и подъ водительствомъ своихъ епископовъ суасонскаго и труаскаго подняли знамя на одной изъ охранныхъ башенъ. Этотъ частичный успѣхъ ободрилъ Петра Аміен-

скаго и его рыцарей настолько, что всѣ городскія ворота были взломаны и—франки восторжествовали надъ греками. Побѣдители ознаменовали свое вторженіе страшнымъ пожаромъ, которымъ они обезпечивали себя отъ возможнаго ночнаго нападенія. Императоръ бѣжалъ на азіатскій берегъ. Избранный на его мѣсто группою населенія, не утратившею бодрости духа, Ѳеодоръ Ласкарисъ тоже принужденъ былъ скрыться отъ преслѣдовавшихъ его латинянъ.

Завоеватели явились въ эти кровавые дни свирѣпыми дикарями. Вожди крестоносцевъ были безсильны привести свои орды въ человѣческое состояніе. Ничто не могло укрыться отъ ихъ ножа, дубины и огня. Подъ предлогомъ ненависти къ схизматикамъ разъяренные грабители дошли до фантастическаго остервенѣнія. Не говоря уже о всеобщемъ грабежѣ и издѣвательствѣ надъ греческимъ духовенствомъ, они и самую Св. Софію обратили въ домъ непотребства, а затѣмъ рѣзали, крошили и рушили все, что только могло быть предметомъ злодѣянія. Венеція выгребла отсюда все античное, начиная отъ коней на ипподромѣ и церковныхъ сосудовъ Софіи и оканчивая образцами мозаическаго творчества.

Считая за собою въ этомъ дѣлѣ первенствующее значеніе, венеціанцы возвели на тронъ Византіи графа Фландрскаго Балдуина, коронованнаго въ Св. Софіи 16 Мая 1204 г. Они же выбрали въ патріархи своего соплеменника Томазо Морозини, который и былъ признанъ папою Иннокентіемъ III епископомъ константинопольскимъ.

Византіи какъ будто бы не существовало болѣе, но ставленники Запада повели себя настолько неблагопристойно, что побѣжденные греки не стѣснялись придать Балдуину II наименованіе продавца святынь. Греки могли забыть многое изъ кровавой эпохи вторженія латинянъ въ ихъ столицу, но они не могли забыть того страшнаго униженія ихъ вѣрованій, какое было проявлено оргіями въ храмахъ, монастыряхъ и въ обителяхъ дѣвственницъ.

Греческое духовенство, утративши при латинянахъ всякое значеніе, употребило всѣ старанія, чтобы внѣдрить въ умы и сердца населенія жесточайшую ненависть къ насильникамъ. Старанія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ, что и принесло свои плоды какъ въ ближайшее время, такъ и во всей послѣдующей жизнедѣятельности Византіи. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба за религіозныя убѣжденія возгорѣлась еще ранѣе появленія во влахернскомъ дворцѣ латинизма, но теперь она обратилась въ

мощное политическое орудіе, силу котораго испытали на себѣ сами же латиняне.

Христіанская церковь была въ теченіе первыхъ вѣковъ со времени своего возникновенія нераздѣльною и хотя существовали мѣстныя церкви—іерусалимская, антіохійская, карфагенская, римская, но и онѣ сохраняли основы общаго вѣроученія. Правда, въ теченіе же первыхъ вѣковъ христіанства отпадали отъ этихъ основъ и отдѣльныя лица и цѣлыя группы, но они считались отступниками и еретиками. Еретическими церквами признаются еще и въ наше время несторіанская, монофизитская, эѳіопская или абиссинская. Но затѣмъ въ IX в. произошелъ раздѣлъ церквей на греческую и латинскую. Послѣдняя признала надъ собою главенство папы и ввела въ свою программу включеніе въ католичество всѣхъ народовъ вселенной, какъ христіанскаго исповѣданія, такъ и не обращенныхъ еще въ христіанство. Чрезмѣрная власть папы и подвластныхъ ему прелатовъ постоянно возбуждала протесты даже въ католическомъ населеніи, что не помѣшало провозгласить въ 1870 г. на ватиканскомъ соборѣ догматъ о непогрѣшимости папы.

Догматика какъ богословская наука, пытающаяся разрѣшать недоумѣнія при толкованіи Св. писанія, зависитъ во многомъ отъ діалектическихъ особенностей истолкователей. Насколько она трудно усваивается даже умами, посвятившими себя изученію вопросовъ церкви, можно судить изъ того, что Ѳома Аквитанскій собралъ тысячу спорныхъ вопросовъ и по поводу ихъ привелъ до пятнадцати тысячъ положительныхъ и отрицательныхъ аргументовъ. Въ числѣ первыхъ поставлены имъ вопросы: чему отдать предпочтеніе — чувству или разумѣнію? Надлежитъ ли сперва вѣровать, а потомъ знать, или наоборотъ? Не слѣдуетъ ли опредѣлять разумъ высшею инстанціею въ дѣлахъ вѣры?

Хотя и въ византійскую эпоху схоластика была уже въ полномъ ходу, но все же коренное разномысліе между греками и латинянами заключалось и не разрѣшено понынѣ въ ученіи о предопредѣленіи, о свойствахъ третьяго лица Св. Троицы, о происхожденіи І. Х., о нисхожденіи Св. Духа, о безбрачіи священниковъ, объ опрѣснокахъ и вообще о предметахъ, не поддающихся во многомъ простому разумѣнію человѣка. Мало по малу расколъ между восточною и западною церквами вылился въ форму не столько религіознаго, сколько политическаго орудія. Папа и патріархъ очутились въ разныхъ лагеряхъ. Занятыя ими позиціи вызывали порою активную борьбу, доходившую до того,

что католическіе епископы подставляли штурмовыя лѣстницы противъ схизматиковъ, отстаивавшихъ свои вѣрованія.

Занявъ тронъ Византіи, латиняне сдѣлали все, что могло поднять возстаніе противъ нихъ духовенства, византійской аристократіи и народа. Одного напоминанія объ оргіи подъ священными сводами Софіи было достаточно, чтобы грекъ загорался чувствомъ безпредѣльнаго мщенія. Для народнаго возстанія необходимъ былъ только предводитель, какимъ и явился представитель знатнаго византійскаго рода Михаилъ Палеологъ.

Фамилія Палеологовъ была извѣстна Византіи еще въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія. Она участвовала въ возведеніи на престолъ родоначальника Комненовъ, и императорское семейство не считало для себя униженіемъ родственныя съ нею связи. Кромѣ своего знатнаго происхожденія Михаилъ Палеологъ былъ и истиннымъ государственнымъ мужемъ, какъ въ роли полководца, такъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія страною. Вѣрноподданническая преданность его подвергалась нерѣдко сомнѣнію, доходившею до того, что онъ былъ проведенъ однажды въ цѣпяхъ, пѣшкомъ, на разстояніи шестисотъ миль. Ему приходилось покидать страну и возвращаться съ претензіей на тронъ императора, щедро награждать приверженцевъ и наконецъ явиться передъ народомъ на щитѣ совмѣстно съ малолѣтнимъ Іоанномъ IV. Но положеніе регента его не удовлетворяло. Находясь вдали отъ Константинополя, онъ организовалъ противъ латинянъ заговоръ и, не ожидая, чѣмъ онъ разрѣшится, объявилъ себя императоромъ. Заговоръ былъ поведенъ съ такою осторожностью и съ такимъ вѣрнымъ разсчетомъ, что отрядъ всего въ восемьсотъ человѣкъ занялъ столицу безъ боя. Балдуинъ бѣжалъ настолько торопливо, что обронилъ по дорогѣ мечъ, скипетръ и полусапожки. Трофеи эти были доставлены Михаилу, который не замедлилъ перебраться изъ Смирны въ столицу, гдѣ и короновался въ Св. Софіи.

Михаилъ Палеологъ удержался на престолѣ Византіи 24 г., чему способствовало и умѣнье его пріобрѣтать симпатіи противниковъ, поддававшихся частью на прямые подкупы, частью на родственныя связи. Въ родственныя связи онъ вошелъ съ венгерскимъ королемъ и съ болгарскимъ царемъ. Туркамъ онъ предложилъ выгодный союзъ. Даже патріархъ прельстился было его предложеніемъ склониться въ сторону латинской церкви.

Михаилъ присоединился къ латинской церкви, не требуя, чтобы духовенство и народъ послѣдовали его примѣру. Вообще церковь обратилась при Палеологахъ въ своего рода придатокъ

къ политикѣ. При спокойныхъ политическихъ условіяхъ Византія не уступала ни іоты въ усвоенномъ ею культѣ, а въ критическихъ, стѣсненныхъ обстоятельствахъ припадала къ папѣ, какъ къ главѣ церкви.

Сынъ Михаила Андроникъ II отказался отъ единенія съ латинскою церковью, за что и подвергся духовной опалѣ папы Климента V. Судьба этого императора была далеко не блистательна, да кромѣ того и біографы постарались охарактеризовать его болѣе чѣмъ двусторонне. По однимъ сказаніямъ онъ обладалъ глубокимъ философскимъ образованіемъ и совершенно пренебрегъ папскимъ отлученіемъ отъ церкви, а по другимъ легендамъ для него пламя ада было страшнѣе земныхъ бѣдствій. Духовенство пользовалось его суевѣріемъ, а каковы были въ ту пору патріархи, можно судить по нелѣпому слуху, будто бы патріархъ Аѳанасій подвергнулъ наказанію за святотатство осла, истребившаго латукъ въ монастырскомъ саду. Не остается сомнѣніемъ лишь то, что занятый царившею смутою умовъ императоръ принялъ въ совмѣстители сына своего Михаила. Про этого извѣстно только, что онъ былъ почтительнымъ сыномъ, не оставившимъ по себѣ, послѣ двадцатилѣтняго соимператорства, сколько нибудь историческаго значенія. Не таковъ былъ сынъ его Андроникъ младшій, любимецъ царствовавшаго еще дѣда, котораго онъ и отблагодарилъ чисто византійскимъ способомъ. Зараженный съ младыхъ ногтей своимъ величіемъ, онъ испыталъ еще въ ранней юности и покупную любовь и хіосское вино и льстивое поклоненіе прихлебателей. Ему были открыты и дома генуезскихъ ростовщиковъ. Дѣдъ Андроника вскорѣ убѣдился, что его внукъ пренебрегъ его попеченіями и выставилъ себя настолько неблагодарнымъ и незаботливымъ о благѣ страны, что сенатъ уже подумывалъ о лишеніи его достоинства императорскаго принца. Но у этого нашелся другъ Кантакузенъ, доставившій ему возможность занять тронъ безъ сотрудничества дѣда.

Еще при Іоаннѣ Палеологѣ было видно, что обнищавшая въ денежномъ отношеніи и развращенная духовно Византія не въ состояніи обороняться отъ враждебныхъ насильниковъ. Поэтому въ Византіи вновь родилась мысль о союзѣ съ Римомъ. Сознавая, что фанатизмъ латинянъ и грековъ не допуститъ до политическаго союза, Іоаннъ рѣшился принять на свою нравственную передъ страною отвѣтственность всѣ послѣдствія возможныхъ переговоровъ съ папою. Въ Римъ были отправлены довѣренныя лица. Папа принялъ ихъ какъ желанныхъ гостей,

которымъ восточная церковь довѣрила вѣтки мира вмѣстѣ съ надеждами признать намѣстника Петра главою всѣхъ церквей. Для путешествія византійскаго императора требовалось не мало золота, котораго не оказалось въ оскудѣвшей кассѣ Византіи. Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, Римъ прислалъ въ Константинополь десять тысячъ дукатовъ, флотилію изъ венеціанскихъ судовъ и щегольскую почетную стражу.

Венеція первая встрѣтила дорогихъ гостей, которые, отдохнувъ во дворцѣ дожей, продолжали путешествіе по сухому уже пути. Повсюду, вплоть до Феррары, путешественники были привѣтствуемы съ теплотою, какую расточаютъ главари культа своимъ новообращеннымъ поклонникамъ.

Палеолога смущала нѣсколько скромная пенсія, какую ему ассигновали изъ католической кассы, всего въ размѣрѣ 600 флориновъ въ мѣсяцъ. Палеологи не привыкли къ такой скромной обстановкѣ. Что касается до вопросовъ, касавшихся религіи, то Іоаннъ предпочелъ имъ увеселительный замокъ въ Феррарѣ съ чудесной соколиной охотой. Пріѣхавшее съ нимъ духовенство повело себя двусмысленно. Патріархъ Іосифъ потребовалъ равенства съ папою во время богослуженія, а епископы отказались цѣловать туфлю первосвященника и все же не прочь были пойти на подкупъ, даже и подъ страхомъ, что страна обвинитъ ихъ въ продажѣ своей религіи.

Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ соборяне занимались по преимуществу спорами, подкупами и взаимными обвиненіями и только, словно для приличія, сухими, схоластическими преніями. Въ концѣ концовъ Византія пошла на уступки, не выторговавъ даже военной помощи противъ тѣснившихъ ее враговъ. Состоявшееся соглашеніе возбудило въ Константинополѣ общее негодованіе. Прежде всего возмутился многочисленный классъ чернаго духовенства, имѣвшаго на народную массу неотразимое вліяніе. Отсюда произошелъ крупный эпизодъ. Когда корабли со свитою императора возвратились въ гавань и патріархъ съ клиромъ готовился сойти на берегъ, нафанатизированная толпа преградила имъ дорогу. Патріарху и епископамъ народъ пригрозилъ жестокою расправою, если они, не сходя съ корабля, не признаются въ вѣроотступничествѣ и не заявятъ, что они проклинаютъ унію съ Западомъ. Патріархъ и императоръ не видѣли средства для усмиренія бушевавшихъ страстей и изъ опасенія народнаго самосуда поклялись торжественно, не сходя съ корабля, что они отрицаются отъ уніи и винятъ себя въ недомысліи.

Благодаря политиканству, греки довели свои отношенія къ Западу до того, что на новыя предложенія о соединеніи церквей получались уже одни оскорбительные отвѣты. На воззванія грековъ о созывѣ вселенскаго собора для обсужденія догматовъ вѣры, Западъ отвѣчалъ отказами, облекая ихъ въ высокомѣрное равнодушіе. Греки предупреждали латинянъ, что турки не ограничатся покореніемъ Византіи и пройдутъ по всей Европѣ, но папы очерствѣли и къ просьбамъ и къ угрозамъ схизматиковъ.

Династія Палеологовъ царила съ 1261 г. по 29 Мая 1453 г., т. е. до момента послѣдняго вздоха Византіи. Изъ этой династіи взошли на престолъ восемь императоровъ, занимавшихъ тронъ отъ одного года, какъ Андроникъ IV, и до 58 лѣтъ, какъ Іоаннъ V. Домъ Палеологовъ причастенъ къ величайшимъ міровымъ событіямъ, по которымъ судьбы народовъ далеки еще отъ послѣдняго слова. Послѣдній аккордъ этихъ событій, вызвавшій и послѣдній вздохъ Византіи, былъ услышанъ повсюду въ Старомъ Свѣтѣ при царенiи императора Константина XI Палеолога.

Константинополь XX в. Атмейданъ и Айя-Софія.

IX.

Показное величіе.

ВАСИЛЕВСЫ не могли не видѣть, съ какою жадною и безпокойною любознательностью вглядывалась уличная толпа не только въ дворцовыя серебряныя двери, но и въ дворцовыя событія. Въ большинствѣ случаевъ событія эти были таковы, что съ ними не мирились и тогдашнія упрощенныя условія морали. Между ними и толпою необходимо было опустить завѣсу, хотя бы для того, чтобы держать въ отдаленіи отъ дворцовъ буйные элементы населенія. Надъ этою завѣсою василевсы трудились вѣками. Въ наиболѣе блистательную пору Византіи она гипнотизировала толпу до степени священнаго мистицизма, и только лишь одни скептики резонеры осмѣливались называть ее показнымъ величіемъ.

По мѣрѣ роста и укрѣпленія Византіи росло и показное величіе, выражавшееся въ числѣ и размѣрахъ дворцовъ, въ сложности и блескѣ дворцовыхъ штатовъ, въ вычурности этикета, въ наслоеніи титуловъ, въ сношеніяхъ съ иноземными властелинами и даже въ составѣ церковныхъ обрядовъ; вообще же показное величіе было спутникомъ всей жизни василевса, если только ему удавалось избѣжать насилій и насильниковъ.

Наиболѣе солиднымъ показателемъ величія василевса служилъ въ продолженіе десяти столѣтій Большой дворецъ, соединявшійся крытымъ ходомъ съ ипподромомъ и съ храмомъ Св. Софіи. Въ связи съ дворцомъ находились домовыя церкви Пр. Богородицы и Св. Дмитрія, въ которыхъ хранились принадлежности торжественныхъ церковныхъ службъ— золотыя трикиріи, кадильницы и посохи. Здѣсь же хранились и священныя реликвіи: часть креста, на которомъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ, терновый вѣнецъ Его страданій, жезлъ Моисея, мироточивыя головы и цѣпь Св. Петра. Василевсы лично наблюдали за сбере-

женіемъ этихъ священныхъ сокровищъ, служившихъ между прочимъ патріархамъ и членамъ царствовавшаго дома могущественными врачебными пособіями; такъ, прикосновеніе къ черепу Св. Андрея отгоняло головную боль; масло, въ которомъ находилась кисть руки Св. Фары, исцѣляло отъ глухоты. Не смотря на окружавшій реликвіи высокій мистицизмъ, приставленные къ нимъ служки обратили ихъ, хотя и воровскимъ путемъ, въ источники обогащенія. Пользуясь ихъ корыстолюбіемъ, обыватели получали къ себѣ на домъ, для исцѣленія больныхъ, то кисть руки, то отсѣченное ухо и весьма возможно, что они обращали ихъ въ свою собственность. Впослѣдствіи іерархи, обнаруживъ продѣлки служителей, опечатывали ларчики и уже въ опечатанномъ видѣ отъ себя, за приличное вознагражденіе, отпускали ихъ на время богатымъ согражданамъ.

Минуя домашніе покои василевса и его семьи, можно было прослѣдовать высокимъ коридоромъ съ стрѣльчатыми окнами въ тронную залу. Сюда вели три двери изъ массивнаго кованаго серебра съ рѣзьбою, въ которой первенствовали изображенія василевсовъ и ихъ семействъ. Подъ ними видны были колѣнопреклоненные данники, а надъ ними витали ангелы-хранители и спускавшіяся съ облаковъ благословляющія руки. Впослѣдствіи эти двери пошли въ передѣлку на монету съ прибавкою къ серебру малоцѣнныхъ металловъ.

Золотая Палата—хрисотриклинъ — представляла искусную копію храма Св. Софіи. Въ Палатѣ на возвышеніи находился тронъ и два вице-трона, изъ нихъ одинъ золоченый и другой, покрытый пурпуровой тканью. Василевсъ возсѣдалъ на тронѣ только въ особо торжественныхъ случаяхъ, а вице-троны предназначались для воскреснаго и будничнаго сидѣнія. Возлѣ залы, за шелковыми занавѣсами, находилось парадное платье василевса и неподалеку трапезная, куда приглашались церемоніймейстерами особо почтенные гости царственнаго хозяина. Столъ для трапезы былъ тоже изъ кованнаго серебра съ дорогими инкрустаціями.

Пристройки ко дворцу напоминали то одного, то другого царственнаго строителя. Каждый изъ нихъ озаботился оставить по себѣ воспоминанія о пріятныхъ или чрезвычайныхъ эпизодахъ своей дѣятельности. Мозаика передавала потомству по преимуществу изображенія властелина обязательно изучающимъ св. писаніе. Художники талантливо изображали также своихъ повелителей въ обстановкѣ принятія даровъ отъ побѣжденныхъ царей. Народная масса, считая эти изображенія за иконы, молилась передъ ними съ глубокимъ чувствомъ и усер-

Храмъ Св. Софіи.

діемъ. Народу особенно нравилось колѣнопреклоненіе варваровъ и цѣлованіе ими ногъ василевсовъ.

Средства византійскаго двора были первоначально на столько обильны, что дозволяли украшать цѣнною мозаикою не только двери и стѣны Золотой Палаты, но и пріемныя комнаты, въ которыхъ толпились придворные чины и просители съ своими жалобами на судьбу. Всюду блестѣли разноцвѣтные мраморы, инкрустаціи изъ слоновой кости, позолота и ткани съ миѳологическими птицами и травами, о которыхъ не задумывалась и сама природа. Шелкъ и золотыя нити служили художникамъ Византіи превосходнымъ матеріаломъ для воспроизведенія картинъ, въ которыхъ преобладали сцены изъ временъ троянской войны.

Византія. Изученіе василевсомъ Св. Писанія.

Въ эпоху порабощенія Византіей народовъ вестіарій — государственный казначей—не жаловался на скудость его кассы, въ которую стекались подати, дани и конфискаціи — въ монетѣ въ слиткахъ и въ золотой розсыпи.

Бережливые василевсы, которыхъ было немного, накапливали цѣлыя горы золотыхъ слитковъ. Послѣ скупаго Василія осталось въ наслѣдство преемнику двѣсти тысячъ ф. золота и триста т. ф. серебра. Вся эта масса драгоцѣнныхъ металловъ поступала въ кассы василевсовъ отъ европейскихъ и азіатскихъ данниковъ, трепетавшихъ традиціонно передъ наемными византійскими рыцарями, какъ они трепетали нѣкогда и передъ римскими легіонами. Впослѣдствіи, когда обнаружилась дряблость Византіи и началось отпаденіе ея окраинъ, кассы василевсовъ начали пустѣть съ поразительною быстротою.

Въ эпоху ихъ процвѣтанія паппіи и лагоѳеты находили правильнымъ оплодотворять золотомъ прежде всего пышность и величіе двора. Затѣмъ уже слѣдовало содержаніе наемныхъ войскъ и немногихъ національныхъ легіоновъ; остатки перепадали на гражданственность страны. Стремленіе къ пышности переходило нерѣдко въ желаніе превосходства василевсовъ надъ калифами. Стоило калифу соорудить новый сказочный дворецъ въ Дамаскѣ, какъ модель его появлялась тотчасъ у василевса и такой же дворецъ, или еще болѣе великолѣпный, воздвигали немедленно на берегу Пропонтиды. Василевсамъ казалось недостаточными для сооруженія грандіозныхъ зданій—мраморы, бронзы, мозаики и поэтому, передъ возмущенными взорами толпы, являлись то бассеинъ, выложенный серебряными плитами, то цистерна изъ сладкой воды, достаточно помѣстительная для плаванія цѣлой флотиліи.

Паппіи и лагоѳеты вовсе не задавались мыслями, что станется съ государствомъ, когда и старинное право конфискацій имущества лицъ, заподозрѣнныхъ въ неблагонамѣренности, перестанетъ пополнять пустую кассу. Дворцовые приспѣшники скорбѣли только о томъ, что василевсъ не въ состояніи издержать, подобно калифу Магода, шесть милліоновъ золотыхъ динаровъ на одно лишь странствованіе къ богомолью. При дворѣ не было также и семи тысячъ евнуховъ, на половину бѣлыхъ, на половину черныхъ, какъ было при калифѣ Рашидѣ. Мало того, въ большомъ дворцѣ не было и двадцати двухъ тысячъ ковровъ, покрывавшихъ дворцовые полы Багдада. Разумѣется не было и сераля, какой былъ у Абдельрахмана изъ шести тысячъ земныхъ гурій.

Показному величію василевсовъ слѣдовали и выдвинувшіеся изъ толпы счастливцы въ родѣ Пелопонеской матроны, которую, при путешествіи ея ко двору, несли въ портшезѣ триста пажей. Путешествіе это длилось на протяженіи пятисотъ миль. Въ числѣ представленныхъ ею подарковъ василевсъ получилъ триста красивыхъ юношей и на половину изъ нихъ евнуховъ. Пресловутое богатство отдѣльныхъ аѳинянъ, въ родѣ пятнадцати талантовъ отца Демосѳена, десяти талантовъ невѣсты Алкивіада и даже пятидесяти талантовъ банкира Пасіона считались византійцами только смѣшною претензіей на названіе богатства. Одинъ Эпикратъ, владѣвшій шестьюстами талантовъ, что составляло 900 т. р., могъ еще занять мѣсто неподалеку отъ матроны Пелопонеса.

Въ парадной пріемной василевса можно было любоваться трономъ Соломона, украшеннымъ цѣлою сѣтью изумрудовъ и

золотыми львами, искусно подражавшими реву своихъ живыхъ образцовъ. Были и металлическія птички, щебетавшія по волѣ своего хозяина. На павлина изъ мозаики, распустившаго свой богатый вѣеръ, не рѣшался ступить даже посолъ первосвященника, видавшій всѣ лучшіе образцы искусства, до того птица походила на живой оригиналъ.

Во дворцѣ происходилъ ежедневно до полудня пріемъ просителей и вообще гражданъ Византіи, желавшихъ облобызать ногу василевса. Они должны были являться ко дворцу до разсвѣта и ожидать своей очереди въ ипподромѣ. Эти добровольныя представленія обратились мало по малу въ обязательныя и притомъ уже съ характеромъ поклоненія безъ повода и причинъ.

Дворцовый штатъ состоялъ изъ семидесяти чиноначалій, во главѣ которыхъ стоялъ паппій, назначавшійся василевсомъ изъ доказавшихъ ему свою преданность евнуховъ. Въ народѣ онъ слылъ за перваго наушника, хотя въ оффиціальныхъ актахъ считался первымъ докладчикомъ. Ему принадлежало по силѣ дворцоваго наказа право на взятки, какъ за повышеніе дворцовыхъ чиновниковъ, такъ и за освобожденіе отъ тѣхъ или другихъ наказаній. Предварительно пріема первыхъ, по византійской табели о рангахъ, чиновъ—деспота, севастократора или кесаря василевсъ принималъ паппія съ секретнымъ докладомъ о достоинствахъ и свойствахъ ожидавшихъ аудіенціи сановниковъ. Только великій дуксъ, какъ начальникъ флота, великій лагоѳетъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ и протоспаѳарій, какъ начальникъ тѣлохранителей, не состояли подъ надзоромъ паппія. Изъ подъ его надзора выходили также цезари,—вторыя лица въ имперіи и августы, когда титулъ этотъ присваивался сыновьямъ и братьямъ василевса.

Придворная жизнь, высоко поднявшаяся надъ жизнью народной массы, потребовала уставовъ и инструкцій, дошедшихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія до своего рода ажурной работы. Въ сознаніи политической стороны показной жизни двора Константинъ VII Багрянородный распорядился привести въ систему накопившіеся отъ вѣковъ обряды, что и вошло въ «Придворный Уставъ» извѣстный подъ титуломъ «Царскаго Чина». Въ уставѣ отведено значеніе и одеждамъ василевса, соотвѣтствовавшимъ значенію и программѣ дня. Ту или другую одежду василевсы мѣняли даже въ церковныхъ ризницахъ въ теченіе церковной службы. Парадная называлась дивитисіемъ; она походила на стихарь и надѣвалась черезъ голову. Хламида служила плащемъ при выходахъ въ большіе праздники. Скара-

мангій—торжественное и великолѣпное облаченіе—надѣвалось только въ пасхальную недѣлю. Хламида именовалась цицакіемъ. Корона не была принадлежностью однихъ высокозначущихъ событій: она появлялась на головѣ василевса и во время церковной службы. Изъ шелка или шерстяной ткани усѣянная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, она походила во многомъ на персидскую корону; по сторонамъ ея свѣшивалась жемчужная бахрома. Пурпуроваго цвѣта полусапожки, безъ золотыхъ орловъ въ обыкновенные дни и съ орлами въ торжественные, были привилегіей василевсовъ, на которую никто не смѣлъ посягать.

Василевсъ и его супруга въ парадныхъ одеждахъ.

Уставъ Багрянороднаго даетъ ясное представленіе о томъ, во что обратило показное величіе самый смыслъ молитвы и п р е д с т а т е л ь с т в а передъ Г о с п о д о м ъ. Описаніе б о г о м о л ь н ы х ъ выходовъ въ храмъ Св. Софіи говоритъ, въ какой мѣрѣ василевсы старались вліять на подданныхъ эфектною обстановкою. Обстановка состояла изъ парадныхъ одеждъ, знаменъ, хоругвей, изъ рядовъ придворныхъ и военной свиты, изъ взаимныхъ съ патріархомъ цѣлованій и поклоновъ, изъ хожденія и кажденія передъ иконами и наконецъ изъ безпрерывныхъ возгласовъ клира и церемоніаріевъ: «повелите!» Въ этой сложной обрядности истинная молитва совершенно отсутствовала. Народъ видѣлъ передъ собою красивое театральное зрѣлище и чтилъ Бога скорѣе на показъ своимъ сосѣдямъ, нежели по душевному къ тому рвенію. Василевсы брали на себя иногда трудъ поучать народъ съ высоты церковной каѳедры, но они ограничивались обычно крат-

кими увѣщаніями вести себя въ чистотѣ и благонравіи. Народу обязательно было смотрѣть въ подобныхъ случаяхъ на препозита, умѣло подававшаго знаки, когда слушателямъ слѣдовало восклицать:—«Да содѣетъ Господь Богъ царство Ваше долголѣтнимъ!»

Духовенство не всегда охотно подчинялось «Придворному Уставу», тѣмъ не менѣе патріархи не рисковали выступать въ парадныхъ выходахъ впереди василевсовъ. Духовенству пришлось также подчинить свои обряды и спеціальнымъ частямъ Устава, опредѣлившаго программы служеній въ дни Антипасхи, Крестопоклоннаго воскресенія, Крестовоздвиженія, водосвященія въ Крещеніе, Срѣтенія, Великой Субботы, омовенія престола, поднятія честнаго Креста и христосованія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ уставныхъ обрядовъ считалось цѣлованіе ногъ василевса; обрядъ этотъ возбуждалъ въ послахъ чужестранныхъ властелиновъ ропотъ и неудовольствіе. Послы христіанскихъ державъ падали ницъ однажды и однажды цѣловали ноги, а послы варваровъ, не исключая посла персидскаго, должны были падать трижды и трижды цѣловать ноги. Уставъ опредѣлялъ даже какъ слѣдуетъ держать голову при цѣлованіи ногъ; церемоніймейстеры не давали потачки. Строптивые послы, не желавшіе повиноваться Уставу, ничего не выигрывали, такъ какъ при нежеланіи пасть ницъ, тронъ вмѣстѣ съ василевсомъ поднимался особымъ механизмомъ на воздухъ, и тогда головы пословъ оказывались на одной высотѣ съ ногами василевса. Ко времени дипломатическихъ аудіенцій приноравливалась раздача жалованья войскамъ, шитой одежды лицамъ гражданской службы и вообще знаковъ милостей и благодѣяній, вызывавшихъ клики благодарности и восхищенія.

Василевсы вели себя не менѣе торжественно и передъ уличною народною массою. О каждомъ предстоявшемъ шествіи ихъ по улицѣ оповѣщалось заранѣе глашатаями, тогда столица чистилась, подтягивалась, а улица переставала сквернословить. На балконахъ и окнахъ выставлялось все, что было дорогаго въ домѣ, не исключая и посуды. Шествіе состояло изъ вереницы чиновъ всѣхъ службъ. Заказные хоры раболѣпно прославляли василевса и встрѣчали и провожали его пожеланіемъ долголѣтія и побѣдъ. Мостовыя усыпались цвѣтами.

Въ эпоху, когда василевсы всходили на сверхчеловѣческую высоту, являлись патріархи и даже аскеты, которые ради показнаго величія, окружали и себя чрезмѣрною пышностью. Патріархъ Кируларій—благочестивѣйшій изъ подвижниковъ въ домашней жизни—объявилъ себя на политической аренѣ своего

рода самодержцемъ, отъ одного взгляда котораго цѣпенѣли встрѣчавшіяся съ нимъ лица. Неуваженіе къ нему приравнивалось къ смертному грѣху. Его именовали не иначе, какъ, «боговиднымъ блаженствомъ», что не помѣшало однако духовному собору обвинить его въ такихъ преступленіяхъ, какъ занятіе алхиміей и гробокопательство. Непріязненному собору не удалось низложить его, онъ умеръ ранѣе учрежденнаго надъ нимъ суда.

Вмѣстѣ съ поднятіемъ патріархами своего титула подняли и василевсы свой рангъ до именованія ихъ владыками вселенной. Льстивые художники нашли даже справедливымъ и мудрымъ придавать въ мозаичныхъ образахъ ликамъ святыхъ выраженія земныхъ властелиновъ.

Византійская табель опредѣлила не одныхъ сановниковъ, но и множество низшихъ чиновъ и званій вплоть до евнуховъ, завѣдывавшихъ царскими сѣдалищами, ризницею и мыльнями и до истопниковъ, поломоекъ и прочей челяди.

Въ зенитѣ своего положенія василевсы объявили себя царями всѣхъ христіанъ, чему не мало помогла и тогдашняя Русь. Московскіе князья просили василевса, какъ верховнаго повелителя вселенской церкви, подчинить кіевскую метрополію и нѣкоторыя епископіи Малой Россіи византійскому патріархату. Патріархи, милостиво принявъ эту просьбу, строго соблюдали свою гегемонію. Строгость ихъ была такова, что когда князь назначилъ своего митрополита, то счелъ долгомъ сознаться, что онъ «сотворилъ сіе дерзостно». Даже въ эпоху близившагося паденія Византіи, святители земли русской ходили за полученіемъ сана архіепископа и митрополита къ патріарху. Діонисій Суздальскій получилъ въ Царьградѣ санъ митрополита въ 1384 г., что не спасло его отъ литовскаго князя Владиміра Ольгердовича. Послѣдній распорядился перехватить его на возвратномъ пути въ Россію и посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ въ 1385 г. Казалось еще нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи и московскіе князья очутились бы въ положеніи стольниковъ, получавшихъ грамоты изъ Константинополя.

Въ зенитѣ того-же положенія василевсы охотно подносили въ даръ патріарху въ Великую Субботу по два пуда золота или назначали пенсіи цѣлымъ фалангамъ монаховъ, благоденствовавшихъ въ трехстахъ монастыряхъ. Клирики получали за свое славословіе въ первый день Пасхи сто литръ золота.

Много уходило золота и на фаворитокъ, о которыхъ впрочемъ сохранилось мало историческихъ легендъ. Извѣстно однако, что Константинъ IX, потерявши двухъ женъ, обзавелся

красивою вдовою Склиреною, которую къ неудовольствію народа буквально осыпалъ государственными сокровищами.

Блестящее финансовое положеніе Византіи длилось только до времени непоколебленнаго значенія ея военной силы. Упадку послѣдней предшествовали обычные признаки, предвѣщающіе исчезновеніе царства: появленіе паразитовъ и внутреннія междоусобицы. Первыми паразитами явились хищники-корсары на Дунаѣ, куда они стекались изъ поддонковъ прибрежнаго населенія подъ предлогомъ свергнуть византійское иго съ придунайскихъ княжествъ. Они открыли путь и печенегамъ, прошедшимъ жестокимъ ураганомъ по Македоніи и Ѳракіи. Добытыя здѣсь сокровища, хотя бы въ видѣ громадной толпы плѣнниковъ, разожгли аппетиты варваровъ къ ряду послѣдующихъ набѣговъ. Одновременно Византія утратила Сицилію, благодаря неспособности намѣстника, смѣнившаго по дворцовымъ интригамъ геніальнаго адмирала Маніака. Отсюда начинается паденіе блистательнаго военнаго счастья имперіи. Сербамъ посчастливилось нанести византійцамъ чувствительный уронъ, что дало имъ возможность отпасть отъ Византіи. По слѣдамъ сербовъ пошли и болгары, но эти, потерявъ въ одной изъ битвъ 15 т. убитыми, принесли повинную и возвратились подъ властную руку василевса.

Потеря Сициліи и Сербіи не могла губительно отразиться на гигантской имперіи, но ея неуязвимость была разоблачена, что придало окраинамъ надежду на возможность отложенія отъ центра, безпощадно выжимавшаго изъ нихъ народные соки. Кромѣ того и вся Европа изобиловала въ ту пору горючими элементами, жаждавшими поживиться наслѣдіемъ заболѣвшей страны. На сцену выступили норманны. Они не заботились о славѣ, поэтому цѣнили только бурную отвагу и добычу, но не дружественныя отношенія.

Русскіе четыре раза подходили съ военными намѣреніями на судахъ къ Константинополю и каждый разъ безплодно, но кіевляне и новгородцы не унимались и попробовали еще разъ въ союзѣ съ скандинавцами войти въ Босфоръ, чтобы пріобрѣсти новыя вотчины Мономаху. Союзники потеряли на этотъ разъ пятнадцать тысячъ человѣкъ и отступили во свояси. Византійцы ослѣпили часть плѣнныхъ и цѣлымъ тысячамъ ихъ отрубили правыя руки.

Въ половинѣ XI в. на горизонтѣ появились страшные враги—сельджуки, придвинувшіеся изъ туранскихъ степей. Передъ ихъ длинными копьями Византіи оставалось принять ха-

рактеръ укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ задыхалась гражданская жизнь, что вело къ обнищанію и замѣтному разложенію нравовъ. Византія не успѣла и опомниться, какъ изъ стѣнъ ея столицы исчезъ прежде всего истинный патріотизмъ, безъ мощнаго содѣйствія котораго ни одна страна не можетъ разсчитывать на стойкость государственной обороны. Послѣдовалъ рядъ военныхъ неудачъ. Дворцовыя подземелья съ полумилліономъ пудовъ золота и серебра были уже къ концу XII в. совершенно пусты; за военными неудачами послѣдовали и финансовыя затрудненія. Отпадавшія провинціи принялись изгонять фискаловъ и переставали вносить дани и подати. Государственная касса начинала бѣдствовать и уже не доставало средствъ на поддержаніе показной роскоши. Теперь вестіарію, отъ котораго требовали денегъ и денегъ на содержаніе наемныхъ войскъ, оставалось выжимать все, что можно было выжать изъ кошелька византійца. Сельчанинъ опустилъ голову и руки. Надъ нимъ появился господинъ болѣе немилостивый, нежели самый грозный сельджукъ — то былъ откупщикъ доходовъ, по преимуществу евнухъ или родственникъ архонта, куропалата или даже лагоѳета. Пахарю казалась родина злою мачихою, отъ которой хотѣлось бѣжать, хотя бы въ становище варваровъ.

Въ 1186 г. византійскіе финансисты объявили чрезвычайный налогъ на покрытіе расходовъ по брачному празднеству царя Исаака съ принцессою Маргаритою. Народъ возропталъ. Болгары, пользуясь народнымъ неудовольствіемъ, подняли возстаніе, но Византія была еще сильна, и они смирились подъ ея ударами. Временные однако успѣхи талантливыхъ полководцевъ не усыпляли сосѣдей, жаждавшихъ момента, достаточно удобнаго для общаго разгрома имперіи. Выступленіе въ этомъ направленіи послѣдовало со стороны Запада, изъ котораго неожиданно явились послы съ требованіемъ дани какъ бы для снаряженія новаго крестоваго похода. Испуганный василевсъ Алексѣй согласился уплачивать ежегодную дань въ 5 т. фунтовъ. Насколько уже было трудно Византіи платить эту хотя и оскорбительную, но ничтожную дань, видно изъ того, что Алексѣю пришлось обобрать гробницы императоровъ, а Исаакъ, отбросивъ всякую мысль о поддержаніи показнаго величія, перешелъ на жительство во Влахернскій дворецъ съ самою скромною обстановкою.

Западъ ехидствовалъ надъ схизматиками и откровенно радовался, когда въ Римъ приходили вѣсти о появленіи пиратовъ-хищниковъ на Босфорѣ и даже на Дунаѣ. Византія попробо-

вала было отвѣтить Западу таможенною войною, но Венецiя выслала на своихъ корабляхъ столько дерзкихъ корсаровъ, что пришлось уступить ей факторiю въ сосѣдствѣ съ генуэзцами, на самомъ берегу Золотого Рога.

Этимъ путемъ чужеядные паразиты облегли самую душу Византiи и принизили ее до того, что завѣсы изъ показного величiя болѣе уже не существовало.

Константинополь XX в. Пера и Галата.

X.

Двойная опасность.

ХРИСТІАНСТВО вообще и православіе въ частности находились не разъ въ опасности утратить пріобрѣтенное ими вѣками міровое положеніе. Опасность для христіанскаго культа надвигалась всегда со стороны мусульманскихъ насильниковъ, а православіе, кромѣ этой общей опасности, входило зачастую въ столкновеніе съ латинизмомъ.

Первая угроза на Западѣ проявилась въ VIII в., когда, къ счастію для христіанства, встали на его защиту франкскій маіордомъ, сынъ Пипина Герпстольскаго, Карлъ прозванный впослѣдствіи Молотомъ. Благодаря мачихѣ, онъ побывалъ въ тюрьмѣ, но при помощи приверженцовъ бѣжалъ изъ нея въ 715 г. и поднялъ знамя противъ язычниковъ саксовъ и мусульманъ арабовъ. Арабы, перейдя Пиренеи, бросились на западную Европу съ такою разрушительною силою, что казалось наступилъ конецъ христіанству, наступила замѣна евангелія кораномъ. Они взяли Нарбонну, осадили Тулузу и хотя были отъ нея отражены, но, получивъ подкрѣпленія, двинулись вновь къ Рейну. Они уже грабили Пуатье и Туръ, когда Карлъ, собравъ прирейнскія племена, вступилъ съ ними въ битву. Арабы бѣжали. Черезъ пять лѣтъ Карлъ нанесъ арабамъ новое пораженіе, справедливо доставившее ему названіе Молота. Корану оставалось закрыть свои страницы объ истреб-

леніи невѣрныхъ и прервать свой натискъ противъ христіанскаго культа.

Въ пылу богословскихъ споровъ, чисто схоластическаго характера, обѣ отрасли христіанства православная и католическая не замѣтили, какъ ихъ величайшая святыня—Іерусалимъ съ Голгоѳою, Іорданомъ и со всею Палестиною—очутилась въ рукахъ арабовъ. Къ арабамъ вскорѣ присоединились орды туркменъ, за ними потянулись съ береговъ Яксарта и кочевники-сельджуки. Такимъ образомъ въ Палестинѣ образовалось настолько плотное ядро мусульманства, что Византія увидѣла себя безпомощною въ огражденіи паломниковъ отъ поруганій и притѣсненій новыхъ обладателей Святой земли. Духовенство и паломники были обложены тяжелыми поборами, молитва у Св. Гроба или погруженіе въ воды Іордана сдѣлались не по средствамъ вѣрующихъ. По возвращеніи изъ паломничества они разносили повсюду вѣсти о предстоявшей гибели христіанскаго культа. Ни василевсы, ни папы не могли оставаться равнодушными къ явно назрѣвшей опасности и поэтому, отбросивъ на время схоластику, они соединились подъ общимъ знаменемъ священной борьбы за достояніе христіанства.

Болѣзненнѣе нежели гдѣ либо слышались въ Константинополѣ вопли паломниковъ, упрекавшихъ византійцевъ въ стачкѣ съ противниками креста. Жалобы эти росли, множились, въ подкрѣпленіе ихъ являлись на улицахъ и рынкахъ толпы, обнажавшія свои раны въ подтвержденіе претерпѣнныхъ ими страданій отъ злобы и оружія сарациновъ. Василевсу Алексѣю Комнену предстояла задача отказаться отъ престола или выступить противъ опустошавшихъ Палестину насильниковъ.

Съ другой стороны василевсъ сознавалъ, что истерзанная Византія не можетъ выступить съ однимъ своимъ оружіемъ противъ несчитанныхъ полчищъ мусульманъ. Пораженіе Византіи было-бы ея смертнымъ приговоромъ, которому порадовались бы и вновь приблизившіеся къ Дунаю варвары; то были куманы, недалеко ушедшіе отъ пещерныхъ первонасѣльниковъ земли.

Западъ оказался воспріимчивѣе къ страданіямъ паломниковъ. Византія еще раздумывала, съ какимъ оружіемъ слѣдуетъ ей вступить въ борьбу, когда папа Урбанъ II пригласилъ окружнымъ посланіемъ всѣхъ епископовъ Италіи, Франціи, Бургундіи, Швабіи и Баваріи въ Піаченцу, служившую еще до хр. эры оплотомъ противъ Ганнибала, для совѣщанія о неизбѣжно предстоявшей борьбѣ съ общимъ врагомъ христіанства. На соборъ прибыли двѣсти епископовъ, четыре тысячи лицъ духовнаго

званія и до тридцати тысячъ міранъ. Пришли и византійскіе послы, которымъ было поручено излить скорбь и печаль по поводу насилія сарацинъ. Послы умоляли соборъ отвратить отъ христіанъ наступившее бѣдствіе и отбросить невѣрныхъ въ глубь Азіи.

Обѣ стороны однако продолжали и теперь быть на сторожѣ. Первосвященникъ готовъ былъ защитить церковь вообще, но не византійскую въ частности. Византія въ свою очередь соглашалась предоставить западникамъ проходъ въ Азію черезъ ея земли и воды, но съ условіемъ предоставить ей все, что будетъ отобрано у невѣрныхъ и прежде всего Палестину съ ея святыми мѣстами.

Соборъ въ Піаченцѣ привелъ къ новому собору въ Клермонѣ, куда явились: знатное духовенство того времени, принцы и рыцари, поднявшіе копья въ защиту церкви, и громадныя толпы народа. Въ легіоны этихъ поборниковъ христіанства вступили и подонки, которымъ нечего было терять и которые во всякомъ случаѣ заработывали отпущеніе грѣховъ, данное папою огульно всей собравшейся толпѣ. Она пала передъ нимъ на колѣни и устами кардиналовъ принесла всенародное покаяніе. Таинственными организаторами собора были заранѣе приготовлены красные кресты съ девизомъ: „Такъ Богу угодно".

Передовые отряды крестоносцевъ, выступившіе безъ всякой организаціи, безъ запасовъ и оружія, безъ пищи и одежды были встрѣчены на пути въ Германіи и Венгріи какъ банды разбойниковъ. Противъ нихъ выступили организованныя войска. Въ происшедшей стычкѣ благочестивые разбойники, какъ ихъ назвала исторія, потерпѣли полное пораженіе и разсѣялись, куда кто и гдѣ могъ укрыться. Погромъ въ Венгріи продолжался и въ Болгаріи, гдѣ устраивали противъ нихъ засады и ловушки. Населеніе, отъ котораго пришельцы требовали пищи и одежды, было очень возбуждено противъ грубаго, изголодавшагося люда, кичившагося титуломъ крестоносцевъ.

Остатки первыхъ крестоносцевъ, укрывшіеся во Ѳракіи, были проведены по распоряженію Алексѣя въ Константинополь съ наказомъ ничего не предпринимать и ожидать прибытія новыхъ отрядовъ; послѣдніе уже шли въ организованномъ порядкѣ съ истинными рыцарями во главѣ, хотя опять таки безъ запасовъ продовольствія и одежды. Достигнувъ равнинъ Ѳракіи, Готфридъ Бульонскій остановился для отдыха и сбора подходившихъ многочисленныхъ отрядовъ. Здѣсь непріязнь грековъ и латинянъ пробудилась съ новою силою и на этотъ разъ

на реальной почвѣ. Подходившія сотни тысячъ народа требовали пищи, которую страна не въ силахъ была доставить въ необходимомъ количествѣ.

Теперь Византія перешла изъ одной опасности въ другую—отъ нашествія мусульманъ къ нашествію христіанскихъ насильниковъ. Послѣдніе, освобожденные папою отъ грѣховъ прошедшаго, разсчитывали и на прощеніе всѣхъ будущихъ преступленій. Франки грозили однимъ наплывомъ своимъ заполонить Восточную имперію и посадить на престолъ Византіи своего императора.

Василевсъ пришелъ въ смущеніе. Ожидая помощь со стороны Запада въ двадцать-тридцать тысячъ человѣкъ, онъ очутился внѣ возможности накормить сотни тысячъ охотниковъ, спѣшившихъ къ столицѣ по всѣмъ путямъ сообщенія. Въ этой растерянности онъ распорядился закрыть городскія ворота, поднять мосты и выставить стрѣлковъ на стѣнахъ. Распоряженіе это повело къ разрыву, разрѣшившемуся боевою стычкою передъ самою столицею. Готфридъ повелъ войска на приступъ, но василевсъ уступилъ и, выславъ подарки, обѣщался прокормить до весны все братство крестоносцевъ.

Нетерпѣливо ожидала Византія наступленія весны; при первой возможности она принялась переправлять гостей на азіатскую сторону. Возбуждая рвеніе своихъ избавителей къ святому дѣлу, Алексѣй отдалъ имъ все, чѣмъ могъ распорядиться. Онъ устроилъ на той сторонѣ Босфора удобный лагерь, хорошо снабженный, на что и израсходовалъ всѣ запасы государственной кассы. Византія бѣднѣла...

Блестящая эпоха Комненовъ завершилась въ 1185 г., когда послѣдній изъ ея династіи василевсъ Андроникъ былъ свергнутъ съ престола Исаакомъ Ангеломъ. Домъ Ангеловъ царилъ менѣе 20 лѣтъ. Послѣдній изъ нихъ Алексѣй предпочиталъ играть съ крестоносцами въ кости, нежели заниматься запущенными дѣлами правленія. Извѣрившись въ его доблестяхъ, народъ взволновался и для начала мятежа затѣялъ уличную борьбу съ латинянами. Послѣдніе не переставали облагать столицу и ея окрестности контрибуціями. Поводомъ къ окончательному разрыву между греками и франками послужилъ большой пожаръ, устроенный въ столицѣ пьянымъ фламандцемъ, мстившимъ за неудавшееся ограбленіе хлѣбной лавки. Франками командовалъ въ это время дожъ Дондоло и маркграфъ Бонифацій.

Въ январѣ 1204 г. глухая борьба разрѣшилась кровавою расправою. Набатъ призвалъ все населеніе столицы, не исклю-

чая высшаго духовенства и государственнаго совѣта, въ храмъ Св. Софіи для обсужденія положенія государства. Здѣсь, подъ сводами, раздались громкія укоризны противъ фамиліи Ангеловъ и не менѣе громкіе призывы къ избранію новаго императора. Но многотысячная толпа перессорилась и приняла только одно рѣшеніе: Алексѣя низвергнуть съ престола. Алексѣя низвергнули, но освободившаяся отъ него порфира была настолько тяжела, что ее рѣшился примѣрить на свои плечи только молодой человѣкъ изъ знатной фамиліи, на которомъ сошлись всѣ партіи благодаря его политической ничтожности.

Низверженному василевсу оставалось бѣжать къ крестоносцамъ и то скрытно, на что понадобились услуги родственника Алексѣя Дуки. Послѣдній былъ народнымъ любимцемъ, достаточно коварнымъ, чтобы быть хорошимъ византійскимъ политиканомъ. Дука повелъ переговоры съ такимъ искусствомъ, что призванная имъ ко дворцу наемная гвардія заключила Алексѣя въ подземелье, гдѣ онъ и окончилъ жизнь въ оковахъ. Дука скрылъ его смерть и продолжалъ переговоры съ крестоносцами. Временной императоръ уступилъ ему безъ спора корону Византіи. Узурпаторъ провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Алексѣя V. Самонадѣянность его не привела однако къ побѣдамъ надъ франками, которые подъ начальствомъ графа Фландрскаго разгромили силу грековъ у самыхъ воротъ Константинополя. Греки потеряли въ этомъ сраженіи даже знамя съ изображеніемъ Божіей Матери Одигитріи.

Дальнѣйшія враждебныя дѣйствія латинянъ привели къ рѣшительному штурму столицы, поведенному одновременно съ сухого пути и со стороны Золотого Рога. Отряду рыцарей подъ начальствомъ Петра Аміенскаго удалось проломить ворота и занять Влахернскій дворецъ, что случилось 12 Апрѣля 1204 г. Узурпаторъ бѣжалъ. Отступился отъ короны и прозглашенный на его мѣсто народнымъ собраніемъ Ласкаръ, ясно видѣвшій, что его согражданамъ нечего было и думать о сопротивленіи закованнымъ въ латы франкскимъ рыцарямъ.

Латинянамъ оставалось приступить къ раздѣлу Византіи, что и было достигнуто формальнымъ договоромъ французовъ съ венеціанцами. Впрочемъ договоръ этотъ состоялся ранѣе еще взятія Константинополя. Почтенный дожъ Дондоло отказался надѣть порфиру, удовольствовавшись тѣмъ, что она была ему предложена изъ уваженія къ его мудрости и подвигамъ. Давно ослабѣвшее зрѣніе препятствовало ему служить на тронѣ Византіи.

За отказомъ дожа кандидатомъ въ императоры выступилъ потомокъ Карла Великаго двоюродный братъ короля Франціи графъ Фландрскій Балдуинъ, основавшій въ 1204 г. Латинскую имперію. Латиняне провозгласили его императоромъ въ дворцовой капеллѣ, не справляясь съ настроеніемъ византійцевъ; послѣдніе невольно привѣтствовали восторженными кликами своего новаго властелина.

Балдуинъ былъ внесенъ на щитѣ въ храмъ Св. Софіи, обутъ въ пурпуровые полусапожки и коронованъ папскимъ легатомъ. Вскорѣ самое названіе Византіи было замѣнено Романіей, а каѳолическій патріархатъ—латинскимъ.

Не легко однако было и латинскому императору управиться съ тѣмъ сбродомъ, который подъ видомъ крестоносцевъ владѣлъ столицею Византіи. Сбродъ обезславилъ самое имя крестоносцевъ пожарами и грабежами столицы, впавшей въ государственный маразмъ. Разность культовъ и затаенная ненависть венеціанцевъ къ грекамъ выполнили въ полной мѣрѣ свое жестокое дѣло. Утратившій всякое мѣрило человѣчности, сбродъ дошелъ до оскверненія Св. Софіи оргіями съ непотребными женщинами; монастыри и церкви были обращены частью въ руины, частью въ конюшни. Изъ античныхъ сокровищъ получились груды мусора. Дѣвственницамъ приходилось бросаться со скалы въ море. Ни епископы, командовавшіе отрядами, ни Генрихъ Фландрскій не могли долгое время унять звѣриное озлобленіе своихъ бандитовъ, омывшихъ кровью дворцы и площади павшей столицы. Начавшаяся агонія Византіи привела страну къ утратѣ политическаго значенія, при чемъ и культъ православія приходилъ къ омертвѣнію. Но все-же до послѣдняго вздоха Византіи оставались еще столѣтія.

Овладѣвъ міровою столицею, франки забыли съ какою цѣлью они избрали крестъ своимъ символомъ и нисколько не заботились о томъ, что неподалеку отъ нихъ сарацины продолжали эксплоатировать св. мѣста какъ свои арендныя угодья.

Хотя Балдуинъ и пріобрѣлъ, благодаря своей тактичности и умѣренности, народныя симпатіи, но латинянамъ предстоялъ громадный трудъ передѣла Византіи, сообразно съ договорными отношеніями крестоносцевъ различныхъ національностей. Кромѣ того въ странѣ явились самостоятельные деспоты и князья, отпавшіе отъ Византіи ранѣе прихода латинянъ, а потому не считавшіе себя подданными новаго императора. Нужно было привести ихъ къ покорности. Венеція потребовала выдѣла провинціи для основанія подвластнаго ей государства. Бонифацій

потребовалъ ленныхъ владѣній. Знатныя фамиліи, пославшія своихъ сыновей, потребовали также территоріальныхъ вознагражденій. Не было наконецъ области, которая не предъявила бы свои права на автономію, и хотя онѣ смирялись передъ отрядами рыцарей, но все-же византійцы считали за собою право протестовать тѣмъ или другимъ путемъ противъ христіанскихъ насильниковъ.

Франки презирали грековъ, что и давали имъ чувствовать на каждомъ шагу. Заодно они отнеслись кичливо и къ болгарскому царю, котораго опьяненный успѣхами Балдуинъ обозвалъ своимъ рабомъ. Эти ошибки омрачили вскорѣ блескъ его счастливой звѣзды. Византійцы согласились предоставить тронъ болгарскому царю съ условіемъ, чтобы онъ помогъ имъ истребить франковъ. Іоаннъ отвѣтилъ согласіемъ и для достиженія успѣха призвалъ на помощь орду дикихъ и кровожадныхъ командовъ.

Общее возстаніе противъ франковъ началось въ Февралѣ 1205 г., тогда изъ всѣхъ частей Романіи пришли къ императору вѣсти объ истребленіи франкскихъ гарнизоновъ. Императоръ не располагалъ въ это время на европейской территоріи значительнымъ количествомъ преданнаго ему войска, поэтому онъ отозвалъ изъ Азіи находившіеся тамъ отборные отряды. Впрочемъ наличность его военныхъ силъ умалилась въ послѣднее время вслѣдствіе того, что многіе крестоносцы возвратились на родину, а другіе распредѣлились по автономнымъ частямъ Византіи. Не выждавъ прибытія отрядовъ изъ Азіи, Балдуинъ двинулся во внутрь страны. Въ Адріанополѣ его встрѣтилъ царь Іоаннъ съ многочисленной ратью. Произошелъ свирѣпый бой. Рыцари, не привыкшіе къ пріемамъ дикихъ командовъ, гнали ихъ до изнеможенія коней; по наступленіи этого момента, команы повернули фронтъ и устроили жестокую рѣзню.

Остатки франковъ бѣжали къ Пропонтидѣ, оставивъ за своими плечами разбитую и растоптанную славу непобѣдимости. Балдуинъ очутился въ плѣну. Не долго онъ царилъ. По сказаніямъ того времени Іоаннъ распорядился въ 1205 г. выдѣлать изъ головы убитаго плѣнника кубокъ, который и служилъ ему въ застольныхъ пиршествахъ.

Сказанію этому легко повѣрить, если вспомнить, какимъ неистовствамъ предались болгары и команы при праздновании побѣды надъ непобѣдимыми до того франками. Грабежи ихъ и насилія завершились тѣмъ, что они отдавали красивѣйшихъ плѣнницъ на всесожженіе своимъ богамъ. Расшатанная Визан-

тія очутилась теперь между двухъ огней: съ одной стороны она истекала кровью подъ ножами варваровъ, а съ другой вызванные изъ Азіи отряды франковъ пустились также въ жестокія карательныя экспедиціи.

Византія вновь возстала. На тронѣ явился народный трибунъ Ѳ. Ласкарисъ. Но бѣдствія никогда и ничему не научали византійцевъ. Ласкарисъ встрѣтилъ сопротивленіе въ Д. Комненѣ, который потерпѣвъ пораженіе, перешелъ на сторону франковъ.

Въ эту эпоху Ѳ. Ласкарисъ выдвинулся изъ окружавшей его среды во весь колоссальный историческій ростъ и явился во всемъ величіи истиннаго патріота. Отражая нападеніе латинянъ, онъ долженъ былъ бороться также и съ оттоманами, заполнившими азіатское побережье. Несмотря однако на общую народную любовь и военные успѣхи, ему все таки приходилось задумываться надъ вопросомъ: способно ли вообще Византійское государство къ возрожденію?

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Византія видѣла у себя двухъ равнозначившихъ по уму, силѣ и тактикѣ властелиновъ. То были: графъ Генрихъ, братъ Балдуина, провозглашенный регентомъ и Ѳ. Ласкарисъ, отдававшій всю свою жизнь на служеніе Византіи. На этомъ пути онъ не затруднялся дружить съ болгарскимъ царемъ, продолжавшимъ свою звѣрскую политику, какъ не затруднился вступить въ перемиріе съ регентомъ имперіи. Въ тоже время событія перетасовывали не только взаимоотношенія враждебныхъ становъ, но и самый составъ раздробленной имперіи. Генрихъ нанесъ болгарскому войску пораженіе, отъ котораго Болгарія уже не оправилась. Миновало еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ перемежались цари узурпаторами, что длилось до 1211 г., когда Ѳ. Ласкарисъ потерпѣлъ отъ Генриха сильное пораженіе. Старому патріоту предстояло прочесть отходную своей странѣ, но скоропостижная смерть Генриха 11 Іюня 1216 г. повергла и латинянъ въ скорбное состояніе. Съ его смертью угасла завоевательная сила латинянъ. Правда, въ 1222 г. скончался и Ѳ. Ласкарисъ, но онъ оставилъ по себѣ твердую надежду, что возбужденный имъ духъ патріотизма не угаснетъ и поторопитъ латинянъ оставить въ покоѣ Балканскій полуостровъ.

Въ 1228 г. Балдуинъ II занялъ престолъ по праву лишь пріемнаго сына императора и всѣ двадцать пять лѣтъ своего царствованія провелъ въ поискахъ денежной помощи у западныхъ государей. Въ передниxъ святѣйшаго папы и св. Людо-

вика онъ вымаливалъ субсидіи, не стѣсняясь указывать на то, что, ведя войны на всѣхъ своихъ границахъ, имперія обнищала до того, что онъ, ея повелитель, долженъ выламывать изъ дворцовыхъ построекъ двери, чтобы согрѣть нѣсколько жилыхъ комнатъ. Но папа ограничивался подарками индульгенцій, которыя на рынкахъ благочестія утратили тогда всякую цѣну, а Людовикъ соглашался оказать помощь подъ условіемъ возбужденія новаго крестоваго похода.

Каковы были обстоятельства Балдуина II и его политическія и нравственныя побужденія, можно судить изъ того, что онъ не затруднился побрататься съ команами и въ знакъ вѣчной съ ними дружбы выпилъ стаканъ крови, принесенной въ жертву собаки. Но на этомъ событіи не окончился позоръ страны. Далѣе позоръ ея перешелъ въ преступленіе.

Въ ризницѣ Св. Софіи находились величайшія реликвіи христіанскаго культа. Проходя однако черезъ руки грабителей съ одной стороны и корыстныхъ монаховъ съ другой, заразившихся торговлею святынями, реликвіи поддѣлывались, распродавались и служили предметами извлеченія изъ нихъ торговыхъ выгодъ. Особенно подозрительными являлись черепа апостоловъ и св. угодниковъ. Крестъ, на которымъ былъ распятъ Сынъ Божій, несмотря на то, что отъ него были отдѣлены многія тысячи частицъ, монахи показывали чуть не въ первоначальномъ видѣ. Торговля реликвіями шла азартная и прибыльная. Съ того времени промелькнули вѣка, а греческіе симулянты монахи поторговываютъ и теперь какими угодно святынями. Въ хранилищахъ того времени можно было созерцать цѣлый музей изъ пеленокъ Сына Божьяго, жезла Моисея, черепа Іоанна Крестителя или губки, поднесенной Христу при Его крестныхъ страданіяхъ. Невѣжество хранителей музея переходило за предѣлы прямаго шарлатанства, но они требовали вѣры и вѣры, и народная масса цѣловала съ искреннею набожностью камень, на которомъ тотъ или другой святой приплылъ по морямъ изъ Рима въ Константинополь.

Славой неподдѣльной реликвіи пользовался среди мыслящей части населенія Византіи одинъ лишь терновый вѣнецъ, обрамлявшій на крестѣ чело Спасителя міра. Слава эта поддерживалась и за предѣлами Византіи, особенно послѣ засвидѣтельствованія конклава лицъ, достойныхъ уваженія, что на ихъ глазахъ произошло мгновенное исцѣленіе отъ стародавней разрушительной язвы, какъ только она была проколота шипомъ терновника.

Балдуинъ рыскалъ по обыкновенію въ западной Европѣ за подаяніями, когда хранитель музея и, разумѣется, не безъ вѣдома патріарха, рѣшился призвать ростовщиковъ изъ Галаты съ скромнымъ предложеніемъ осмотрѣть вѣнецъ страданій и и убѣдиться въ его подлинности. Торговые венеціанцы поняли это предложеніе довольно правильно и извѣстили синьорію, что греки не прочь отдать эту реликвію въ залогъ по необходимому имъ займу. Сдѣлка состоялась. На парадно обставленной галерѣ вѣнецъ былъ доставленъ въ Венецію, которая и выплатила въ ссуду 13144 золотыя монеты, стоимостью каждая около $6^1/_2$ р. Венеція приняла священный залогъ съ условіемъ, если онъ не будетъ выкупленъ въ срокъ, то греки утратятъ на него право и онъ долженъ былъ остаться въ Венеціи.

Залогъ не былъ выкупленъ. Пользуясь пребываніемъ Балдуина въ Парижѣ, Людовикъ IX предложилъ ему уплатить долгъ венеціанцамъ и получить въ собственность священный вѣнецъ. Балдуинъ согласился на сдѣлку, не забывъ выторговать въ свою пользу дополнительную плату въ 5 т. тѣхъ же золотыхъ монетъ. Венеція не посмѣла пойти на перекоръ Людовику, сдѣлавшему такъ много въ пользу крестовыхъ походовъ. Пользуясь случаемъ, Балдуинъ поспѣшилъ сбыть королю и другія реликвіи изъ ризницы Св. Софіи. Набожный Людовикъ воздвигъ въ Парижѣ для помѣщенія пріобрѣтенныхъ имъ духовныхъ сокровищъ великолѣпную капеллу.

Для укрѣпленія въ умахъ и сердцахъ народа всего значенія сдѣланнаго пріобрѣтенія, король встрѣтилъ еще за городомъ пословъ съ драгоцѣнною ношею и босой, въ одной рубашкѣ, перенесъ ее черезъ весь Парижъ для постановки въ капеллѣ. Душевному восторгу франковъ не было предѣловъ.

Позорное измельчаніе латинскихъ императоровъ возродило въ душевныхъ тайникахъ старо-византійцевъ надежду на изгнаніе латинянъ и на возстановленіе старой Византіи. Осуществленіе этой идеи выпало на долю Михаила Палеолога, которому генуэзцы обязались, въ отмщеніе своимъ врагамъ венеціанцамъ, оказать всевозможную помощь. Впрочемъ какъ торговые люди они оцѣнили и свою помощь—предоставленіемъ имъ особой факторіи, изгнаніемъ венеціанцевъ, свободною торговлею по всему царству и подсудностью своимъ консуламъ.

Считая себя въ безопасности за высокими стѣнами столицы, латиняне пробудились ночью 25 Іюля 1261 г. подъ вопли, доносившіеся изъ монастыря Пантократора. Тамъ Балдуинъ II сзывалъ своихъ тѣлохранителей, которымъ полководцы Михаила

не препятствовали бѣжать къ Золотому Рогу. Прибѣжалъ сюда и Балдуинъ, нашедшій убѣжище на венеціанской галерѣ, отправившейся въ Негропонтъ. За нимъ послѣдовало и все латинское населеніе, торопившееся покинуть столицу, пока не разыгрались страсти торжествовавшихъ грековъ.

Византія возродилась. Часъ ея послѣдняго вздоха былъ еще разъ отсроченъ. Всѣ привилегіи и вся собственность венеціанцевъ перешла теперь къ генуэзцамъ, ненавидѣвшимъ своихъ соперниковъ до того, что дворецъ подесты былъ разрушенъ до послѣдняго камня. Понтъ Эвксинскій покрылся теперь вновь торговыми судами, но уже подъ генуэзскимъ флагомъ, подъ которымъ оживились корсарство и торговля невольниками по всѣмъ побережьямъ Пропонтиды и соединенныхъ съ нею морей.

Освободившись отъ одной опасности, отъ западныхъ насильниковъ, Византія должна была готовиться къ кровавой борьбѣ съ азіатско-африканскими хищниками, угрожавшими покрыть Европу мусульманскою лавою.

Константинополь XX в. Мечеть султана Ахмета.

XI.

Пошатнувшійся тронъ.

По смерти Іоанна Палеолога, безплодно старавшагося о религіозномъ соединеніи латинянъ съ греками, императорская семья состояла изъ вдовы императора Мануила и трехъ ея сыновей—Константина, Дмитрія и Ѳомы. Вдова, по имени Ирина, была уже въ преклонномъ возрастѣ, но вѣроятно ни одна изъ матронъ Византіи не могла бы сравниться съ ея душевною энергіей и непреклонною волей. Ея довольно мужественная наружность принадлежала къ угасавшему типу гречанокъ классической эпохи, чему способствовали и остатки красоты, не смотря на то, что безжалостное время подчинило и эту женщину закону отцвѣтанія. Время оказалось безсильнымъ только предъ ея зрачками, метавшими, въ минуты гнѣвнаго расположенія, лучи, совершенно уничтожавшіе противника. Даже предводитель оппозиціонной партіи синихъ, повелѣвавшій половиною ипподрома Сатиръ Каллимахъ терялся при встрѣчѣ съ нею и принимался лепетать оправданія, какъ вѣчно виноватый школьникъ.

Послѣ одной изъ аудіенцій у царицы Ирины Сатиръ Каллимахъ предложилъ въ ипподромѣ поднести ей титулъ «Благочестивой», что вызвало возраженіе партіи зеленыхъ, признавашей болѣе правильнымъ именовать ее «Безупречною». Возгорѣвшійся споръ силачи партіи зеленыхъ требовали рѣшить бросаніемъ диска, но партія синихъ настояла на жребіи при посредствѣ урны, стоявшей передъ статуею Аполлона. Жребій

склонился въ сторону титула «Благочестивой». Съ предложеніемъ этого титула представители ипподрома отправились къ матери—императрицѣ, которая, не отказываясь отъ высокаго именованія прибавила къ своей благодарности совѣтъ предпочитать пріятнымъ развлеченіямъ заботы о сопротивленіи надвинувшемуся на страну мусульманскому игу.

Благочестивую называли въ народѣ царицею Пропонтиды, какою она и была въ дѣйствительности. Ей принадлежали всѣ Принцевы острова, половина европейской прибрежной полосы и половина Галаты съ частью Золотого Рога. Вообще ея богатства были по тому времени безмѣрны. Они достались ей частью отъ одной изъ вѣтвей Кантакузеновъ, а частью и прикоплены коммерческими оборотами. Сборами ея доходовъ завѣдывали генуэзскіе банкиры, подъ наблюденіемъ приближеннаго человѣка Франца, преданнаго ея дому до послѣдней капли крови. Въ знаменитыхъ историческихъ трудахъ онъ умалчиваетъ о своихъ коммерческихъ способностяхъ, но современникамъ онѣ были ясны по его частымъ посѣщеніямъ генуэзскихъ конторъ. Въ преданности его царственному дому Палеологовъ могъ сравниться только морякъ Христо-Корфіасъ, начальникъ царицыной дромmоны.

Подъ особымъ и при томъ душевнымъ покровительствомъ матери императора состояла дѣвица Анна, которая была извѣстна двору подъ титуломъ сербской принцессы. Первые годы дѣтства она провела во Влахернскомъ дворцѣ. Попытка дѣвочки узнать, гдѣ ея родители и живы ли они, не увѣнчалась успѣхомъ. Благочестивая довольно строго отнеслась къ любознательности ребенка, котораго она то ласкала безмѣрно, то наказывала по какому то безотчетному внутреннему побужденію. Въ ту пору классическихъ преданій во Влахернскомъ дворцѣ была въ почетѣ дѣтская игра въ рыцаря и монахиню. Рыцаремъ былъ всегда царевичъ Константинъ, а монахиней Анна. Всегда въ этой игрѣ дѣвочка, уморительно представлявшая старую монахиню, готовила рыцарю полусапожки, безъ которыхъ онъ не могъ взойти на царство. На свои сандаліи она нашивала цвѣты, служившіе на этотъ разъ царственными орлами. Ребенокъ могъ бы рости и оставаться не посвященнымъ въ грамоту, но попечительница маленькой принцессы разсудила иначе. Острота ума и полетъ фантазіи сказывались у нея въ первой же учебной порѣ, и вотъ во Влахернскомъ дворцѣ узнали, что въ такой то день Христо-Корфіасъ отвезетъ ее на дромонѣ въ Аѳины и передастъ ее тамъ въ семью

извѣстнаго профессора, выбивавшагося изъ силъ, чтобы воскресить давно уже заглохнувшій университетъ Эллады. Слухъ былъ вѣренъ. Маленькую принцессу проводили дворцовые люди съ большимъ сожалѣніемъ; здѣсь она была общею любимицею, и Корфіасу пришлось выслушать столько просьбъ беречь въ пути ребенка, что онъ велѣлъ шутя снарядить еще одну дроммону для перевозки добрыхъ пожеланій. Семьѣ профессора было назначено хорошее вознагражденіе за воспитаніе принцессы.

Вообще Благочестивая не жалѣла средствъ, когда то требовалось условіями жизни. Вся гвардія, извѣстная подъ именемъ варяговъ, на которой лежала охрана дворца и трона, была на ея иждивеніи. Варягами именовались дружинники, не имѣвшіе въ Византіи ни рода, ни племени и пришедшіе сюда изъ странъ гиперборейскихъ. Нерѣдко кошельки Ирины переходили и въ палату патріарха, а что касается до старшаго сына Константина, то онъ былъ ея любимцемъ. Она строила ему замки на островахъ и дарила ему сады, обставленные настоящими чудесами растительнаго царства.

Константинъ былъ не порфиророднымъ, тогда какъ Дмитрій и Ѳома произошли на свѣтъ уже во время царствованія ихъ отца Мануила. При первыхъ мгновеніяхъ своей жизни они уже видѣли вокругъ себя одинъ пурпуровый цвѣтъ и покоились на ложахъ съ порфирными балдахинами. Дмитрій считалъ себя прямымъ наслѣдникомъ престола и уже заранѣе составлялъ планъ, какимъ образомъ онъ удалитъ отъ трона своихъ братьевъ. Страдая болѣзненнымъ честолюбіемъ, онъ не затруднился бы обратиться къ помощи оттомановъ; послѣдніе знали цѣну своей помощи, и страна поплатилась бы за нее новыми, чувствительными уступками.

Благочестивая продолжала оставаться на стражѣ интересовъ своего любимца и въ предвидѣніи приближавшейся кончины Іоанна держала на готовѣ всѣ свои средства, чтобы охранить тронъ отъ вожделѣній Дмитрія. Сенатъ и патріархъ были на ея сторонѣ. Въ дни наступившей агоніи императора Дмитрій и Ѳома находились въ Мореѣ, а Константинъ въ Спартѣ, гдѣ горцы считали его своимъ первымъ охотникомъ и почетнымъ гостемъ. Насторожились и партіи ипподрома. Въ бухтѣ находились въ это время быстроходные каталонскіе корабли; партіи разсчитывали на ихъ услуги, но оказалось, что Христо-Корфіасъ уже нанялъ ихъ для поѣздки въ Спарту.

На трехъ корабляхъ каталонцевъ отправились въ дорогу до двухсотъ варяговъ и три сановника, принадлежавшіе къ

партіи синихъ. Они везли съ собою сокровенные предметы: въ золотомъ ларцѣ—благословеніе патріарха Константину на царство, призваніе къ тому же сената и даръ Константинополя, состоявшій изъ серебрянаго щита, на который ушла серебряная дверь—послѣдняя уже изъ серебряныхъ дверей Большого дворца.

Въ эти междуцарственные дни возвратилась изъ Аѳинъ сербская принцесса съ письмомъ профессора, удостовѣрявшаго, что въ продолженіе своей долгой жизни онъ не встрѣчалъ болѣе талантливаго ученика, какъ дѣвица Анна. Образованіе ея онъ считалъ совершенно законченнымъ и настолько полнымъ, что если бы императору угодно было возобновить существовавшую при дворцѣ галерею для ученыхъ споровъ, то всѣ ея лавровыя вѣтви были бы вручены безспорно дѣвицѣ Аннѣ и никому болѣе.

Благочестивая встрѣтила свою пріемную дочь съ теплыми открытыми объятіями, и только послѣ вопроса ея о здоровьѣ царевича Константина—товарища ея дѣтскихъ игръ—ласки Ирины приняли серьезный характеръ. Отвѣтивъ на вопросъ, она сообщила по секрету, что бывшая маленькая монахиня можетъ теперь вышить настоящіе золотые орлы на коронаціонныхъ полусапожкахъ рыцаря, которому судьба предназначила тронъ Византіи.

Не смотря на распорядительность Христо-Корфіаса, каталонская эскадра подошла къ берегамъ Спарты не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. На берегу все дальнѣйшее перешло въ руки Франца, первою заботою котораго было привлеченіе на сторону Константина мѣстнаго легіона, охотно прослушавшаго и благословеніе патріарха и воззваніе сената. Съ другой стороны и депутаты ипподрома просили Константина встать немедленно на щитъ и тѣмъ предупредить готовое вспыхнуть въ столицѣ кровавое междоусобіе: Дмитрій могъ оставить Морею и прибыть въ столицу ранѣе избранника, тогда враждебныя партіи вступили бы въ кровавый бой.

Ни время, ни обстоятельства не допускали колебаній, и когда передъ Константиномъ явился отрядъ изъ легіонеровъ и горцевъ, то онъ уже не возражалъ противъ поднятія его на щитѣ. Первый актъ воцаренія совершился при скромной обстановкѣ, но онъ былъ только вступленіемъ къ торжественному коронованію подъ сводами Св. Софіи. Принявъ вѣнценосца, галера каталонцевъ, оперенная шестьюдесятью веслами, понеслась птицею къ проливу Пропонтиды.

Подъ магическимъ вліяніемъ золота, выглянувшаго изъ таинственной кладовой, столица Византіи утвердилась въ мысли,

что непорфирородное происхожденіе Константина не помѣшаетъ ему быть стратегомъ обѣднѣвшаго царства. Патріархъ перешелъ на сторону этого убѣжденія безповоротно, когда Благочестивая въ сопровожденіи Анны поднесла ему евангеліе, переписанное послѣднею со всѣми тонкостями древняго греческаго письма. При видѣ этого дара старикъ расчувствовался до того, что, обойдя монашескій уставъ, поцѣловалъ трижды головку принцессы. На ея роскошныя косы пали даже нѣсколько слезинокъ изъ подъ черного капюшона, осѣненнаго адамовою головою.

Озабоченная возведеніемъ сына на престолъ и коронованіемъ, Благочестивая не забывала трудиться и на пользу идеи объ учрежденіи общины дѣвственницъ. Такія общины существовали въ старые годы, когда странѣ грозила опасность и когда чувствовалось, что для ея спасенія необходимы теплыя молитвы чистыхъ сердецъ. Въ послѣдніе два вѣка нравственность Византіи сильно понизилась. Матроны не стыдились содержать въ Галатѣ дома свиданій и даже съ профессіональною любовью о. Лесбоса. Генуэзская и венеціанская молодежь, строго хранимая подъ домашними кровлями, стремилась теперь въ Галату подъ видомъ коммерческой дѣятельности, какъ на рынокъ, наполненный прелестницами всѣхъ трехъ частей свѣта. Пираты открывали здѣсь спеціальные рынки красивыхъ невольницъ.

Считая генуэзскую торговую факторію очагомъ нравственной заразы, разслабившей духовныя и физическія силы византійца, Благочестивая рѣшила противопоставить ему алтарь чистоты и невинности. Съ этою цѣлью она нашла полезнымъ стать самой во главѣ обители изъ юныхъ дѣвъ, посвятившихъ себя Влахернской Богородицѣ. Теперь-же кстати сербская принцесса, ученѣйшая изъ всего женскаго византійскаго пола, могла служить надежною помощницею въ этомъ святомъ дѣлѣ. Уставъ обители былъ составленъ первоначально въ палатѣ патріарха, но онъ показался учредительницѣ обители слишкомъ снисходительнымъ къ людскимъ слабостямъ, поэтому она продиктовала Аннѣ уставъ своего сочиненія—строгій до того, что въ немъ нашлись отдѣлы неотмолимыхъ грѣховъ. Такимъ грѣшницамъ ничего не оставалось, какъ удалиться изъ обители и проводить всю остальную жизнь въ безнадежномъ покаяніи.

Поглощенная вышивкою золотыхъ орловъ на коронаціонныхъ полусапожкахъ, сербская принцесса наблюдала изъ своего окна и за телеграфомъ, который долженъ былъ извѣстить о приближеніи къ Пропонтидѣ каталонскихъ кораблей. Послѣ нетерпѣливаго ожиданія Фаросъ заработалъ наконецъ своими крыльями,

*

шарами, флагами и крестами, повторяя знаки дважды и трижды и все съ одинаковымъ показаніемъ.—«Три каталонца входятъ въ Геллеспонтъ. На первомъ императоръ Константинъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе Господне»!

Принцесса передала лично эту депешу матери императора, чѣмъ и доставила ей видимую отраду. Во всемъ дворцѣ энергія пошла удвоеннымъ темпомъ. Всѣ и каждый начали высчитывать, черезъ сколько времени каталонцы войдутъ въ гавань. До ихъ прихода оставалось болѣе двухъ сутокъ, время достаточное для окончанія всѣхъ приготовленій къ торжеству въ храмѣ Св. Софіи. Дали знать патріарху, сенату, войску и питомицамъ будущей обители, изъ которыхъ былъ уже организованъ хоръ для славословія. Привѣтственный гимнъ, написанный принцессою, вызвалъ одобреніе всѣхъ, кому довелось его услышать.

На слѣдующее утро принцесса прочла по знакамъ Фароса новую, тоже важную, депешу.—«Идутъ корабли изъ Мореи. На нихъ деспотъ Дмитрій и сильный отрядъ, повидимому изъ пиратовъ Эгейскаго моря. Да хранитъ насъ Господь»!

Тотчасъ-же послѣдовали таинственныя приказанія: послѣ пропуска каталонцевъ закрыть входъ въ Золотой Рогъ желѣзною цѣпью, а на сторожевыя башни вывести часть варяговъ и легіонъ, несомнѣнно преданный новому государю. Деспоту Дмитрію будетъ предложенъ парадный каюкъ и почетная стража.

Первыми пришли въ бухту каталонскіе корабли. Сошедшіе съ кораблей варяги выстроились воинственными шпалерами по направленію къ Большому дворцу; далѣе шли шпалеры изъ сестеръ обители во всемъ бѣломъ и даже съ бѣлыми корзинами, наполненными цвѣтами бѣлаго колера. Еще далѣе выстроились сенаторы, архонты, войска, народъ и заложники изъ окраинныхъ провинцій.

Константина привѣтствовалъ хоръ дѣвственницъ, очаровавшій всю присутствовавшую народную массу гимномъ высоко трогательнаго характера. Хоромъ дирижировала принцесса.

Послѣ отдыха Константина въ Большомъ дворцѣ, явившіяся депутаціи пригласили его пожаловать въ храмъ Св. Софіи, гдѣ все было готово къ коронаціонному торжеству. Обрядъ коронованія императоровъ значительно разнился по времени и обстоятельствамъ. Въ зенитѣ славы Византіи онъ былъ пышнѣе, а въ эпоху упадка ея величія значительно бѣднѣе. Кромѣ того, онъ разнился и по условіямъ, при какихъ новый императоръ входилъ на тронъ, а условіями этими были: по праву ли рожденія и наслѣдованія переходилъ тронъ къ новому его облада-

Присяга на вѣрноподданство.

телю или по избранію войска, сената, народа? Наконецъ онъ разнился и потому, гдѣ происходило коронованіе—въ храмѣ, ипподромѣ, въ полѣ или въ лагерѣ. При всемъ разнообразіи церемоніала, преданія строго охраняли символы вѣрноподданничества и бренности существованія человѣка вообще, не исключая и самихъ императоровъ. Клятвою въ вѣрноподданничествѣ служило всенародное обуваніе короновавшагося представителями страны, а о бренности человѣка говорила мраморная глыба, которую ставили возлѣ престола, для напоминанія о будущей неизбѣжной гробницѣ. Въ послѣдніе вѣка мраморную глыбу замѣнили мѣшечкомъ съ кладбищенскою пылью. Коронуемый держалъ этотъ мѣшечекъ въ лѣвой рукѣ, а правою держалъ скипетръ съ крестомъ и яблокомъ.

Императоръ пожелалъ, чтобы коронаціонный обрядъ согласовался съ обрядомъ X в.—эпохи наибольшаго величія Византіи. Изъ этого обряда были исключены—поднятіе на щитѣ, и мраморная глыба; замѣненная мѣшечкомъ съ пылью; все остальное предстояло выполнить по программѣ для императора, не успѣвшаго еще избрать себѣ супругу.

Актъ коронованія долженъ былъ произойти въ полуденную пору. Кромѣ плотной массы народа, залившей весь Августіонъ и всю окрестность храма Св. Софіи, участвовала и обитель бѣлыхъ сестеръ, которая успѣла прорепетировать всю программу гимновъ и славословій. Партія зеленыхъ объявила себя къ этому времени почетною стражею обители, хотя пальму первенства на это званіе оспаривали всѣ дворцовые варяги. Примиреніе состоялось на томъ, что партія составитъ одну сторону охраны, а варяги другую. Впереди шла старшая сестра Анна и несла на подушкѣ коронаціонные полусапожки, составлявшіе предметъ восхищенія каждаго, кому посчастливилось уловить блескъ золотыхъ орловъ. Ассистентами служили, по выраженію толпы—два ангела, несшіе льняныя полотенца для обертыванія ногъ императора. Всѣ прочіе участники торжества, не вызывая жаднаго любопытства толпы, слѣдовали лишь за церемоніймейстерами съ длинными серебряными посохами.

Облачившись въ парадныя одежды—скарамангій и пурпуровый плащъ—императоръ прошелъ черезъ помѣщеніе варяговъ и черезъ большую консисторію. Ему предстояло прослушать литургію, принять св. дары и потомъ перейти въ тронную залу, гдѣ возвышался балдахинъ, отдѣланный совершенно заново, не служившій ни разу узурпаторамъ и захватчикамъ. Передъ входомъ въ храмъ императоръ вновь переоблачился въ цицакій и

хламиду, освященные передъ тѣмъ патріархомъ. Дворцовые чины, отъ кесаря до стратилата и силенціарія наполняли храмъ и боковыя церкви; ипподромъ былъ наполненъ сановниками и народомъ.

Послѣ принятія императоромъ св. даровъ церковное торжество заключилось привѣтствіемъ патріарха и духовенства, окуривавшаго кадилами путь въ тронную залу. На этомъ пути не умолкали возгласы:—«Да помянетъ Господь Богъ силу царства вашего!»—«На многія и благія времена ...всегда, нынѣ и присно...». При приближеніи императора къ трону силенціарій провозгласилъ громовымъ голосомъ: «повелите!» и Палеологъ возсѣлъ на тронъ уже съ аттрибутами императорской власти и смиренія. Корону поднесъ ему патріархъ. Послѣдовалъ рядъ молитвословій, перемежавшихся возгласами: «повелите!». Символъ вѣры императоръ произнесъ вслѣдъ за произнесеніемъ его діакономъ, а «Отче нашъ»—самостоятельно, безъ діакона.

Къ подножію трона приблизилась принцесса Анна, державшая на подушкѣ полусапожки съ вышитыми ею золотыми орлами; не подалеку по сторонамъ стояли дѣти съ обертками для ногъ.

Кто-же принесетъ за всю страну клятву въ вѣрноподданничествѣ? Вопросъ этотъ занималъ всѣхъ присутствовавшихъ тѣмъ сильнѣе, что сами церемоніймейстеры не знали, кого избралъ сенатъ и войско для исполненія этой высоко-почетной миссіи. Только въ послѣднія минуты сдѣлалось извѣстнымъ, что Благочестивая назначила братьевъ императора Дмитрія и Ѳому представителями вѣрноподданничества. Относительно Ѳомы церемоніаріи не волновались, но Дмитрій могъ явиться ослушникомъ материнской воли. Всенародная присяга отнимала отъ него всякую надежду надѣть на себя корону, въ которой красовался теперь его непорфирородный братъ. Лично Дмитрій, зная характеръ и силу матери, не сомнѣвался, что при сопротивленіи она не затруднится бросить его въ подземелье, а можетъ быть и ослѣпить, какъ то случалось не разъ съ соперниками на тронъ Византіи.

Замѣшательство длилось всего нѣсколько мгновеній. Первый подошелъ къ подножію трона Ѳома, а за нимъ явился и Дмитрій, замѣтившій, что мать подозвала къ себѣ Франца, объявленнаго на время торжества начальникомъ варяговъ. Когда діаконъ провозгласилъ: «повелите!» — принцесса Анна преподняла на подушкѣ полусапожки. Ѳома не медлилъ исполнить долгъ вѣрноподданничества, а Дмитрій наоборотъ, какъ бы отказываясь принести присягу, выглядѣлъ сурово, и даже оттолкнулъ отъ себя поданное ему льняное полотнище. Но тутъ изъ присутствовавшихъ выдвинулась Благочестивая — и тор-

жество окончилось въ добромъ порядкѣ. Возвращеніе императора во дворецъ было привѣтствуемо общимъ ликованіемъ, надъ которымъ брали верхъ кантаты бѣлыхъ сестеръ.

Чтобы смягчить горечь обойденныхъ короною, императоръ подтвердилъ ихъ права на Морею и уступилъ имъ половину всего Архипелага. Дмитрій оставилъ въ тотъ же день столицу брата, а Ѳома остался въ надеждѣ попользоваться подачкою изъ казеннаго кошелька. Византія однако была уже въ эту пору буквально въ нищенскомъ состояніи. Только благодаря щедрости матери императора, народная толпа была осыпана, попрежнему, горстями золотыхъ монетъ. Придворные и варяги получили дары изъ рукъ самого императора, приславшаго также и бѣлымъ сестрамъ дорогіе тѣльные кресты. Все торжество было выполнено по программѣ показного величія, но все-же оно произвело на народную массу грустное впечатлѣніе. Ипподромъ долгое время потомъ перехватывалъ и распускалъ то дворцовыя, то уличныя легенды. Одни видѣли, какъ сильно дрожалъ въ рукѣ императора мѣшечекъ съ кладбищенскою пылью, а другіе готовы были поклясться, что во все время торжества, тронъ пошатывался самъ собою, со стороны на сторону. Эта легенда вышла изъ патріаршей палаты, награжденной на этотъ разъ довольно скудно изъ кошельковъ разсчетливой матери-императрицы.

Константинополь XX в. Дворецъ Долма-Бахче.

XII.

Грозныя предостереженія.

УСТУПИВЪ насильникамъ западную часть Пропонтиды, Византія лишила себя возможности прервать ихъ сообщеніе между двумя, чуть не смежными материками. Она располагала адмиралами, но не флотомъ, безъ котораго и маленькіе каюки оттомановъ несли серьезную службу. Постоянный и обезпеченный притокъ съ азіатскаго материка свѣжихъ мусульманскихъ силъ вліялъ подавляющимъ образомъ на весь Балканскій полуостровъ. Оба Амурата и оба Магомета не щадили для достиженія своихъ цѣлей жизни своихъ подданныхъ. Сотни тысячъ ихъ труповъ покрыли горы и долины отъ моря до Дуная и Карпатовъ, напитавъ кровью окрестности Варны, Никополя, Германстадта и Коссоваго Поля. Трехдневная битва у Бѣлграда покрыла также его окрестности десятками тысячъ правовѣрныхъ, жаждавшихъ пріобщиться къ наслажденіямъ кораническаго рая. При всемъ однако равнодушіи къ землѣ естество человѣка брало нерѣдко верхъ надъ завѣтами пророка; тогда въ рядахъ оттомановъ проявлялась безумная паника, приводившая ихъ къ повальному бѣгству.

Одержанныя правителемъ Венгріи Іоанномъ Гуніадомъ въ теченіе одного года три побѣды надъ оттоманами показали Амурату, что р. Дунай должна считаться до времени крайнимъ предѣломъ распространенія мусульманства. Особенно опасенъ былъ переходъ на сѣверную ея сторону; бассейнъ рѣки какъ бы ослаблялъ беззавѣтную энергію насильниковъ. Амурату пришлось призадуматься—не рискуетъ ли онъ всею будущностью мусульманства въ Европѣ, не укрѣпивъ предварительно за собою путь сообщенія съ Азіей. Готовясь уже повернуть коней къ морю,

онъ встрѣтился съ выдвинувшимся на историческую сцену албанскимъ княземъ Скандербергомъ, утратившимъ родовое владѣніе, но получившимъ взамѣнъ послѣдняго милостивое расположеніе султана.

Признавъ Албанію своимъ санджакомъ, оттоманы обратили восьмилѣтняго наслѣдника княжества въ мусульманскую религію. Три брата его, если и не были убиты, то все-же исчезли, не извѣстно куда. Трудно думать, чтобы съ нѣжнаго возраста Скандербергъ носилъ, какъ говорится, маску притворства, но несомнѣнно, что до зрѣлаго возраста онъ былъ преданъ Амурату, какъ благодѣтелю, даровавшему ему высокое званіе въ войскахъ и средства для житейскаго обихода. Трудно уяснить, подъ чьимъ вліяніемъ и при какой обстановкѣ онъ возсталъ противъ Амурата, но возстаніе было задумано образцово. Прежде всего онъ объявилъ себя христіаниномъ, а затѣмъ и владѣтельнымъ княземъ Албаніи. По его призыву Албанія возстала вся, какъ одинъ человѣкъ; кромѣ того подъ знамена новаго албанскаго князя направились тьмы авантюристовъ и массы недовольныхъ насиліемъ оттомановъ.

Амуратъ, не рискуя своимъ положеніемъ, не могъ оставить безъ наказанія такъ дружно возмутившихся вассаловъ. Собравъ до шестидесяти тыс. всадниковъ и до сорока тыс. янычаръ, онъ накинулся на Албанію жестокимъ мстителемъ. Все гибло подъ его ударами; церкви были обращены въ мечети; юношество было поставлено между смертью и обрѣзаніемъ. Въ свою очередь не дремалъ и Скандербергъ. Благодаря его личному отчаянному мужеству поднялось все храброе племя миридитовъ, торжественно и по доброй волѣ присягнувшее лечь костьми въ родной землѣ или очистить ее отъ оттомановъ. Несмотря на ограниченныя силы повстанцевъ, надъ оттоманами разразился цѣлый рядъ военныхъ неудачъ, дошедшихъ до того, что Амуратъ оставилъ Албанію и направился въ Адріанополь, куда помчался слѣдомъ за нимъ и Скандербергъ съ своими фанатически возбужденными горцами. Почувствовавъ на своихъ плечахъ его удары, Амуратъ не имѣлъ силъ пережить позорное пораженіе и умеръ въ Адріанополѣ, оставивъ султанство своему любимцу Магомету II.

Магомету было уже извѣстно употребленіе пороха и значеніе артиллерійскихъ орудій. Находясь еще юношею въ войскахъ, воевавшихъ въ Трансильваніи, онъ видѣлъ губительное дѣйствіе огнестрѣльныхъ снарядовъ и тогда еще мечталъ замѣнить ими дротики, стрѣлы и алебарды. Теперь мечта его могла

осуществиться. Среди ренегатовъ венгерцевъ нашелся мастеръ по имени Орбанъ, который вызвался устроить въ Адріанополѣ литейный заводъ для приготовленія бомбардъ. Когда удались первыя небольшихъ размѣровъ пробныя орудія, мастеръ литейнаго дѣла взялся изготовить орудія достаточно колоссальныя, чтобы разрушить ихъ ударами стѣны Константинополя. Мысль о возможности встряхнуть эти стѣны и на ихъ развалинахъ замѣнить крестъ полумѣсяцемъ сдѣлалась завѣтною мечтою молодого честолюбиваго султана. Орбанъ получилъ всѣ средства, какія были необходимы по тому времени для большого пушечнаго завода.

Адріанополь обратился въ центръ оттоманскаго управленія еще при Амуратѣ I, котораго удовлетворяла приниженность императоровъ Византіи. Нерѣдко, когда Амуратъ выступалъ громить болгаръ, сербовъ, босняковъ и вообще племена между Адріатикою и Дунаемъ, Іоаннъ Палеологъ посылалъ къ нему сыновей съ добрыми пожеланіями.

Въ положеніи полновластнаго повелителя Магометъ направилъ первые свои удары на Албанію. Счастье поблагопріятствовало ему. Скандербергу пришлось, покинувъ родину, укрыться на о. Корфу и провести тамъ остатокъ своего бурнаго поприща въ тѣснотѣ и обидѣ обыкновеннаго человѣка.

Магометъ не опасался династическихъ соперниковъ, такъ какъ въ первый же день воцаренія онъ распорядился убить всѣхъ своихъ братьевъ. Но у него нашлась другая заноза, замедлившая на нѣкоторое время дальнѣйшее движеніе мусульманъ въ Европу. Азія была неистощима въ доставленіи воиновъ пророка, однако по мѣрѣ удаленія отъ Пропонтиды, подходъ резервовъ дѣлался все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Тому, кто владѣлъ Константинополемъ, его фортами и стѣнами, не трудно было владѣть не только Босфоромъ, но и всей Пропонтидою. Отъ Босфора до Геллеспонта включительно считалось всего сто двадцать миль. Противоположные берега материковъ приближались одинъ къ другому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на разстояніе всего въ пятьсотъ шаговъ при наибольшемъ разстояніи въ три—четыре мили.

Несомнѣнно Магометъ подсмѣивался надъ Палеологомъ, когда этотъ всходилъ на свои стѣны, чтобы полюбоваться дивною картиною заходящаго солнца. Ему прежде всего слѣдовало бы видѣть, какъ сотни каюковъ сновали по водамъ Пропонтиды, доставляя съ азіатскаго берега военныя подкрѣпленія. Не потребовалось бы ни знанія, ни силы, особенно при владѣніи секретомъ греческаго огня, чтобы прервать это сообщеніе и

тѣмъ остановить постоянный притокъ новыхъ мусульманскихъ силъ въ Европу. Но Византійцы, занятые ипподромомъ и революціями, умѣли только смиренно молиться, ожидать чуда и посылать подарки въ Адріанополь. Они даже оставили свои форты, какъ ненужныя болѣе укрѣпленія, построенныя на фундаментахъ храмовъ—на азіатской сторонѣ Сераписа, а на европейскомъ берегу Юпитера Урійскаго. Укрѣпленія эти очень пригодились властелину оттомановъ.

Примѣръ Албаніи, покорствовавшей до минуты пробужденія національной идеи, былъ на виду у Магомета, который и опасался, что византійцы опомнятся отъ дремоты и въ соединіи съ Венеціей и Генуей закроютъ Геллеспонтъ и Пропонтиду, какъ могли бы закрѣпить свои улицы и каналы. При томъ же дервиши не разъ провозглашали въ лагерѣ, что Аллахъ отдалъ земли во власть мусульманамъ, а гяурамъ отдалъ лишь соленое море. Теперь это море могло получить серьезное значеніе.

При широкихъ государственныхъ взглядахъ Магометъ оставилъ помыслы о завоеваніи сѣверной половины Балканскаго полуострова, ему нужно было укрѣпить за собою Пропонтиду, откуда легко было грозить Константинополю и прервать его пути сообщенія съ Венеціей, Генуей и Эвксинскимъ понтомъ. Побывавъ въ рукахъ крестоносцевъ, венеціанцевъ и каталонцевъ, Галлиполи подпало подъ власть оттомановъ въ 1357 г. Здѣсь проливъ настолько узокъ, что орудія и малаго калибра могли обстрѣливать всю ширину фарватера.

Европейскій берегъ Пропонтиды былъ покрытъ богатыми виллами и замками, достаточно укрѣпленными для сопротивленія пиратамъ. Теперь эти замки послужили оттоману опорными пунктами при завладѣніи Пропонтидою. Понятно, что всѣ владѣльцы замковъ были изгнаны, они бѣжали оттуда съ благодарностью судьбѣ за то, что она отпустила ихъ живыми въ столицу Византіи. Инженеры оттомановъ имѣли достаточно матеріаловъ и рабочихъ, чтобы изъ частныхъ замковъ соорудить грозные форты. Адріанопольскій заводъ снабдилъ ихъ бомбардами, сторожевыя флотиліи, выдвинутыя къ западу и востоку, проводили каждый корабль въ портъ для оплаты товаровъ таможенною пошлиною. Портъ Галлиполи былъ защищенъ такимъ образомъ не только отъ пиратовъ, но и отъ возможнаго нападенія генуэзцовъ.

Сознавъ, хотя и очень поздно, значеніе этой базы, Константинополь увидѣлъ въ ней грозное предостереженіе существованію Византіи. Въ это время морскія силы Византіи были

въ полномъ упадкѣ. Дромоны ея строились только двухъярусныя всего съ пятьюдесятью гребцами. Гребцы верхняго яруса должны были дѣйствовать во время битвы длинными копьями сквозь отверстія, предназначенныя для веселъ. Моральное состояніе флотоводцевъ было парализовано баснями о морскихъ чудовищахъ, и поэтому команды охотнѣе перетаскивали свои суда лямками черезъ Коринѳскій перешеекъ, чтобы не огибать одинъ изъ мысовъ Пелопонеза. Генуэзскій флотъ былъ несравненно серьезнѣе византійскаго. Въ защиту своей торговли Генуя могла выставить до ста военныхъ галеръ о трехъ палубахъ съ особыми командами стрѣлковъ и каменнометчиковъ. На сторонѣ византійцевъ было одно важное преимущество, это—искусство приготовленія жидкаго огня, о которомъ шли таинственные слухи по всѣмъ побережьямъ обоихъ материковъ.

Первыя каменныя ядра, выпущенныя со стѣны Галлиполи, попали въ рабовладѣльческую галеру Генуи, которая торопилась закрыть свои невольничьи рынки. Рабовладѣлецъ не послушался властнаго призыва въ портъ для оплаты пошлиною товара, состоявшаго изъ предназначенныхъ въ продажу мальчиковъ и женщинъ. Юноши должны были поступить сполна въ корпусъ янычаровъ, подвергнувшись обрѣзанію и принятію мусульманства. Ядра, попавшія въ галеру, разворотили ея корпусъ до потопленія, но прежде съ нея были сняты хозяева и пассажиры. Хозяинъ и его офицеры попали подъ ятаганы янычаръ; головы ихъ были посолены и отправлены въ Константинополь въ видѣ предвѣщанія предстоявшихъ событій.

Оскорбленный Константинополь осмѣлился на этотъ разъ послать въ Галлиполи депутатовъ съ требованіемъ уничтожить фортъ и прекратить разбойничьи нападенія на друзей Византіи. Грозно выглядѣлъ Магометъ, слушая пословъ, которые старались всемѣрно смягчить тонъ своего требованія. Отвѣтъ оттомана былъ коротокъ.—«Возвратитесь къ своему повелителю и передайте, что если онъ пришлетъ еще разъ пословъ съ подобными требованіями, то съ нихъ будетъ содрана кожа и доставлена на концахъ копій къ ступенямъ его трона». Послѣ такого отвѣта Палеологу ничего не оставалось, какъ только приготовиться къ безпощадной борьбѣ.

Нѣкоторую надежду на счастливый оборотъ возникшихъ событій можно было возлагать на помощь Генуи, не желавшей помириться съ насиліемъ оттомановъ.

Генуя, какъ и Венеція, не вступала въ религіозныя распри Востока съ Западомъ и открыто признавалась, что ея культъ

заключается въ золотомъ дукатѣ. Въ свою очередь и Венеція, вѣчно соперничавшая съ Генуей, была поглощена только заботами о распространеніи по свѣту своихъ издѣлій изъ стекла и шелка.

Генуя была впрочемъ сильнѣе заинтересована вопросомъ, кому хозяйничать на берегахъ Пропонтиды и понта Эвксинскаго. Сенатъ Генуи сознавалъ, что господство оттомановъ нанесетъ ея операціямъ, особенно по торговлѣ невольниками, непоправимый ударъ. При ихъ господствѣ всѣ торговыя факторіи будутъ обращены въ руины, такъ какъ сила ихъ охраны была разсчитана только для защиты работорговцевъ отъ набѣга пиратовъ. Исключеніе составляла Каффа—нынѣшняя Ѳеодосія—-огражденная вооруженными башнями и высокими зубчатыми стѣнами. Обсудивъ выгоды и убытки отъ завладѣнія оттоманами прибрежіемъ Пропонтиды и возмущенный поставленною въ Галлиполи таможнею, сенатъ рѣшилъ снарядить нѣсколько галеръ и выставить ихъ въ подходящую минуту въ помощь Византіи на перерѣзъ сообщеній оттомановъ съ азіатскимъ материкомъ. Галеры были выбраны изъ высшаго ранга трехъярусныя, въ девяносто веселъ, поднимавшія каждая до трехсотъ арбалетчиковъ и копейщиковъ. По секретному договору Палеологъ обязался снабдить флотъ Генуи достаточнымъ количествомъ снарядовъ изъ греческаго огня и метательныхъ машинъ для выбрасыванія ихъ противъ судовъ непріятеля. Кромѣ военной помощи Генуя снарядила также и транспорты съ припасами, въ которыхъ могъ нуждаться Константинополь. Подъ защиту послѣдняго спѣшили укрыться всѣ монахи изъ монастырей Пропонтиды и Аѳона, всѣ жители побережья и закрывшихся факторій. Вообще въ продовольствіи могла наступить въ осажденномъ городѣ властная по своей остротѣ нужда. Оттоманы же вели теперь открыто свои операціи къ осадѣ Константинополя.

Въ одной изъ бухтъ о. Хіоса генуэзцы встрѣтили большую императорскую дромону, нагруженную снарядами и метательными машинами. Распредѣливъ между собою снаряды и научившись дѣйствовать машинами, генуэзцы двинулись къ проливу, гдѣ имъ предстояло выдержать бомбардировку со стѣнъ Галлиполи.

Каково же было ихъ изумленіе, когда грозныя бомбарды не издали ни одного звука, не произвели ни одного выстрѣла, точно ихъ заговорила невидимая могущественная сила. Впослѣдствіи выяснилось, что форты безмолвствовали по приказанію капуданъ-баша, который обѣщалъ султану представить ему

всѣхъ генуэзцевъ въ цѣпяхъ, а суда ихъ обратить въ оттоманскій флотъ. Генуэзцы были по его свѣдѣніямъ хорошими торгашами, но о военномъ искусствѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Въ рукахъ капуданъ-баша было на Пропонтидѣ не менѣе тысячи каюковъ.

Движеніе генуэзцевъ и ожиданіе предстоявшаго морского сраженія вызвало къ обоимъ берегамъ Пропонтиды повелителя оттомановъ, его свиту и легіоны янычаръ. Окрестное населеніе, хотя и боязливо, но тоже приблизилось къ берегамъ. Ему было разрѣшено посмотрѣть, какъ христіанскія суда будутъ окружены, взяты и какъ гяуры будутъ поведены въ цѣпяхъ къ холму, на которомъ вырисовывалась ставка султана.

Въ распоряженіи капуданъ-баша было, кромѣ тысячи каюковъ, восемнадцать галеръ. Подъ могучими взмахами множества веселъ они рѣяли по волнамъ Пропонтиды подобно буревѣстникамъ, пронизывавшимъ пѣнистые гребни вздымавшихся волнъ. На каждой галерѣ было по два дервиша, взывавшихъ къ помощи Аллаха стихами изъ божественной книги.

При появленіи передовой галеры дервиши провозгласили пѣвучими голосами: «Аллахъ акбаръ!» Восклицаніе это пронеслось по волнамъ моря и по холмамъ материковъ, вблизи и въ поднебесьѣ, вплоть до стѣнъ Константинополя.

Приведя въ боевой порядокъ свою флотилію, капуданъ-башъ выставилъ ее полумѣсяцемъ, которому предстояло сомкнуться и принять непріятельскія суда на абордажъ. Въ мужествѣ оттомановъ не было сомнѣнія, при томъ же и численный перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ. На каждую генуэзскую галеру приходилось по три мусульманскихъ и по нѣсколько десятковъ каюковъ, предназначенныхъ впрочемъ для доставки на берегъ плѣнныхъ гяуровъ.

Капуданъ-башъ увидѣлъ наконецъ какъ бунчукъ султана былъ трижды поднятъ выше шатра и трижды опущенъ, что служило приказаніемъ начать бой. Адмиралъ повторилъ и у себя этотъ сигналъ. Бой начался, Аллахъ акбаръ! продолжало гремѣть по всей Пропонтидѣ. Христіане, умѣривъ бѣгъ своихъ судовъ, выдвинули изъ отверстій въ бортахъ цѣлый лѣсъ длинныхъ копій. Очевидно, они избѣгали рукопашнаго боя и готовились отталкивать непріятельскія суда, экипажи которыхъ еще издали грозили сѣкирами и ятаганами. Выставленныя копья не могли однако служить защитою противъ могучаго нападенія оттомановъ, заранѣе вкушавшихъ прелесть побѣды и цѣнной добычи.

Греческій огонь.

По знаку капуданъ-баша суда его бросились на абордажъ, но генуэзцы тормозили сближеніе и своими копьями и веслами устраняли возможность схватиться бортъ о бортъ. Аллахъ акбаръ! не замолкало. Галера адмирала оттомановъ первая преодолѣла защиту изъ копій и уже готовилась сцѣпиться съ передовою генуэзскою галерою, какъ внезапно метательныя машины послѣдней начали свое разрушительное дѣло. Онѣ перебросили нѣсколько снарядовъ на палубу непріятеля, что измѣнило мгновенно всю картину. Выброшенные кувшины съ жидкимъ огнемъ разбивались безъ затрудненія о палубы, а вслѣдъ за ними вздымались огненные языки. Изъ разбившихся снарядовъ быстро расплывалась огненная жидкость, которая проникала съ верхней палубы въ нижнія, охватывала борты, мачты, весла, людей и не оставляла ни одной пяди безъ кипѣвшей, клокотавшей, брызгавшей во всѣ стороны стихійной, могущественной лавы. Въ нѣсколько минутъ галера представляла огненный костеръ. Изъ опасенія мучительной смерти люди кидались въ воду, но они несли съ собою въ одеждѣ огненную заразу, не гаснувшую въ водѣ и переходившую къ ближнимъ судамъ.

Капуданъ-башъ былъ подхваченъ полумертвымъ и выведенъ изъ круга смерти подоспѣвшими каюками. Да, то былъ кругъ смерти, изъ котораго торопились выступить и сами генуэзцы, какъ изъ пылавшаго ада. Они направились въ Константинополь; здѣсь ихъ ожидали какъ избавителей отъ жестокаго погрома.

Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ вся Пропонтида покрылась сѣтью пылавшихъ костровъ. О спасеніи судовъ никто и не помышлялъ, одно приближеніе къ нимъ представляло не малую опасность. Составъ снарядовъ, плавая по поверхности воды, не только не угасалъ, но расплывался огненною лавою все шире и шире. Лодки, метавшіяся самоотверженно между кострами для поданія помощи утопавшимъ, вспыхивали также подобно факеламъ, увеличивая тѣмъ общую растерянность и картину страшнаго разрушенія. Не слышалось уже больше возгласовъ дервишей; напротивъ, утопавшіе, забывъ въ паническомъ ужасѣ ожидавшія ихъ въ райскихъ садахъ блаженства, вопили о помощи и спасеніи.

Спустившаяся ночь усилила зарево, витавшее теперь надъ всею Пропонтидою. Остовы галеръ продолжали догорать и догорая продолжали блуждать по волнамъ, принявшимъ видъ сплошного огненнаго моря.

О погибнувшихъ тысячахъ людей никто не жалѣлъ, такъ какъ ангелъ Израфилъ переносилъ мгновенно души ихъ въ рай-

скую обитель. Зарево и вѣяніе смерти длилось всю ночь, въ теченіе которой султанъ, его свита и толпы зрителей ни на минуту не смыкали глазъ. Со стѣнъ Константинополя пожарище представлялось еще болѣе фантастическимъ, нежели то было вблизи; тамъ царило смятеніе самыхъ разнородныхъ чувствъ, въ которыхъ преобладало чувство благодарности Господу за явно оказанную Имъ помощь и чувство надежды на конечную гибель насильниковъ. Первое чувство сильно поддерживалось духовенствомъ, вышедшимъ на стѣны съ иконами и хоругвями, при чемъ монахи восклицали то здѣсь, то тамъ—чудо! Что касается надежды на избавленіе отъ надвигавшихся бѣдствій, то надежда эта была сильна только среди людей, переходившихъ поспѣшно отъ восторженной радости къ убійственной горести и обратно.

Не таковы чувства царили въ совѣтѣ Палеолога, собравшемся на другой день во Влахернскомъ дворцѣ. Прежде всего отъ имени императора совѣтъ побывалъ въ порту и принесъ генуэзцамъ глубокую благодарность за оказанную помощь. Затѣмъ предстоялъ вопросъ: поведетъ ли Магометъ свои войска прямо на штурмъ или приступитъ къ длительной осадѣ. Штурмъ былъ бы предпочтенъ осадѣ, но лазутчики принесли вѣсти, что султанъ рѣшилъ, прежде чѣмъ пойти на приступъ, вызвать изъ Азіи добровольцевъ, стекавшихся уже на зовъ дервишей.

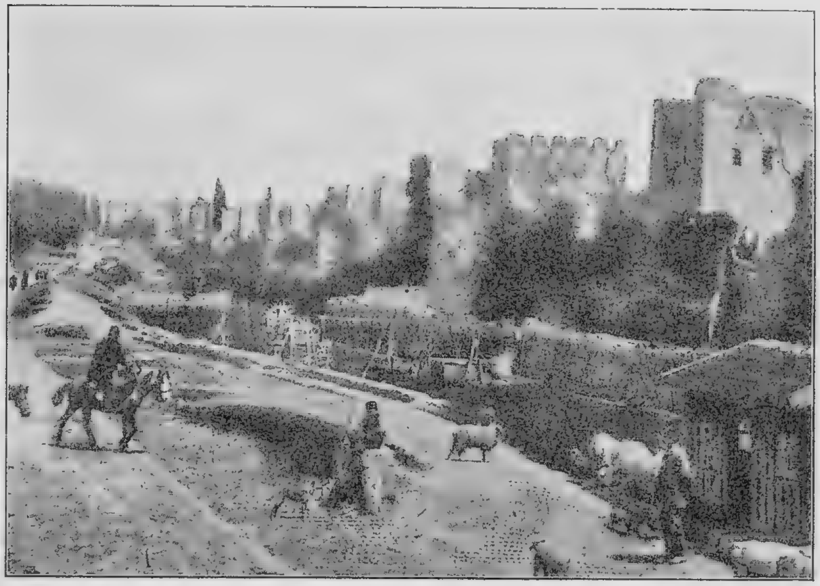
Еще остовы судовъ продолжали блуждать по волѣ вѣтра и отравлять воздухъ своею гарью, какъ султанъ повелѣлъ доставить къ нему адмирала, уклонившагося отъ аудіенціи подъ предлогомъ тяжелой болѣзни. Честность его была давно уже въ подозрѣніи, а теперь евнухъ паппій обвинилъ его въ государственной измѣнѣ, въ подкупѣ генуэзцами, почему батареи Галлиполи и безмолвствовали, пропуская вражескую силу въ Геллеспонтъ.

Истрадавшіеся за это время нервы султана вывели его изъ размѣреннаго душевнаго состоянія. Довѣряя завѣдомымъ врагамъ адмирала, онъ распорядился конфисковать все его имущество и изъ его золота вылить прутъ, достаточно надежный для сотни ударовъ по пяткамъ. Распоряженіе султана было осуществлено безъ промедленія. Евнухъ паппій присутствовалъ лично при экзекуціи, по исполненіи которой золотой прутъ поступилъ въ его собственность.

Послѣ пятидесятаго удара измѣнникъ былъ подведенъ къ шатру султана; здѣсь заочно онъ принесъ благодарность за милостивое дарованіе ему жизни. Наказаніе завершилось разжа-

лованіемъ адмирала въ рядовые, что вызвало еще разъ выраженіе громкой, во всеуслышаніе, благодарности милостивому повелителю.

Отнынѣ жребій былъ брошенъ безповоротно, и уже никакою цѣною и никакими уступками Византія не могла бы устранить навязанную ей губительными силами кровавую развязку.



Константинополь XX в. Руины и стѣны тюремныхъ башенъ (Едикюль).

XIII.

Губительныя силы.

ПРИРОДѢ понадобилось создать на ряду съ творческими силами и губительныя, направленныя противъ ея же произведеній. Губительныя силы властно хозяйничаютъ не только въ областяхъ растительнаго или животнаго царства, но и въ сферахъ, чуждыхъ матеріи и эгоизма. Виды, формы и значенія этихъ силъ безконечны; онѣ разрушаютъ все, къ чему прикасаются—отъ паутины до каменнаго кряжа, отъ атома до планеты и отъ душевной мелочи до высокой святыни. Какой нибудь древоточецъ изъ семейства буравящихъ представляется въ единичномъ видѣ только интересною ничтожностью; напротивъ, семья буравящихъ, сгруппированная въ отведенной имъ природою области, является уже могучею разрушительною силою. Она истребляетъ лѣсныхъ великановъ, увлекаетъ на дно океанскія суда, обращаетъ въ рухлядь верфи и плотины; она грозила такой странѣ какъ Голландія обратить ее въ морское дно. Ея мощность объясняется быстрымъ размноженіемъ потомства, болѣе обильнымъ, нежели то доступно творческимъ силамъ. Самка буравящаго древоточца производитъ за разъ до тысячи себѣ подобныхъ.

Византія испытала въ духовной сторонѣ своей жизни громадное значеніе этихъ буравящихъ силъ, подточившихъ въ концѣ концовъ и матеріальную сторону ея существованія. Въ этой семьѣ оказались: расовыя особенности населенія, религіозное фарисейство, невольничество, евнушество, обогащеніе одного класса на счетъ слабѣйшихъ и обездоленныхъ, а затѣмъ безконечный рядъ послѣдствій отъ первопричинъ: духъ

наживы, верхоглядство, партійность, безпрерывныя войны и въ концѣ концовъ полная утрата патріотизма и сознанія необходимаго государственнаго самосохраненія.

Эще въ эпоху своего нарожденія Константинополь воспринялъ элементы подтачивающей силы; они отразились потомъ на судьбѣ всей Византіи. По призыву Константина Великаго его молодая столица наполнилась греческимъ населеніемъ, но рядомъ съ нимъ хлынули сюда представители чуть ли не всѣхъ народностей Европы. Политическая сплоченность оказалась недостижимою; мало того, грекъ Византіи отдалился отъ грека Эллады. Первый слишкомъ залюбовался полученнымъ отъ римлянъ наслѣдіемъ, а второй, имѣя въ прошедшемъ за собою истинныхъ великановъ слова и дѣла, смотрѣлъ на сосѣда, какъ на отщепенца отъ родной семьи. Эллада не позволяла византійцу даже права упоминать о Гомерѣ и Демосѳенѣ, объ Аристотелѣ или Платонѣ, какъ о своихъ великихъ прапредкахъ. Вообще Византія выросла на рубежѣ античной и средневѣковой эпохъ и въ разгарѣ борьбы догматиковъ и философовъ. Кромѣ того она столкнулась съ варварами и насильниками. Эта безпрерывная борьба внѣшняго и внутренняго міровъ поставила византійца какъ бы въ необходимость набрасываться на слабѣйшихъ и отступать передъ сильнѣйшими. На развитіи и укрѣпленіи своей духовной жизни Византіецъ не располагалъ ни силами, ни средствами; тѣ и другія были ему необходимы для ипподрома, для площади и вообще для сборищъ показнаго характера. Къ тому же обособленныя расовыя группы населенія ставили себѣ и различныя цѣли и тѣмъ подкапывались подъ самый фундаментъ государственной жизни. Благодаря такой разновидности населенія самый словарь Византіи обѣднѣлъ въ красотѣ и формахъ благозвучнаго языка Эллады. Потребовалось даже изданіе словаря съ истолкованіемъ множества словъ, заимствованныхъ изъ языковъ латино-итальянскаго, французскаго, славянскаго и въ меньшей степени арабскаго и турецкаго. Варвары не могли обогатить лексиконъ византійцовъ. Разумѣется нельзя было и требовать, чтобы низшіе классы говорили на языкѣ Аристофана или Эврипида, но высшіе классы не прилагали ни малѣйшаго старанія къ установленію единства рѣчи.

Казалось бы, школѣ, литературѣ и библіотекамъ слѣдовало принять на себя попеченіе о чистотѣ національнаго слова; но, отойдя отъ народа, попечители отдались міросозерцанію исключительно на почвѣ догматики. Въ Константинополѣ славилась

богатая библіотека при церкви Св. Софіи съ отдѣленіями въ дворцовыхъ хранилищахъ. Главною библіотекою завѣдывала коллегія изъ духовныхъ лицъ. Литературу общаго характера представляли въ ней такіе коллосы какъ Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, при чемъ библіотекари охотно принимали на свои полки и аттическихъ комиковъ и политическія рѣчи Демосѳена или діалоги Платона. Но все же фундаментомъ библіотеки была Библія и громадное число догматическихъ трактатовъ. Правда, наслѣдство эллинизма было пополнено кодификаціей римскаго права, монографіями по церковному праву, множествомъ коментарій и подражаній угасшему классицизму. Благодаря такому притоку духовныхъ матеріаловъ, Византія какъ бы пробуждалась къ новой жизни, но губительныя силы уже продѣлывали въ самихъ ея основахъ обширную сѣть государственныхъ древоточинъ. Византія не произвела уже ни одного классика, за исключеніемъ церковной области, и не одного великаго философа; мало того, она сумѣла превратить и философовъ въ богослововъ.

Значеніе византійской школы мѣнялось неоднократно. Въ первое время, по закрытіи александрійской и аѳинской академій, образованность Эллады перешла въ Византію, но эта образованность сосредоточилась въ монастыряхъ, гдѣ и была прикрыта тяжелою плитою догматики. Одно время центромъ умственнаго движенія служила императорская въ Константинополѣ коллегія. Въ періодъ внутреннихъ раздоровъ и иконоборства она была уничтожена.

Въ эпоху наибольшаго умственнаго подъема Византія явила двухъ братьевъ Амартола — исторіографовъ, не довольствовавшихся сухими перечнями фактовъ, но и захватывавшихъ современное имъ движеніе философской мысли и идеи. Труды братьевъ историковъ перешли въ качествѣ серьезныхъ источниковъ въ славянскій міръ, обогатившійся посредствомъ ихъ свѣдѣніями не только по исторіи, но и по этнографіи и метафизикѣ. Насколько наука въ Византіи стояла высоко въ эту пору, можно судить по тому, что латины считались уже варварами, не достойными ни похвалы, ни осужденія. Въ эпоху Палеологовъ литература перешла на почву догматическую и растворилась въ борьбѣ не столько мыслителей, сколько казуистовъ, интересовавшихся по преимуществу соборными запросами. Въ эпоху разростанія могущества оттомановъ и захвата ими византійскихъ провинцій явился также крупной величины историкъ, ярко освѣтившій силу и могущество надвинувшагося на

христіанство мусульманства, но увы! этотъ историкъ былъ уже не ромеецъ, а истый грекъ Леонидъ Халкокондила. Присутствовавшій при послѣднемъ вздохѣ Византіи, личный другъ императора, Францъ былъ также иноземецъ и вообще въ эпоху страдальчества и крушенія Византіи не видно уже ни одного ромейца.

Наиболѣе широкую область литература захватила въ описаніи житія святыхъ чему способствовало иконоборческое движеніе. Въ появившейся страстной полемикѣ чудеса заняли первенствующее положеніе. Во главѣ этого рода исторіографовъ стоялъ Дмитрій Солунскій. По иконоборческой эпохѣ знамениты Ѳеодоръ Студитъ и нѣсколько патріарховъ. За прекращеніемъ иконоборческаго движенія этотъ родъ исторіографіи изсякъ.

Къ области ораторскаго искусства принадлежали похвальныя слова и рѣчи, не исключая и надгробныхъ. Наиболѣе видными витіями въ этого рода произведеніяхъ числились братья Акоминаты, Еп. Солунскій, Д. Кидони и патріархи.

Минуя эпистолярную литературу, а также богословскую и философскую, нельзя не остановиться на поэтическомъ творчествѣ, выразившемся съ особою силою въ области церковныхъ гимновъ. Этотъ разрядъ творчества особенно важенъ для русскаго народа, почерпнувшаго значительную долю красоты въ содержаніи и образахъ, начертанныхъ византизмомъ. Но и здѣсь ромейца не видно. Отецъ восточной церкви Іоаннъ Дамаскинъ жилъ въ VII в., а его поэтическое пѣснопѣніе на погребеніе умершихъ сохранилось въ православной церкви и по настоящее время.

При близкихъ отношеніяхъ Россіи къ Византіи нельзя не коснуться и области права, занесеннаго греческимъ духовенствомъ въ Россію съ принятіемъ ею христіанства. Номоканоны вошли въ Кормчую книгу. Но и въ этой области, какъ и въ другихъ отрасляхъ жизнедѣятельности, нельзя найти ромейца. Бѣдность образовательной части доходила по временамъ до того, что даже императоры скорбѣли о невозможности пополнить свое образованіе, обрывавшееся на коментаріяхъ великихъ произведеній до христіанской эры. Впрочемъ и при этомъ угнетенномъ положеніи академическаго строя находились женщины, стремившіяся къ подъему умственнаго уровня. Императрица Евгенія и принцесса Анна Комненъ занимались изученіемъ риторики и философіи.

Вообще умственная жизнь, поглощенная полуневѣжественными фанатиками, придала византизму безжизненность и односторонность. Безспорно одно лишь то, что церковь уцѣлѣла, благодаря Византіи, и это ея колоссальная заслуга. Отдавая

должное охраненію церкви, все же нельзя не признать, что государственные буравящіе древоточцы внесли и сюда разрушительную работу. Они развили духъ нетерпимости, самовеличанія, декоративности и суевѣрія, доходившаго до совершенной утраты человѣческаго достоинства.

Въ личныхъ видахъ и въ цѣляхъ болѣе легкаго способа повелѣвать строптивыми, византійское монашество изобразило адъ и наказанія грѣшниковъ въ такомъ видѣ, какой не доступенъ представленію нормальнаго человѣка. Не довольствуясь этими картинами ужаса, монашество изобрѣло анаѳемы, отлученія отъ церкви и, что главное, серію чудесъ, передъ которыми масса ликовала отъ душевнаго упоенія. Суевѣріе сослужило Византіи службу яростнаго древоточца. Особенно вѣра въ чудеса и ихъ помощь преслѣдовали византійца до послѣдняго вздоха. Турки стучались уже въ ворота Св. Романа, а защитники стѣнъ ожидали чуда и требовали его какъ нѣчто въ порядкѣ вещей, какъ награду за добродѣтель...

Стремленіе къ чудесному овладѣвало порою византійцемъ до того, что онъ забывалъ мірскіе интересы и слѣдовалъ поученіямъ настоящихъ и поддѣльныхъ аскетовъ. Болѣзненная фантазія послѣднихъ отыскала въ человѣкѣ путь созерцанія—черезъ пупокъ—мистическаго небеснаго свѣта. Требовалось только отрѣшеніе отъ всего земнаго, какъ чудеса начинали появляться цѣлыми серіями.

Аскетизмъ породилъ сильное развитіе евнушества, оказавшагося опаснѣйшимъ изъ государственныхъ древоточцевъ. Евнушество перешло въ Византію изъ Египта, гдѣ оно составляло почетную стражу Клеопатры. Протиснувшись къ трону и пользуясь слабостью василевсовъ, евнухи заняли мало-по-малу всѣ должности, на которыхъ возможно было открыть торговлю почестями, правосудіемъ и деспотическою властью. Между рабомъ-евнухомъ и камергеромъ императора не было промежутка. Наживая огромныя состоянія, евнухи вознаграждали свое уродство умноженіемъ богатства и кичливымъ покровительствомъ пресмыкавшимся передъ ними сановникамъ всѣхъ степеней. Провинціи стонали подъ давленіемъ ихъ власти и жадности. Ни одинъ государственный древоточецъ не принесъ Византіи столько вреда, сколько доставили ей евнухи.

Евнушество, крѣпостничество, рабство и невольничій рынокъ—звенья одной цѣпи. Крѣпостничество служило фундаментомъ и залогомъ образованія крупной земельной собственности. Крѣпостные рабы перечислялись въ инвентаряхъ вмѣстѣ со ско-

томъ. Евнухи путемъ ростовщичества, монастыри путемъ завѣщательныхъ дареній, а служилое сословіе путемъ силы отчуждали цѣлыя общины въ свою пользу. Они поглотили и участки, предоставленные въ провинціяхъ войскамъ въ видѣ солдатскихъ леновъ. Вольные земледѣльцы сохранили за собою только одинъ пріятный титулъ, а въ сущности они были колонистами на господской землѣ. Изъ этого порядка образовался такой контингентъ пролетаріата, что ни латиняне, ни потомъ оттоманы не казались уже насильниками. Напротивъ, тѣ и другіе являлись освободителями отъ отечественныхъ сборщиковъ. Вынужденное бѣгство сельскаго пролетаріата на болѣе льготныя мѣста приводило цѣлыя провинціи, особенно на островахъ Эгейскаго моря, къ полному опустошенію.

Не велико разстояніе отъ крѣпостничества до прямого рабства. Рабство развилось въ Византіи съ особою силою, когда обстоятельства вынудили у ней согласіе на предоставленіе торговыхъ факторій генуэзцамъ и венеціанцамъ. Генуя, которой принадлежала пальма первенства въ погонѣ за унціями золота, выбрасывала на рынки десятки тысячъ рабовъ, захваченныхъ въ сѣверной Африкѣ или Татаріи. Рабовъ и рабынь дарили другъ другу не одни вельможи Византіи, но и императоры и императрицы; послѣднія впрочемъ отпускали ихъ и на волю, но уже за спасеніе своихъ душъ и ради прощенія нажитыхъ грѣховъ.

Генуя и Венеція явились также мощными древоточцами византійскаго организма. Венеція еще въ XI в. выхлопотала себѣ монопольное и безпошлинное право торговли въ Эгейскомъ морѣ. Расширяя это право, республика Св. Марка выторговала себѣ за помощь, оказанную противъ норманновъ, и цѣлый рядъ другихъ уступокъ, а что важнѣе всего—право на колоніи въ самомъ Константинополѣ. По слѣдамъ Венеціи пошла и Генуя, которая и опередила свою соперницу. Оба эти паразита выкачали изъ имперіи массу золота и не только пробуравили въ ней опасные каналы, но и окончательно растлили и безъ того поколебленные нравы.

Имѣя возможность удовлетворять свои потребности при посредствѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ коммисіонеровъ привозными издѣліями, Византія продолжала свои богословскіе диспуты и революціи, не озабочиваясь техникою своей промышленности. Вся льняная и шелковая промышленность продолжала оставаться достояніемъ Ѳивъ. Мастерскія Ѳивъ поставляли въ Константинополь даже императорскія одежды и настолько роскошныя, что сельджукскій султанъ, заключая въ 1195 г. миръ

съ Алексѣемъ III, выговорилъ себѣ сорокъ хитоновъ, дивитисіевъ, скаромантовъ и прочихъ частей парадныхъ одеждъ.

Быстро развившіяся губительныя силы внѣдрились и въ составъ военныхъ силъ, постепенно утрачивавшихъ самыя понятія о дисциплинѣ. Войска Византіи состояли изъ двухъ элементовъ: привиллегированнаго, окружавшаго тронъ изъ евнуховъ и наемниковъ, и національнаго, завидовавшаго братьямъ по оружію. Наемныя войска, набранныя изъ европейскихъ отбросовъ, выторговали себѣ исправное полученіе жалованья и различныя привилегіи. Переходъ цѣлыхъ отрядовъ съ одной стороны на другую не считался измѣною, то была только перемѣна хозяевъ—плательщиковъ за трудъ и услуги.

Въ военной техникѣ Византія поставила себѣ въ заслугу изобрѣтеніе жидкаго огня, хотя секретъ его приготовленія принадлежалъ сирійцу, перешедшему отъ калифа на службу къ императору. То была смѣсь изъ горнаго масла съ сѣрою и обыкновенною смолою. Византіецъ и здѣсь не обошелся безъ чуда, распустивъ слухъ, что секретъ изобрѣтенія былъ открытъ императору посланнымъ къ нему съ неба ангеломъ. Съ своей стороны византійцы прибавили только звѣрообразныя трубы и вообще снаряды устрашающаго вида для выбрасыванія огненныхъ снарядовъ. На этомъ изобрѣтеніи и остановилась военная техника и не пошла далѣе меча, боевой сѣкиры и копья. Стрѣльба изъ луковъ не выдерживала соперничества съ стрѣлами скиѳскихъ и арабскихъ арбалетовъ. Хотя ученіе въ стрѣльбѣ было обязательно до сорокалѣтняго возраста, тѣмъ не менѣе императоры очень жаловались на упадокъ военнаго искусства. Прикрытіемъ служили шлемы, латы и щиты, но тяжесть ихъ была такова, что войска предпочитали складывать ихъ на повозки, которыя и слѣдовали за легіонами. Въ концѣ концовъ историкъ того времени жаловался, что все достоинство войскъ выражалось въ красивыхъ, цвѣтныхъ одеждахъ, достаточно просторныхъ для бѣгства при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Съ теченіемъ времени византійскій солдатъ вовсе исчезъ, мѣсто его занялъ болтливый политиканъ.

О флотѣ Византія вспомнила, когда у нея не оказалось дромонъ, чтобы воспрепятствовать каюкамъ, перевозившимъ оттомановъ съ азіатскаго берега на европейскій. Тѣ-же дромоны, что были на лицо, предпочли не удаляться отъ Золотого Рога, гдѣ не было, какъ извѣстно, злобныхъ морскихъ чудовищъ, угрожавшихъ мореплавателямъ, какъ у береговъ Мореи и вообще въ открытыхъ моряхъ. Моря плескались у самыхъ воротъ Кон-

стантинополя, но его политиканы находили болѣе выгоднымъ нанимать, въ случаѣ необходимости, суда каталонскія, генуэзскія и венеціанскія и не тратиться на собственную дорого стоившую флотилію. Благодаря этому торговому расчету пираты Генуи и Венеціи считали Эгейское море своею собственностью.

Никто разумѣется не опредѣлитъ, когда совершилось превращеніе угрюмаго римлянина въ болтливаго византійца. Несомнѣнно только, что превращенію этому всецѣло способствовали губительныя силы, подточившія въ корнѣ идеи высшаго порядка. Замѣна послѣднихъ политиканствомъ и словоизверженіемъ была очень прибыльна ораторамъ, являвшимся передъ властелиномъ, публикою и ипподромомъ.

Зодчій совмѣстилъ въ ипподромѣ ристалище съ форумомъ для ораторовъ. Планъ былъ скопированъ съ большаго аѳинскаго ипподрома, но разумѣется безъ алтарей Зевсу и Посейдону-Гиппіи. Изъ аксессуаровъ были вообще удержаны только бронзовыя изваянія орловъ и дельфина, посредствомъ которыхъ распорядители давали знаки къ началу бѣговъ или къ открытію каѳедръ для словопреній. Ипподромъ посѣщало исключительно мужское населеніе столицы. Обыкновеннымъ гражданамъ предоставлялась ложа, расположенная по длинѣ зданія. Ложа императора занимала выдающееся положеніе. Иногда онъ лично подавалъ распорядительные знаки посредствомъ куска бѣлаго полотна, какъ это изображается на монетахъ того времени. При состязаніяхъ ораторовъ, выходившихъ нерѣдко въ пылу страстныхъ дебатовъ за предѣлы корректности, императоръ не присутствовалъ. Партіи синихъ и зеленыхъ отличались высокомѣріемъ и кичливостью, что отчасти объяснялось родовитостью и богатствомъ ихъ членовъ. Сюда вступали обломки угасшихъ династій и узурпаторовъ, наиболѣе ревниво отстаивавшіе свои права на престолъ василевсовъ. Особенно многочисленна была фаланга потомковъ соправителей василевсовъ, признававшихъ за своими родоначальниками право не временнаго, а потомственнаго царствованія.

Партія зеленыхъ гордилась своею приближенностью къ дворцамъ и императору. Она перешла изъ Рима, гдѣ, будучи признана за совершенныя ею насилія вредною, была закрыта Ѳеодорихомъ. Въ Константинополѣ она возродилась при Юстиніанѣ. Партія синихъ считалась въ опозиціи. Обѣ онѣ прибѣгали нерѣдко къ вооруженной борьбѣ. Независимые ораторы указывали на ихъ губительный образъ дѣйствій, а наиболѣе мужественные витіи рѣшались называть ихъ государственными болтунами. Такіе витіи появлялись рѣдко, но то уже были

желѣзные характеры, подобные характеру Ласкариса, не поддававшіеся ни лести, ни подкупамъ.

Дни ристалищъ были общими для всѣхъ партій, а дни многорѣчивости распредѣлялись между партіями въ соотвѣтствіи съ ихъ численнымъ составомъ. Со стороны независимыхъ выступалъ въ послѣднее время потомокъ патріота Ласкариса, что вызывало остроты и насмѣшки среди синихъ и зеленыхъ. Обѣ партіи согласились относиться къ нему пренебрежительно и называть его Ласкаріотомъ, тѣмъ не менѣе его боялись и нерѣдко стушевывались предъ его язвительными рѣчами. Въ безкорыстіи его никто не сомнѣвался.

Былъ день выступленія Ласкаріота, взывавшаго обычно къ патріотизму, о которомъ византійцы утратили въ послѣднее время всякое понятіе. Достаточно было столицѣ услышать, что Ласкаріотъ выступитъ съ громовою рѣчью, чтобы всѣ ложи и трибуны ипподрома наполнились знатными и простыми ромейцами, одинаково предчувствовавшими приближеніе трагическаго момента государственной жизни. Этотъ именно моментъ и избралъ Ласкаріотъ для своей рѣчи. Императора не было въ ипподромѣ. Послѣ поднятія бронзоваго орла взошедшій на каѳедру ораторъ накинулся безъ промедленія на всѣхъ своихъ согражданъ.

— «Ромеи и ты, василевсъ!» Ораторъ обратился къ ложѣ, въ которой императора не было.—«Я присланъ сюда тѣнью великаго Ласкариса, который избралъ меня своею іерихонскою трубою для переговоровъ съ вашимъ умомъ и сердцемъ»...

Однако этого вступленія было достаточно, чтобы всѣ партіи ипподрома заволновались и собрались въ группы для совѣщанія.

— «Ромеи!» продолжалъ Ласкаріотъ, «я вижу, что ваши карманы полны фигами и оливками и даже хвостами и головками скумбріи и кефали, чтобы забросать меня и прервать мою рѣчь. Но напрасны ваши старанія, я покажу вамъ ту веревку, на которой оттоманы увлекутъ васъ на невольничій рынокъ. Моихъ сторонниковъ здѣсь немного, однако ножи ихъ не тупѣе тѣхъ кинжаловъ, которыми вы вооружили наемныхъ убійцъ! Прежде-же, чѣмъ осыпать меня гнилыми фигами, вы взгляните на эти десятки тысячъ согражданъ, которые явились сюда, чтобы узнать, какія вы предложите средства защиты передъ натискомъ оттомановъ на ворота Св. Романа. Приглашенная вами толпа убійцъ ожидаетъ вашего сигнала, чтобы подобраться къ этой каѳедрѣ. Но прежде, чѣмъ вы убьете меня, осмотритесь, не висятъ ли уже на вашихъ шеяхъ цѣпи подлаго рабства? Не предчувствуете-ли вы, что оттоманы, распоряжаю-

Политическія распри.

щіеся Балканскимъ полуостровомъ какъ своею вотчиною, постучатся не сегодня—завтра у вашихъ воротъ? Взгляните, они влекутъ уже вашихъ женъ и дочерей—дѣвственницъ въ свои омерзительные гаремы и на рынки работорговцевъ. Какъ же предотвратить это бѣдствіе? Вы разсчитываете на чудо? Прекрасно. Но пусть наше духовенство занимается чудесами и молитвами, а мы—люди земли—смѣемъ ли выставлять противъ острыхъ клинковъ янычаръ однѣ лишь ладонки съ незримыми мольбами къ начальнику небеснаго воинства, къ патрону нашему Михаилу Архангелу? Неужели наши руки ослабѣли до того въ торгашествѣ, что уже не могутъ держать копье, лукъ и сѣкиру? Неужели мы, отринувши патріотизмъ, какъ невыгодную сдѣлку съ совѣстью, сами отворимъ ворота Св. Романа, сами протянемъ руки въ петли и будемъ толкать своихъ дѣтей въ турецкіе застѣнки? Спрашиваю васъ, не наши ли предки истребили варваровъ въ Марафонской битвѣ? Не отравимъ ли мы ихъ загробную жизнь, представивъ картину, какъ мы будемъ пресмыкаться передъ безпощадною ногайкою оттомана? Ромейцы! Преувеличиваю ли я степень будущаго позора? Нѣтъ, я щажу не совсѣмъ погасшій въ васъ духъ свободы. Защитимъ же его всѣми способами, остающимися въ нашей власти. Западъ предлагаетъ намъ отряды своихъ воиновъ, которыхъ однако мы должны кормить, снабжать оружіемъ и содержать такъ, чтобы они не имѣли ни въ чемъ нужды. Гдѣ же для этого средства? Государственная касса пуста, турки отняли у нея всѣхъ плательщиковъ. Императоръ отдалъ уже на содержаніе войскъ всѣ драгоцѣнности, можетъ быть и монастыри дадутъ что нибудь, но вы-то, вы богачи, о чемъ вы думаете? Почему медлите? О стыдъ и срамъ! Вы перенесли свои сокровища въ Галату и передали ихъ генуэзцамъ и венеціанцамъ для отправки въ дальнія земли. Синіе, зачѣмъ вы отходите въ дальніе ряды? Зеленые, можетъ быть, вы не знаете, какъ поступить? Вамъ помогутъ приставники, они обойдутъ сейчасъ всѣ ряды съ предложеніемъ наполнить кассу общественнаго спасенія. Не скупитесь, ваша жизнь на волоскѣ»!

Пристава ипподрома быстро разсѣялись между рядами присутствовавшихъ, но изъ послѣднихъ многіе еще быстрѣе вышли изъ ипподрома, какъ будто предложеніе Ласкаріота ихъ не касалось. Синіе и зеленые, имѣвшіе здѣсь же въ боковыхъ предѣлахъ свои конюшни, пошли взглянуть на своихъ коней, а духовныя особы поторопились въ монастыри и часовни. Сборъ занялъ не много времени. Къ перечету были приглашены

и депутаты отъ всѣхъ партій, которымъ пришлось обнаружить постыдное дѣло....

Изъ сотни ящиковъ не получилось и сотни византинъ, да и солидовъ набралось всего нѣсколько горстей. Нашлись и такіе спасители отечества, которые не постыдились бросать въ сборные ящики—оливки, фиги, рыбьи хвосты. Скудость приношенія на дѣло спасенія страны вызвала среди независимыхъ взрывъ негодованія. Ораторъ не могъ помириться съ этимъ равнодушіемъ къ отчизнѣ. Голосъ его гремѣлъ теперь отъ края до края длиннаго ипподрома.

—«Ромеи! Подойдите и взгляните, сколько вы пожертвовали на охрану отечества отъ цѣпей наступающихъ на міръ христіанства безжалостныхъ оттомановъ. Вы увидите колекцію монетъ, утратившихъ свою цѣнность. Вы увидите и каратіи и гексаграммы и даже нумію прошлаго тысячелѣтія. Что касается византинъ и солидовъ, то ихъ такъ мало, что недостанетъ на надгробный монументъ по умирающей Византіи. Спрашиваю васъ, ромеи, неужели вмѣстѣ съ своими богатствами вы перенесли въ Галату для вывоза за границу и свою совѣсть? Спрашиваю тебя, Анастасій,—ты банкиръ—не ты ли опустилъ въ сборный ящикъ гнилую фигу? Спрашиваю тебя, Герменопулъ, пожертвовалъ ли ты хотя бы стоимость одной рабыни, которую ты купилъ у пирата и продалъ въ Каффѣ? А ты, именующій себя потомкомъ дука, содержащій веселый домъ въ Галатѣ»...

Ласкаріота прервали. Ни зеленые, ни синіе не могли больше терпѣть его укоризны. На каѳедру полетѣла туча оливокъ, но онъ не унывалъ и продолжалъ свое громовое обличеніе.

—«Можетъ быть вы не знаете еще, какую вѣсть объявилъ сегодня маякъ Фаросъ? Такъ знайте же, іуды и измѣнники, что турки оканчиваютъ сегодня постройку крѣпости и таможни при входѣ изъ Эгейскаго моря въ Пропонтиду. Понимаете ли вы, чѣмъ отзовется этотъ шагъ насильниковъ на нашемъ царскомъ градѣ? Вы, отцы церкви, пожертвовавшіе сечайсъ пару солидовъ на войско, бѣгите въ Софію и соберите, спрячьте ея священную утварь. Ты, Анастасій, подготовь своего сына въ любимцы гарема. Герменопулъ, успѣешь ли ты собрать своихъ красавицъ изъ веселаго дома Галаты? Впрочемъ можетъ быть объ этомъ уже позаботилась твоя супруга, въ которой мы привыкли видѣть образъ строгой матроны»...

Ни зеленые, ни синіе не могли уже болѣе выносить обличительную рѣчь Ласкаріота. Далѣе онъ не стѣснился бы раскрыть многія тайны: и продажу дочерей въ Адріанополь, и ца-

рившее взяточничество, и исчезновеніе правосудія, и поддержку пиратовъ въ Эгейскомъ морѣ. Съ арены и изъ трибунъ послышались угрозы по его адресу. Въ воздухѣ замелькали палки, кулаки, а кое-гдѣ и ножи. Независимые окружили своего вождя плотною стѣною и не замедлили отвѣтить противникамъ не менѣе серьезными угрозами. Обѣ стѣны сближались; нужно было ожидать кровопролитія; оставалось еще нѣсколько шаговъ и ножи начали бы свое страшное дѣло. Въ это время въ воротахъ ипподрома показались толпы поддонковъ, достаточно вооруженныхъ для разбойничьихъ цѣлей; толпа эта направилась къ каѳедрѣ.

Въ ложѣ императора находился все время другъ его Францъ, командовавшій дворцовою стражею. При появленіи толпы наемныхъ убійцъ онъ подалъ условный знакъ и на сцену выступилъ сильный отрядъ варяговъ. Передъ ихъ внушительными сѣкирами на длинныхъ рукояткахъ наемнымъ бандитамъ было выгоднѣе бѣжать и не оглядываться.

Ипподромъ опустѣлъ. Даже поднятый на воздухъ дельфинъ, призывавшій къ открытію рысистаго бѣга, не остановилъ сильно потрясенную и растерявшуюся толпу.

Галата давно уже била тревогу по поводу обнаружившихся намѣреній оттомановъ блокировать послѣдній оплотъ Византіи. При безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Эгейскимъ моремъ генуэзская факторія получала свѣдѣнія о движеніи турокъ болѣе своевременно, нежели то было доступно казенному Фаросу. Съ вершины генуэзской колоссальной башни, руины которой сохраняются до послѣдняго времени, также легко было наблюдать и за движеніемъ необозримыхъ скопищъ волонтеровъ, раскинувшихъ свои шатры на азіатскомъ берегу Босфора.

Факторія не скрывала болѣе, какъ опасно надѣяться на однѣ лишь стѣны Константинополя и на чудесную помощь невидимыхъ силъ. Не надѣялась факторія также и на то, что оттоманы уважатъ ея иноземное положеніе. Поэтому агенты, факторіи, набранные изъ остепенившихся пиратовъ, обошли на своихъ легкихъ ладьяхъ все побережье Эвксинскаго понта съ приказаніемъ второстепеннымъ факторіямъ ликвидировать безъ промедленія торговыя дѣла. Онѣ должны были, распродавъ невольницъ за всякую предложенную цѣну, направить только цѣнные товары къ Босфору. Всѣ же зданія, хотя бы окруженныя какъ въ Каффѣ, крѣпостными стѣнами, бросить на произволъ судьбы.

Теперь по всему Золотому Рогу шла спѣшная нагрузка товаровъ и коробовъ на галеры, подъ охраною которыхъ генуэзцы разсчитывали пробраться сквозь сплошную ленту турецкихъ

каюковъ. Подъ видомъ товаровъ западнаго происхожденія было погружено громадное количество дорогаго скарба, доставленнаго изъ Перы. Ораторъ ипподрома былъ правъ, укоряя своихъ соотечественниковъ, что въ кассѣ спасенія они нашли у себя только горсти оливокъ и фигъ, а мѣшки съ византинами припрятали для отправки въ безопасныя мѣста.

Вѣчно суетливая Галата не только успокоилась въ послѣдніе дни, но и совершенно притихла, точно никто не стучался болѣе въ двери ея торговыхъ конторъ. Эта подозрительная тишина разрѣшилась тѣмъ, что въ одно раннее утро выдвинулась изъ Золотого Рога вся флотилія генуэзцевъ, которая и направилась по направленію къ Геллеспонту. Всѣ борты ея галеръ были унизаны арбалетчиками и метальщиками огня.

Провожая взорами флотилію съ высоты дворцовой башни, Францъ замѣтилъ своему царственному другу, что подъ палубами галеръ пріютились и многіе члены первыхъ фамилій столицы. Немудрено, что генуэзцы, какъ паразиты, покидали тѣло, изъ котораго цѣлыя столѣтія высасывали жизненные соки, но какъ могли послѣдовать за ними и предводители партій ипподрома и такіе нобили какъ Серафопуло, Маврокордато или Циктонисъ-Христо?!

Но что могъ отвѣтить на этотъ вопросъ жестоко опечаленный императоръ?

Константинополь XX в. Мечеть Ортакіой.

XIV.

Отреченіе императрицы.

ВСКОРѢ послѣ коронаціи Константина XI сенатъ и войско потребовали—не безъ тайнаго настоянія Благочестивой—чтобы императоръ избралъ себѣ жену и тѣмъ предотвратилъ бы новыя династическія замѣшательства, вліявшія уже такъ гибельно на участь страны. Во дворцѣ нашлись и списки невѣстъ, которыя могли занять мѣсто подъ короною Византіи. Впереди всѣхъ стояло имя дочери венеціанскаго дожа, но сенатъ отказался рекомендовать ее жениху, превосходившему своимъ величіемъ положеніе народнаго избранника. Партіи ипподрома указывали на жену покойнаго Амурата, родомъ христіанку, чѣмъ предполагалось остановить дальнѣйшее движеніе насильниковъ, поставившихъ Константинополь завѣтною цѣлью своихъ вожделѣній. Переговоры были недолги; христіанкѣ, уже довольно пожилой, необходимо было отмолить грѣхъ сожительства съ мусульманиномъ. Она поступила въ монастырь. Тогда мать императора предложила свой списокъ невѣстъ, въ числѣ которыхъ были грузинская и трапезундская принцессы. Родители грузинской принцессы изъ за чести породниться съ византійскимъ домомъ, не только отказывались отъ обычнаго въ ту пору выкупа, но и предложили въ приданое пятьдесятъ шесть тысячъ и ежегодную пенсію въ пять тысячъ дукатовъ.

Роль посредника выпала на долю Франца, которому Ирина придала блестящій на свои средства кортежъ. Посла сопровож-

дали сановники, врачи, хоры пѣвчихъ и тѣлохранители. Но прежде, чѣмъ корабли съ посольствомъ направились въ Эвксинскій понтъ, Францъ выслушалъ секретную инструкцію самого императора. Можетъ быть Францъ неправильно понялъ желаніе своего царственнаго друга, но все же онъ затянулъ переговоры до безконечности и не получилъ изъ Византіи ни одного нагоняя, ни одного настоянія ускорить заочное обрученіе. Трапезундъ былъ несомнѣнно богатъ красавицами изъ дома Кантакузеновъ. Впослѣдствіи Францъ оправдывался въ своихъ запискахъ, что женихъ не стремился сочетаться бракомъ ни съ одной изъ предложенныхъ ему невѣстъ; ни Грузія, ни Трапезундъ не входили въ его династическія соображенія.....

Въ планахъ благочестивой Ирины всегда стояла на первомъ мѣстѣ мечта объ устройствѣ общины изъ благородныхъ дѣвицъ, которыя пожелали бы посвятить свою жизнь служенію Влахернской Божіей Матери. Такая обитель напрашивалась на названіе обители дѣвственницъ, какъ то бывало при царицахъ Ѳеодорѣ, Еленѣ и другихъ, но учредительница предпочла придать ей титулъ «Обители бѣлыхъ сестеръ», предоставивъ народной массѣ сохранять наименованіе обители дѣвственницъ. Бѣлый цвѣтъ во всемъ былъ единственнымъ цвѣтомъ общины. Достойно вниманія, что православная церковь нашла въ сонмѣ этихъ бѣлыхъ ангеловъ поддержку, какую не встрѣчала ни въ сильномъ и богатомъ ипподромѣ, ни въ легіонахъ, ни въ сенатѣ. Поддержку эту православіе должно помнить во вѣки вѣковъ.

Москва разрѣшила своему митрополиту Исидору побывать на западѣ, во Флоренціи, присмотрѣться тамъ къ латинскимъ духовнымъ порядкамъ и, возвратившись въ отечество, доложить князю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Исидоръ превзошелъ данныя ему полномочія и настолько присмотрѣлся къ западнымъ порядкамъ, что папа разрѣшилъ ему служить мессы, какъ бы онъ служилъ въ званіи кардинала. Молва объ его ренегатствѣ достигла Москвы ранѣе, нежели онъ появился у кремлевскихъ святынь. За измѣну православію его судили особымъ соборомъ, сняли съ него священство и заключили въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ бѣжалъ къ латинянамъ. Въ награду за его ревность къ католицизму ему были поднесены во Флоренціи красная мантія, красная шапка, кольцо и зонтикъ—символы пожертвованія и послѣдней каплею крови на пользу св. католической церкви.

Императоръ принялъ имперію въ такомъ разстроенномъ состояніи, что радъ былъ всякой, хотя бы и миѳической, помощи—

Религiозная рознь.

деньгами, войскомъ, оружіемъ. Теперь кардиналъ Исидоръ явился делегатомъ папы съ предложеніемъ помощи за уступки въ обрядахъ вѣры. Придавая высокую цѣну этому обѣщанію, онъ разрѣшилъ Исидору отслужить въ Св. Софіи литургію, чтобы показать народу, какъ не велика разница съ догматической стороны двухъ церквей и какія формы латинской службы могутъ быть приняты Византіей безъ колебанія народной совѣсти. Исидоръ обладалъ большими катехизаторскими свѣдѣніями, вкрадчивою рѣчью и великолѣпною фарисейскою наружностью.

Увидѣвши этого важнаго духовнаго сановника на амвонѣ своего храма, византійцы забыли, что они предлагали отсѣкать руки тѣмъ, кто будетъ подписываться подъ актомъ объ уніи и вырывать языки за произнесеніе латинскаго символа вѣры. Только ученый схоластикъ священникъ Геннадій, бывшій духовникомъ общины бѣлыхъ сестеръ, не забылъ, что онъ поклялся однажды всѣми небесными силами охранять православіе отъ коварства и насилій латинизма. Народная масса преклонялась передъ престарѣлымъ ученымъ, дѣти же обители считали его на порогѣ святости. Сестры шли къ нему со всѣми своими сомнѣніями, которыя онъ и разрѣшалъ, не прибѣгая ни къ епитиміямъ, ни къ поклонамъ. По его вѣрованіямъ не было на свѣтѣ неотмолимыхъ грѣховъ, за исключеніемъ перехода въ латинство.

Въ день служенія Исидора впереди всѣхъ молящихся заняла свое обычное мѣсто община бѣлыхъ сестеръ, но ранѣе, чѣмъ войти во храмъ, она побывала у своего духовника Геннадія и исповѣдала ему свои сомнѣнія. Главнѣйше оно заключалось въ вопросѣ, пріобщаться ли св. таинъ, если онѣ будутъ предложены въ видѣ прѣснаго хлѣба и при томъ рукою, одѣтою въ перчатку съ кольцомъ, подходящимъ ближе къ мірской суетѣ, нежели къ духовному сану. Схоластикъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ строгимъ запрещеніемъ принимать св. дары въ этомъ видѣ и внушилъ всѣмъ исповѣдницамъ выкрикнуть, подойдя къ кардиналу: «азимитъ!»,—и возвратиться на свое мѣсто. То-же онъ внушилъ и подошедшему къ его кельѣ народу, охотно слѣдовавшему его поученіямъ.

Первою пришла къ принятію св. таинъ сестра Анна; она отбросила теперь свое длинное бѣлое покрывало и явилась во всей прелести вдохновенно настроенной молельщицы. Кардиналъ держалъ уже облатку, когда она произнесла явственно на весь храмъ: «я дочь православія, которое не позволяетъ пріобщаться по обряду азимитовъ». За нею подошла другая сестра, ограничившаяся восклицаніемъ: «азимитъ!» Еще подошло дитя и тоже

выкрикнуло—«азимитъ!» За нимъ многотысячная толпа принялась восклицать: «азимитъ, азимитъ!».

Ни одинъ грекъ не подошелъ къ причастію. Кардиналу Исидору оставалось скрыться въ алтарь и, разоблачившись, выйти изъ храма боковою дверью. Церковная служба была прервана. Община направилась во Влахернскій дворецъ, вызывая со стороны толпы почтительныя восклицанія благодарности. Старухи срывали свои головныя повязки и кидали ихъ подъ ноги дѣтямъ.

Община бѣлыхъ сестеръ разрослась вскорѣ до того, что неудобно было оставлять ее далѣе во Влахернскомъ дворцѣ, въ которомъ отводили помѣщенія для иностранныхъ пословъ. Поэтому благочестивая Ирина рѣшила устроить общину на одномъ изъ принадлежавшихъ ей острововъ Пропонтиды. Съ этою цѣлью она предприняла поѣздку на дромонѣ, которою правилъ Христо-Корѳіасъ, знавшій Пропонтиду до самой глубины ея дна.

Много интереснаго узнала царица Пропонтиды о своихъ владѣніяхъ, разсказы Корѳіаса приводили ее въ нервное раздраженіе. Монастырь на одномъ островѣ былъ только по названію монастыремъ, а въ дѣйствительности это былъ веселый домъ для Константинопольской молодежи. На слѣдующемъ островѣ въ смѣшанномъ монастырѣ частенько слышался плачъ новорожденныхъ младенцевъ.....

Приблизившись къ о. Посейдона, кормчій замѣтилъ, что лучшаго пристанища для серьезной обители не найти не только въ Пропонтидѣ, но и во всемъ Эгейскомъ морѣ. Въ бухтѣ, закрытой, кромѣ входа, со всѣхъ сторонъ утесистыми берегами, можно было только благодарить Создателя за Его подарокъ землѣ такого чудеснаго уголка. Ирина рѣшилась подняться по первобытной тропинкѣ вверхъ къ самому пику, отвѣсно спускавшемуся въ морскую глубину. Отсюда открывался восхитительный видъ на оба берега Пропонтиды и вдаль къ Эгейскому и Эвксинскому морямъ. Островъ былъ совершенно пустыненъ. На вершинѣ пика виднѣлась грубо вырубленная изъ мрамора статуя Посейдона. Приказавъ сбросить языческаго бога въ море, она объявила, что языческое названіе острова переименовывается въ Іоаннополь и на мѣстѣ языческаго бога будетъ поставлена часовня съ иконою Влахернской Божіей Матери.

Дромона повернула къ Золотому Рогу, гдѣ на Фаросѣ были тотчасъ-же подняты сигналы о возвращеніи царицы Пропонтиды. Поспѣшая навстрѣчу матери императоръ пожаловалъ во Влахернскій дворецъ далеко ранѣе возвращенія его хозяйки. Явившимся на услуги дворцовымъ чинамъ онъ приказалъ уда-

литься, заявивъ о желаніи отдаться въ одиночествѣ воспоминаніямъ о проведенныхъ здѣсь годахъ юности. Ему припомнился прежде всего тотъ уголъ, въ который его ставила мать, когда онъ изобразилъ слишкомъ нѣжнаго рыцаря въ отношеніи маленькой монахини. Гдѣ она теперь, не въ библіотекѣ ли, которая, какъ было извѣстно, поручена ея заботамъ?

Они встрѣтились не безъ замѣшательства.

Съ одной стороны бывшій рыцарь явился поблагодарить за чудесные полусапожки, а съ другой сообщить по секрету, что мать намѣрена повести монастырскій образъ жизни и взять ее, Анну, къ себѣ въ келейнины. Противъ келейницы онъ ничего не имѣлъ, но если потребуютъ, чтобы она дала обѣтъ посвятить себя на всю жизнь монашеской долѣ, то онъ воспротивится подобному рѣшенію, хотя бы оно исходило отъ родной матери. Сестра Анна зардѣлась и молчала. Ея бывшій рыцарь находился тоже въ смущеніи, но это не помѣшало ему поцѣловать косу подруги своихъ дѣтскихъ игръ.

Дромона входила уже въ бухту, но все же императору было достаточно свободнаго времени, чтобы замѣтить въ особой библіотечной витринѣ превосходный фоліантъ, воспроизведенный хризографическимъ письмомъ. То была копія евангелія, подареннаго Константиномъ Великимъ святому Николаю, епископу Мирликійскому. Открывъ застежку фоліанта, императоръ прочелъ въ концѣ его обычную по тому времени приписку: «смиренно прошу каждаго, кто прочтетъ это священное писаніе, сказать про себя: пусть свершившая этотъ трудъ будетъ благословенна по день Страшнаго Суда, когда предъ Всевидящимъ она дастъ отвѣтъ въ своихъ грѣхахъ. Принцесса сербская Анна». Прочтя эту приписку, Константинъ поцѣловалъ книгу и сказалъ, что онъ выпроситъ ее у матери, а если встрѣтитъ отказъ, то заявитъ, что онъ не будетъ молиться Богу, пока мать не исполнитъ его желанія. Новымъ поцѣлуемъ книги онъ запечатлѣлъ свое обѣщаніе.

На слѣдующій день, когда Константинъ собирался побывать вновь во Влахернскомъ дворцѣ, ему доложили, что царица отказалась отъ посѣщенія дальняго Родоста и удовлетворилась осмотромъ Посейдона. По прибытіи во дворецъ она призвала къ себѣ архитектора, съ которымъ и совѣщалась все утро о сооруженіи на островѣ новаго монастыря съ тѣмъ, чтобы обитель была достойна возносить въ ней мольбы передъ Влахернской Богоматерью.

Наступилъ день Страстей Господнихъ. По окончаніи службы въ Св. Софіи патріархъ въ сопровожденіи двухъ епископовъ и

носителя орлецовъ направился во Влахернскій дворецъ. Здѣсь въ покояхъ императрицы находились уже всѣ приглашенныя ею лица. Въ числѣ ихъ занимали первыя мѣста братья императора Дмитрій и Ѳома; первый былъ вытребованъ изъ Мореи по государственному дѣлу. На аналоѣ, по срединѣ тронной залы, всѣмъ былъ видѣнъ фоліантъ Новаго Завѣта, списанный художественною рукою Анны. Горѣли свѣчи, дымились кадильницы...

Одновременно вошли всѣ три брата, причемъ Ѳома поддерживалъ подъ локоть Константина, что было равносильно выраженію преданности и покорности. За ними вошла мать императора и двѣнадцать сестеръ изъ общины дѣвственницъ. Онѣ несли за императрицею монашеское одѣяніе. Наконецъ церемоніаріи доложили патріарху, находившемуся со своею свитою въ ризницѣ, что мать-императрица проситъ его благословенія.

Вошедшій въ залу патріархъ, не дойдя еще до аналоя, началъ благословлять предстоявшихъ лицъ—торопливо, какъ то было принято въ ту пору, безъ той величавости, какую усвоили впослѣдствіи іерархи церкви. Епископы служили за иподіаконовъ. Они окадили присутствовавшихъ. Собственно молебенъ потребовалъ немного времени. По окончаніи его патріархъ произнесъ слово, которымъ приглашалъ всѣхъ присутствовавшихъ вспомнить, какія тяжелыя испытанія ниспосланы Провидѣніемъ Византіи. Дерзкій и смѣлый врагъ у ея воротъ. Страна умалена и принижена. Просвѣта не видно. Одно чудо спасетъ ее отъ ненасытной жадности исламитянъ. Но чудо минуетъ Византію, если стоящіе у царственнаго кормила правленія предадутся своимъ личнымъ страстямъ и счетамъ, и вмѣсто твердаго оплота выставятъ передъ врагомъ свою рознь и взаимную ненависть. Господь творитъ чудеса, но кто же осмѣлится просить у Господа чуда? Что же станется съ священной Софіей, если на ея престолѣ грозный оттоманъ поставитъ кормушку для коня? Что станется съ царственнымъ городомъ, блещущимъ сотнями монастырей и церквей? Что станется съ величіемъ царственнаго дома, хранящаго завѣты стольнихъ святителей?!

Старецъ патріархъ зарыдалъ и обезсилилъ до того, что крестъ едва не выскользнулъ изъ его дрожащихъ рукъ. Слово его подѣйствовало на всѣхъ присутствовавшихъ до того властно, что въ залѣ воцарилась общая нервная повышенность. Первою овладѣла собою императрица. Приподнявшись съ полутрона и опершись на костыль, она обратилась къ сыновьямъ.—«Сыновья мои—Дмитрій и Ѳома! Выслушайте меня со вниманіемъ, на которое я, какъ мать, имѣю неотъемлемое право. Вашъ братъ Кон-

стантинъ провозглашенъ войскомъ въ Спартѣ императоромъ Византіи и коронованъ въ столицѣ. Вы выразили тогда ему подданичество и покорность внѣшними знаками почтительности, но для спокойствія трона недостаточно одной внѣшности. Необходимо, чтобы вы душой и сердцемъ подтвердили свое, быть можетъ вынужденное, вѣрноподданничество. Подойдите къ этой священной книгѣ и произнесите надъ нею клятву никогда не оспаривать царственную власть Константина, помогать ему душою и тѣломъ, и видѣть въ его врагахъ общаго врага какъ дому нашему, такъ и всей странѣ».

Ѳома безъ малѣйшаго промедленія отвѣтилъ согласіемъ произнести присягу съ моленіемъ, чтобы Всевидящій помогъ ему исполнить душевный зарокъ. Дмитрій замялся, но тутъ императрица выронила костыль и если-бы не сестра Анна, то можетъ быть она упала-бы въ обморокъ. При этомъ эпизодѣ Анна принесла изъ сосѣдней трапезной, гдѣ готовили прохладительные напитки, горсть чистаго снѣга и приложила его къ вискамъ своей крестной матери.

Тогда Дмитрій тоже поклялся надъ евангеліемъ не выходить изъ повиновенія брату-императору. Наступили минуты общаго отраднаго настроенія, и всѣ присутствовавшіе перешли къ частной дружеской бесѣдѣ. Трапезная, куда перешли и императоръ съ братьями, патріархъ съ епископами и немногіе изъ сановниковъ, представляла всѣ удобства для бесѣды о надвигавшихся событіяхъ. Передъ приближеніемъ къ Босфору насильниковъ, блѣднѣли всѣ необычайныя происшествія, хотя бы то была вѣсть о морской царицѣ, пойманной освященными сѣтями рыболововъ или о безхвостной, но о двухъ головахъ гигантской кефали.

Въ теченіе этой отрадной и долго длившейся трапезы, приправленной сгущеннымъ сокомъ хіосскаго винограда, новый главнокомандующій Джустиніани изложилъ свой планъ обороны Константинополя въ случаѣ, если оттоманы рѣшатся и въ самомъ дѣлѣ подступить къ его стѣнамъ. Желѣзную цѣпь, протянутую уже съ одного берега Золотого Рога на другой, можно было сомкнуть во всякую данную минуту. Ни одна галера не перейдетъ за это прегражденіе. Стѣны съ сухого пути обновлены; у каждой угловой башни будетъ сложена пирамида изъ огненныхъ снарядовъ, которыхъ не выносили сарацины—не вынесутъ и турки. Правда, не велико оказалось по послѣднему подсчету число защитниковъ, готовившейся къ осадѣ, столицы, но то были не изнѣженные сыны Эллады, а истинные римляне, хотя и потребовавшіе высокой платы за свою опасную службу. Джустиніани выбиралъ

ихъ лично изъ многихъ тысячъ наемниковъ, предлагавшихъ свои услуги, и частью изъ испытанныхъ въ бою пиратовъ.

Высокое собраніе порадовалось также вѣстью о томъ, что оскорбленная оттоманами, Генуя не затруднится и вновь прислать свои галеры для разгрома флотиліи оттомановъ. Трапезундъ, какъ вассалъ Византіи, обѣщалъ также выслать сюзерену всѣ свои дромоны и нѣсколько тысячъ надежныхъ рукъ съ длинными копьями.

Больше не на кого было разсчитывать. Западный Римъ, нафанатизированный католичествомъ, несомнѣнно откажетъ въ помощи схизматикамъ Востока. При удачѣ можно было перевезти по Эвксинскому понту болгаръ, сербовъ и валаховъ, заявлявшихъ о желаніи послужить православію и выступить противъ общаго врага христіанства.

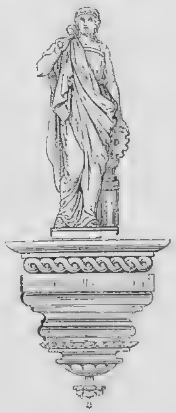
Окончивъ трапезу, патріархъ почтилъ собраніе и своимъ словомъ, которому хотя была и чужда реальная сила въ видѣ каменно-метныхъ машинъ, копій, аллебардъ или снарядовъ съ жидкимъ огнемъ, но все же оно подавало надежду на спасеніе.— «Можно ли говорить о безпомощности или о помощи только Венеціи, болгаръ или валаховъ, когда есть еще помощь, могущая превзойти всѣ силы земныя, которую ни цари, ни народы никогда не должны забывать!». Такъ витіевато говорилъ патріархъ.—«Взгляните на правую сторону Босфора, не тамъ-ли монастырь св. Михаила съ его пламеннымъ мечемъ. Не на этомъ-ли святомъ мѣстѣ совершаются поразительныя чудеса? Да и нѣтъ страны въ мірѣ настолько полной реликвіями, какъ богата ими Византія. Въ моихъ хранилищахъ открылась рукопись, изъ которой видно, что Іоаннъ, первый совѣтникъ сирійскаго калифа, не превозмогъ требованій сердца и писалъ ежедневно по сто строкъ обличеній калифата, за что и была ему отрублена рука. Отрубленная рука однако продолжала писать, а когда Іоаннъ колебался, можно-ли ему класть знаменіе креста лѣвой рукой, то правая къ нему приросла. Намъ-ли бояться при такихъ чудесахъ насилія нечестивыхъ сарациновъ!».

Разумѣется нигдѣ въ мірѣ, ни въ одной христіанской странѣ не могло быть говорено о чудесахъ столько, сколько въ Византіи. Народъ прибавлялъ и отъ себя массу легендарныхъ и самыхъ невозможныхъ сказаній. Жизнь византійца строилась поэтому на фундаментѣ суевѣрій. Въ трагическія минуты жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всей страны душевные помыслы Византіи устремлялись къ чуду, и отъ чуда ожидалась наиболѣе могущественная помощь. Духовенство старалось уси-

ленно развивать народную душу въ эту сторону и въ концѣ-концовъ привело народъ къ мысли, что нужно знать только извѣстную молитву, чтобы оливки появлялись сами собою на столѣ проголодавшагося.

Князь Ѳома былъ вполнѣ на сторонѣ чуда, которое должно будетъ сохранить столицу Византіи отъ мусульманскаго надъ нею господства. Князь Дмитрій былъ очевидно другого мнѣнія и даже подалъ еретическую мысль взять изъ монастырскихъ хранилищъ всѣ обременявшіе ихъ избытки и усилить на нихъ средства обороны. Патріархъ и его епископы воззрились на князя Дмитрія съ такимъ гнѣвнымъ выраженіемъ, что мать-императрица сочла за благо перейти обратно изъ трапезной въ тронную залу.

Здѣсь она подошла къ амвону и, обратившись къ патріарху, произнесла свою рѣчь: «Отецъ святой! Наступила пора, когда я должна подумать о спасеніи своей души и принести Византіи послѣднюю крупицу своей помощи. Отечество будетъ имѣть государя безъ совмѣстителей. Скорблю духомъ, что онъ не имѣетъ по себѣ наслѣдниковъ, но невѣста уже намѣчена, она высокаго рода и великой души; такъ извѣстилъ насъ преданный императору слуга Францъ. Остальное да будетъ благословенно именемъ Господа нашего. Ко мнѣ подошла старость, и я уже немощна въ защитѣ и устроеніи страны. Пока я еще сильна духомъ, пусть-же онъ поможетъ мнѣ выполнить задачу, которою много лѣтъ уже заняты мои мечты. Вы знаете, что отъ родителей я получила въ наслѣдство нѣсколько острововъ на Пропонтидѣ. Вотъ то мое царство, которое я оставляю за собою. На одномъ изъ нихъ я воздвигаю монастырь, которымъ буду править какъ строительница и съ благословенія твоего, св. отецъ, какъ первая игуменья. Надѣюсь, что подъ моимъ началомъ подвижничество процвѣтетъ, расширится и Византія возвратится на путь давнишней нравственности. Я говорю это не въ укоръ тебѣ, св. отецъ, или вамъ, епископы, и вамъ сановники имперіи—нѣтъ, но теперь, когда я болѣе не императрица, смѣло заявляю, что большинство нашихъ монастырей только по названію монастыри. Кельи ихъ обратились въ семейные дома, еще того хуже, въ дома распутства! Ваши монастыри вызовутъ на бѣдную Византію первые фіалы гнѣва Господняго!».



«Мой монастырь будетъ состоять изъ однѣхъ дѣвственницъ, просвѣщенныхъ и свѣтскими науками и св. писаніемъ. Доступъ

къ нему мужскому полу будетъ закрытъ. Покровительница общины—икона Влахернской Богоматери—будетъ помѣщаться на вершинѣ скалы, какъ на болѣе удобномъ пунктѣ для прославленія Творца вселенной».

«Теперь ты, св. отецъ, и вы, епископы, оповѣстите свои монастыри, чтобы они удѣлили моей обители каждый, что можетъ, изъ ризницы. Монастыри отъ этого не оскудѣютъ. Назначьте для обители духовника самаго преклоннаго возраста, и всего лучше отца Геннадія, передъ которымъ и теперь уже благоговѣютъ мои дѣти. Ему будетъ дана обособленная келія. По нынѣшнимъ размѣрамъ обители, я соберу пятьдесятъ сестеръ, поровну отъ каждой политической партіи. Этимъ путемъ я примирю враждующія стороны ипподрома, такъ какъ сестры и дочери будутъ жить подъ моимъ надзоромъ въ тѣсномъ духовномъ единеніи».

«Ты, св. отецъ, поручи своимъ лучшимъ духовнымъ писателямъ сочинить молитву Св. Дѣвѣ объ избавленіи Византіи отъ нашествія насильниковъ. Обитель будетъ возсылать ежедневно эту мольбу. Только такую помощь я—безсильная, немощная и угнетенная душевно—могу оказывать отчизнѣ, нуждающейся настолько же въ сильныхъ рукахъ, насколько и въ духовной помощи».

«Все собраніе священныхъ книгъ, хранящихся въ здѣшнемъ дворцѣ, будетъ перенесено въ мою обитель. Тамъ сестры будутъ заниматься, въ свободное отъ церковныхъ службъ время, перепиской твореній святыхъ отцовъ. Книги будутъ разсылаемы бѣднымъ обителямъ Византіи. Для этого святого и великаго дѣла Господу угодно было приготовить стоящую у моего плеча принцессу изъ иноземнаго дома—Анну. Она одарена—и пусть симъ не возгордится—выше мѣры человѣческой мудростью. Подъ ея науку я отдамъ всѣхъ сестеръ; дѣла ея рукъ поистинѣ достойны высокой похвалы. Она обучалась въ Аѳинахъ и, не скрою, пусть она это приметъ во вниманіе, вынесла оттуда духъ свободомыслія и даже строптивости, но эти недостатки исчезнутъ подъ моимъ началомъ. Духъ же ея цѣломудрія великъ и славенъ».

«Благодарю васъ, св. отцы, благодарю васъ, мои сыновья, благодарю васъ, мои сестры, что вы выслушали мое слово терпѣливо и любовно. Съ этой минуты я больше не императрица, а только смиренная игуменья Влахернской обители дѣвственницъ. Монашескій чинъ требуетъ, чтобы я перемѣнила свѣтское имя на другое—духовное. Св. отецъ, тебя прошу, дозволь мнѣ именоваться отнынѣ Маріамною!» Патріархъ отвѣтилъ крестнымъ знаменіемъ.—«Вотъ монашескія одѣянія, прошу тебя, св. отецъ,

благослови головную часть, да ничто мірское и противное церкви Христовой не поселится подъ его покровомъ!».

Патріархъ, которому заранѣе было извѣстно, что въ этотъ день императрица Ирина приметъ монашескій чинъ, прочелъ краткое молитвословіе и произнесъ громко: «во истину достойна!».

Послѣ благословенія патріарха сестра Анна поднесла игуменьѣ головной уборъ и поцѣловала у нея руку. Можетъ быть, игуменьѣ Маріамнѣ тоже слѣдовало бы склониться передъ патріархомъ, но она еще не привыкла къ выраженію такой покорности и только, сложа руки на груди, проводила св. отца умѣреннымъ поклономъ.

Вѣсть объ отказѣ Ирины отъ сана императрицы облетѣла въ этотъ же день всю столицу Византіи, что дало партіямъ ипподрома новый предлогъ къ ожесточенной ссорѣ. Партія синихъ заявила громогласно, что теперь повелѣнія будутъ исходить не изъ Влахернскаго дворца, а изъ Влахернской обители. Тѣмъ не менѣе всѣ партіи торопились одна передъ другою выставить своихъ дочерей или сестеръ кандидатками въ обитель дѣвственницъ. Пребываніе въ этой обители даже ребенка придавало всему его роду право на почетъ согражданъ и своего рода удостовѣреніе въ чистотѣ нравственной сферы всей семьи.

Константинополь XX в. Мечеть Кари.

XV.

Надежды на спасеніе.

ПРЕКЛОННЫЙ возрастъ матери императора не препятствовалъ ей предаваться мечтамъ объ оздоровленіи Византіи. Ея свѣтлому уму были отчетливо видны всѣ признаки вырожденія не только народной массы, но и правящихъ классовъ, что она приписывала главнѣйше разложенію нравственныхъ основъ и разрушенію домашняго очага. Отсюда у нея родилась мысль о спасеніи страны, путемъ обновленія воспитанія и возрожденія семьи, какъ государственной ячейки. Она связывала съ этою идеею прежде всего попеченіе о духовномъ самосовершенствованіи, облагороженіи гражданскихъ вожделѣній и о подъемѣ патріотизма. Безъ возрожденія патріотизма странѣ предстояла гибель, предстояло исчезновеніе изъ списка христіанскихъ царствъ. Въ развитіи своихъ мыслей она слѣдовала плану, по которому учрежденная ею обитель должна была предоставить своимъ воспитанницамъ, въ первой порѣ ихъ жизни, чистоту и непорочность съ тѣмъ, чтобы онѣ внесли потомъ эти качества въ семью и государство. Ей казалось, что черезъ два—три поколѣнія Византія будетъ уже располагать воинствомъ безъ страха и упрека, способнымъ сплотиться въ христіански-воинственный орденъ, способный преодолѣть натискъ мусульманства на христіанскій міръ. Изъ за своей идеи императрица не видѣла, что мусульмане придвинулись уже къ самому порогу христіанства, чуть не къ самимъ ступенямъ храма Св. Софіи.

Преслѣдуя свою задачу, Благочестивая размѣрила въ уставѣ обители каждый шагъ воспитанницы до минуты воз-

вращенія ея подъ родительную кровлю. Сестры—такъ были названы въ уставѣ воспитанницы—могли посвящать себя всегдашнему служенію Влахернской Божіей Матери или же оставлять за собою право на выборъ жизненныхъ путей. Давшая обѣтъ аскетизма и нарушившая его замужествомъ впадала въ неотмолимый грѣхъ, съ которымъ нельзя было и подступиться къ привратнику рая. Вообще же списокъ неотмолимыхъ грѣховъ былъ чрезвычайно великъ.

Занятый Влахернскою обителью островъ получилъ имя Іоаннополя въ честь Іоанна Дамаскина. Выйдя изъ глубины Пропонтиды прямою скалою, онъ развѣтвлялся на три сопки, изъ которыхъ высшая отошла подъ обитель; двѣ другія были заняты библіотечнымъ павильономъ и школами каллиграфіи и иконописи. Кельи обители и ея храмы нельзя было поставить на вершинѣ пика, тамъ воздушныя теченія были повременамъ настолько сильны, что сбрасывали въ море тяжеловѣсные предметы. Обитель расположилась амфитеатромъ на ребрѣ этого пика; на вершину же его шла вырубленная въ гранитѣ тропинка, приводившая къ часовнѣ съ чудотворною иконою. Часовня также была вырублена въ монолитѣ, сопротивлявшемся всѣмъ напряженнымъ размахамъ здѣшнихъ бурь.

Остановившись у часовни, можно было видѣть чарующую картину природы. На востокѣ виднѣлись очертанія Золотого Рога и столицы Византіи; при прозрачной атмосферѣ можно было хорошо различить портъ, Большой дворецъ, храмы Богородицы Перивленты, Св. Софіи и Іоанна Каменнаго, ипподромъ, маякъ Фаросъ, городскія стѣны, спускавшіяся и поднимавшіяся съ холма на холмъ и сновавшія у берега дромоны и рыбачьи лодки. Обратившись къ западу, когда солнце готовилось окунуться въ воды Пропонтиды, самая черствая природа человѣка погружалась въ міръ великаго и чудеснаго. Медленно спускалось свѣтило на покой отъ дневного труда и величаво посылало свои угасавшіе лучи земному міру, съ завѣтомъ пріостановить хотя бы на время господство матеріи надъ духомъ. Послѣдніе лучи скользили уже вверхъ по золотому кресту часовни и скрывались въ облакахъ.

Призванный изъ Аѳинъ архитекторъ, усвоивъ идеи и требованія царственной игуменьи, удачно расположилъ все сложное хозяйство обители. Долину онъ отвелъ матери - казначеи, властно распоряжавшейся складами и кладовушками. Средній холмъ отошелъ подъ фундаментъ для главнаго храма. Кельи, школы, трапезная и общежитіе для бѣлицъ, готовившихся по-

ступить въ общину, были распредѣлены между холмами и на ребрахъ бывшаго трезубца Посейдона. Игуменья вычеркнула только изъ плана больницу и купальню, находя, что леченіе слѣдуетъ предоставить силамъ природы, а купальню она назвала нечестивымъ мѣстомъ. Напрасно архитекторъ указывалъ крестъ надъ купальнею—строительница была непреклонна, хотя бассейнъ бухты, закрытый со всѣхъ сторонъ, представлялъ всѣ удобства для постановки необходимаго шатра. Кромѣ того строительница потребовала устройства нѣсколькихъ пещерныхъ келій, предназначенныхъ затворницамъ, изгнаннымъ насильниками изъ занятыхъ ими монастырей Византіи.

Попутно архитекторъ возстановилъ Ласточкино гнѣздо, подъ которымъ былъ извѣстенъ выступъ въ скалѣ, служившій нѣкогда маячнымъ фонаремъ. Подъ выступомъ вѣчно плескались волны Пропонтиды. Не препятствуя его возстановленію, игуменья имѣла въ виду обратить его въ карцеръ для наказанія непослушныхъ или согрѣшившихъ сестеръ обители. Наказаніе это сестры считали чрезмѣрно тяжелымъ, такъ какъ, если вѣрить легендамъ, подъ самымъ фонаремъ всплывалъ по ночамъ Нептунъ-Посейдонъ, чтобы погорѣвать о потерянномъ царствѣ. Нужно было только вслушаться, какъ роптали въ такую пору волны, и понять, какъ болѣзненно онѣ всхлипывали у самой подошвы скалы.

Мать Маріамна трудилась нѣсколько лѣтъ, еще въ пору своего пребыванія у трона, надъ составленіемъ устава обители, что она и обнаруживала усиленными распросами объ усвоенныхъ монастырями Византіи порядкахъ. Въ окончательномъ видѣ она обняла всю жизнь обители, всѣ поступки отъ малютки и привратницы до духовника, и затворницы въ пещерной келіи. Увлеченная своими идеями, строительница не замѣтила, что она свела свою жизнь обители къ уставу о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Преступленія она раздѣлила на неотмолимыя и искупительныя. Первыя заключались въ утратѣ цѣломудрія, въ переходѣ изъ вѣчныхъ дѣвственницъ въ семейную жизнь, въ непризнаніи чудесъ, въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и въ купаніи на воздухѣ. Послѣднее было воспрещено, потому что на мягкой волнѣ бассейна было пріятно понѣжиться, а нѣга вообще не ушла отъ сношеній съ дьяволомъ. Во главѣ искупительныхъ грѣховъ стояло неповиновеніе игуменьѣ, а далѣе шла уже безконечная лѣстница большихъ и малыхъ грѣходѣяній. Она заканчивалась воспрещеніемъ старшимъ сестрамъ ухаживать за своими косами,

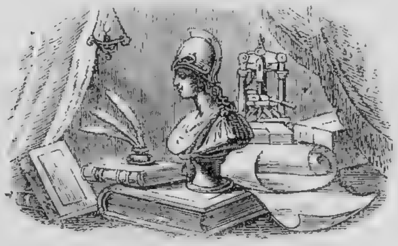
а младшимъ и вообще подросткамъ ученицамъ—привязывать сандаліи кокетливыми тесемочками вмѣсто волосяныхъ снурковъ.

Епитиміи, которыми погашались отмолимые грѣхи, соразмѣрялись съ степенями грѣхопаденій. Важнѣйшимъ наказаніемъ служило отлученіе на годъ отъ Св. Даровъ. Затѣмъ шло отлученіе отъ общенія съ другими сестрами и соблюденіе на цѣлыя недѣли строгаго молчанія. Изъ повседневныхъ грѣховъ выдѣлялись: мытье своей и чужой одежды безъ разрѣшенія игуменьи, хожденіе въ кухню безъ надобности, обмасливаніе волосъ и тѣла. За эти грѣхи и наказанія были повседневныя, но не было такого ничтожнаго грѣха, за который полагалось бы менѣе пятидесяти поклоновъ. Подчиняясь наказаніямъ, не только старшія сестры, но и подростки, считали несправедливымъ трехнедѣльное наказаніе за украшеніе головы цвѣтами или лентами. Невысказанный ропотъ таился также среди сестеръ за чрезмѣрно усиленное наказаніе по поводу поясовъ, которые обязательно было снимать на ночь. Въ обители говорили, что въ мужскихъ монастыряхъ подобные грѣхи были легко наказуемы. Ѳеодоръ Студитъ постановилъ дѣлать всего по триста поклоновъ ежедневно, пока не проходило искушеніе.

По уставу старшія сестры оканчивали день молитвою на верхней площадкѣ у часовни съ чудотворною иконою. Какъ только солнце касалось нижнимъ краемъ Пропонтиды, всѣ сестры, съ игуменьей во главѣ, всходили на вершину пика и, окруживъ часовню, становились на молитву. Поднявъ руки къ небу, онѣ просили Господа о спасеніи Византіи отъ насильниковъ. Картина эта, когда море, берегъ и острова погружались въ тьму и только группа дѣвственницъ въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи оглашала съ высоты всю окрестность дивнымъ пѣніемъ, была преисполнена идеальнаго величія. Окончаніе гимновъ совпадало съ послѣднимъ потонувшимъ вдали Пропонтиды лучемъ солнца. Группа сестеръ медленно возвращалась въ обитель; впереди шла Благочестивая, которая уже нуждалась въ поддержкѣ постороннихъ лицъ. Право поддерживать игуменью признано было всею обителью за сестрою Анною. Анна пользовалась, не смотря на то, что была келейницею игуменьи, общею любовью, особенно со стороны школьницъ, которыя доходили въ порывахъ экстаза до того, что цѣловали украдкою ея ноги или края ея рясы. Въ такихъ случаяхъ сестра Анна выговаривала довольно строго: какой грѣхъ, какой грѣхъ! Въ то же время, если вблизи никого не было, она или поправляла косы у провинившагося ребенка,

что было противно уставу обители, или стригла у нихъ ногти, что также имѣло свое мѣсто въ лѣстницѣ епитимій.

Однажды вечеромъ, когда на всемъ островѣ было только два огонька—въ часовнѣ и въ кельѣ Благочестивой—келейница Анна попросила благословенія высказать давно смущавшее ее сомнѣніе относительно писанія, въ которомъ сказано объ остановкѣ солнца Іисусомъ Навиномъ.—«Церковь наша чтитъ его, но не ставитъ во главу великихъ святителей и угодниковъ Божіихъ. Помоги же, Благочестивая, моему неразумѣнію: почему Господь внялъ его просьбѣ и разрѣшилъ солнцу остановиться на его неудержимомъ пути. Сколькимъ святителямъ и угодникамъ Божіимъ хотѣлось бы тоже задержать солнце или вызвать луну изъ ея подземнаго пребыванія или зажечь звѣзды въ полдень, но ни одно такое желаніе не исполнилось. Позволь взять примѣръ изъ нашей обители: среди нашихъ сестеръ есть такія, которыя ни разу ни въ чемъ не провинились. Настроенія онѣ прямо божественнаго. Сердца ихъ и помыслы у тебя, Благочестивая, на ладони. Мнѣ кажется, когда онѣ поютъ херувимскую, то сами херувимы слетаются ихъ слушать, слѣдовательно онѣ и на небѣ извѣстны. Внуши имъ вознести хоромъ молитву: останови—де, Господи силъ, покорное тебѣ солнце, хотя на одно мгновеніе! Что будетъ? Солнце не остановится, а Іисусъ Навинъ кровь человѣческую проливалъ, почему же молитва его была доходчивѣе, чѣмъ гимнъ нашихъ херувимовъ?».



Трудно было отвѣчать на подобные вопросы, но Благочестивая выработала уже пріемы, не затруднявшіе ее разрѣшать и большей величины сомнѣнія.—«Ахъ, какой грѣхъ предаваться подобнымъ размышленіямъ, а еще больше обнаруживать ихъ за предѣлы даннаго тебѣ разума. Это тебя въ Аѳинахъ воспитали въ такомъ суемудріи. Давно я уже замѣчаю, что ты страдаешь маловѣріемъ и отметаешь чудеса, какъ явленія не согласныя съ видимою тебѣ природою. Вѣроятно аѳинскіе профессора затмили въ тебѣ возвышенные помыслы. Ты хочешь и чуду придать плоть, кровь и кости! Ахъ, какой грѣхъ! И кто бы это говорилъ, а то ты, моя помощница, возвеличенная по разуму и по великимъ твоимъ знаніямъ. Не хочу назначать тебѣ епитиміи, но ты прочти уставъ, тогда сама увидишь, какое св. отцы опре-

Молитва Бѣлыхъ сестеръ.

дѣляютъ наказаніе за невѣріе въ чудеса. Сама себя испытуй и сама себѣ назначь и наказаніе».

Проходили дни и недѣли, а сомнѣнія не покидали сестру Анну, что она и изъясняла чистосердечно Благочестивой; ни усиленныя колѣнопреклоненія, ни обѣщанія отрѣшиться на годъ отъ всего молочнаго непросвѣтляли ея мятущійся духъ.

Никогда не было примѣра, чтобы Благочестивая не поднималась на вершину скалы, къ чудотворной иконѣ, для участія въ молитвахъ сестеръ. На этотъ разъ она не вышла изъ своей кельи и хотя тѣломъ была здорова, какъ то говорила и мать-казначея, для которой входъ къ игуменьѣ былъ безпрепятственный, но духъ ея находился въ угнетенномъ состояніи. Каждое приказаніе она отчеканивала точно молотомъ и даже вмѣсто чиннаго благословенія торопила каждую сестру, приходившую по дѣлу, точно приближались часы какого нибудь важнаго событія. Вечеромъ, въ часъ отхода ко сну, когда уже и мать-казначея не смѣла постучать въ дверь настоятельницы, напряженное состояніе духа послѣдней разрѣшилось рѣчью, обращенной къ келейницѣ.

— «Я наблюдаю за тобою и вижу, что ты можешь перенести самыя тяжелыя епитиміи, но никакого благого результата отъ этого не получается. Ты отъ земли дитя, а не отъ неба. Все же земное должно отдавать себя на служеніе непостижимымъ небеснымъ силамъ. Ты находишься въ такой порѣ, когда не зная матери и отца, можешь располагать своею участью по собственному влеченію. Къ тому же и мои годы, а я всегда была твоею попечительницею, идутъ быстро на убыль, силы оставляютъ меня съ каждымъ днемъ, сегодня я уже не могла подняться къ Чудотворной, а это знаменуетъ приближеніе смерти. Сердце у меня неспокойно. Въ чье управленіе поступитъ моя обитель? Ты одна превосходишь разумомъ всѣхъ сестеръ, взятыхъ вмѣстѣ, но ты продолжаешь оставаться въ мірy, а вотъ патріархъ мнѣ пишетъ, что по завѣтамъ св. отцовъ церкви ни одна дщерь не можетъ быть возведена въ санъ настоятельницы, если она хотя три года не пробыла въ званіи инокини. До сихъ поръ ты уклонялась принести обѣтъ Богу на служеніе Ему Единому и на отверженіе отъ міра земнаго. Теперь я приглашаю тебя вновь дать этотъ обѣтъ».

Анна, забывши объ уставномъ чиноначаліи, прервала рѣчь игуменьи, какъ бы прервала слово простаго мірянина.

— «Прости, Благочестивая, но обѣта какого ты желаешь, я не дамъ. Господу я служу и буду служить всѣмъ моимъ

разумѣніемъ, но не ощущаю въ себѣ достаточно силы отрѣшиться отъ земли. Меня такъ часто смущаютъ грѣховные помыслы, что было бы новымъ и тягчайшимъ грѣхомъ лицемѣрить и предъ людьми и предъ Владычицей Влахернской. Теперь всѣ мои помыслы клонятся къ тому, чтобы узнать, живы ли мои родители? На этотъ вопросъ ты, Благочестивая, не даешь отвѣта, и я не знаю, молиться ли мнѣ о здоровіи ихъ или объ упокоеніи. Ты мнѣ замѣнила мать, ты благодѣтельница, ты воспитала меня какъ царскую дочь, но почему мнѣ не дано знать, подъ чьею кровлею я увидѣла впервые свѣтъ и почему меня еще несмышленнымъ ребенкомъ отправили въ Аѳины. Умоляю тебя, Благочестивая, открой мнѣ эту тайну».

Анна опустилась передъ игуменьей на колѣни и прильнула къ ея рукамъ.

— «Дай прежде обѣтъ отрѣшиться отъ земнаго и поступи въ инокини, тогда тайна будетъ тебѣ открыта».

Немного мгновеній потребовалось Аннѣ, чтобы отвѣтить и на этотъ разъ отказомъ. Мысли ея далеки отъ затворничества. Виновата ли она однако, что ей снится иногда, два—три раза подъ рядъ, будто надъ нею склоняется и такъ тяжело дышетъ это доброе, великодушное и симпатичное лицо императора? Виновата ли она, когда онъ во снѣ укладываетъ ея косы на лбу? Однажды онъ поцѣловалъ ее. Разумѣется это ложь, что подъ его личиною являлся дьяволъ, посмѣетъ ли нечистая сила облечься въ образъ христіаннѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго государя?! Иногда казалось и днемъ, что облако, которое неслось надъ островомъ, вовсе не облако, а онъ въ порфирѣ и въ тѣхъ самыхъ полусапожкахъ, на которыхъ орлы вышиты ея руками!

Отказъ и при томъ простой и крѣпкій безъ слезъ, безъ приниженія и склоненія къ ногамъ игуменьи, поднялъ въ послѣдней весь пылъ ея гнѣва. Она забыла, что она теперь игуменья, а не бывшая императрица Византіи. Стукъ ея костыля объ каменную плиту нисколько не образумилъ непокорную сестру. Ей даже чудилось, что изъ за плечь игуменьи выглядываетъ все то-же ласковое лицо Константина и подаетъ знаки не соглашаться на принятіе чина инокини.

Утомившись послѣ долгаго безплоднаго внушенія, мать Маріамна вмѣсто обычнаго аминь, высказала страшное признаніе:—«Знай, строптивая и непослушная, что ты дитя земли, что ты родилась во грѣхѣ и умрешь, не нося въ сердцѣ образа Св. Дѣвы. Уйди, чтобы я не сказала большаго».

На этотъ разъ Анна не ушла. Благочестивая не впервые заявляла Аннѣ, что она родилась во грѣхѣ, но то были слова, сказанныя вскользь, въ обмолвку, а теперь они произнесены съ особою выразительностью, точно съ требованіемъ поразмыслить надъ ихъ значеніемъ.

Много ночей Анна провела уже въ размышленіи, какъ понимать, что она родилась во грѣхѣ? Не родилась ли она отъ согрѣшившей матери? Благочестивая никогда не говорила другимъ сестрамъ, что онѣ родились во грѣхѣ, даже когда сердилась и налагала на нихъ тяжкія епитиміи. Она упрекала согрѣшившихъ, что у той или другой изъ провинившихся нѣтъ въ сердцѣ образа Св. Дѣвы, но все же безъ упоминанія о рожденіи во грѣхахъ. Благочестивая цѣнила каждое свое слово и не роняла ихъ даромъ.

Анна рѣшилась раскрыть эту тайну, хотя бы цѣною выхода изъ обители, въ которой она заняла мѣсто общественной души. Куда, однако, она уйдетъ, оставивъ обитель? Внѣ ея стѣнъ у нея нѣтъ куска хлѣба на дневное пропитаніе. Всѣ эти мысли проносились одна за другою, когда она стояла предъ игуменьей; эта же теряла все болѣе и болѣе самообладаніе и дошла до того, что приподняла завѣсу тайны.

— «Знаю, ты готова уйти изъ обители, тебѣ все равно, преподавать ли моимъ херувимамъ творенія св. отцовъ или добывать себѣ пропитаніе съ арфою въ рукахъ. Ты и на это способна. Такъ знай, что пока я жива, ты не выйдешь отсюда. Ты родилась нечестивымъ путемъ, но ты—мое потомство, въ тебѣ есть частица моей крови и крови Палеологовъ. Нѣтъ, ты не пойдешь съ арфою въ рукахъ по улицамъ Константинополя пѣть языческія пѣсни».

Анна обратилась вся въ слухъ.

— «Ты дочь одного изъ Палеологовъ. Твоя мать умерла въ первый день твоего рожденія. Она была благороднаго рода и пріѣхала въ Константинополь изъ Московіи, сопровождая великую княжну... Ну вотъ ты теперь все знаешь... Но, Господи,— спохватилась Благочестивая,—зачѣмъ я это открыла? Вѣдь я клялась скрыть тайну твоего рожденія. Ахъ, грѣхи, грѣхи! За нарушеніе клятвы я должна подпасть подъ запрещеніе! Пойми, я нарушила клятву, а это грѣхъ неотмолимый!»

Мать Маріамна, увлекшись своимъ же признаніемъ, не видѣла, что дѣлается съ ея келейницею. Въ первыя мгновенія Анна какъ бы не чувствовала значенія открытой тайны. Обычно ее упрекали за розовый цвѣтъ лица, а теперь на немъ

не было ни кровинки. Оставляя келью настоятельницы, она едва нашла дверь и кое какъ добрела до своей боковушки. Здѣсь овладѣлъ ею столбнякъ, при чемъ она перестала помнить, что ей было говорено, чья она дочь, гдѣ она живетъ, не нужно ли ей броситься со скалы въ море, какъ ей уйти съ острова, куда уйти?

Благочестивую тоже охватилъ ужасъ, когда она вспомнила, что въ порывѣ гнѣва натворила столько бѣдъ. Вѣдь съ минуты нарушенія клятвы она обязана была стать въ ряды испытуемыхъ послушницъ. Она рѣшила принести повинную, исповѣдоваться передъ патріархомъ и... могъ ли онъ отказать ей въ полномъ прощеніи?

Еще такъ недавно она была царицею. Намѣреніе свое она предполагала привести въ исполненіе на слѣдующій же день и для переѣзда къ Золотому Рогу вытребовать немедленно дроммону. Рыбакъ могъ за ночь добраться до берега и передать приказаніе командиру дроммоны Христо-Корфіасу.

Безпокойно проходила эта ночь на о. Іоаннополѣ. На морѣ совсѣмъ не было волны, но оно фосфорилось отъ невидимыхъ причинъ. Какая нибудь подпрыгнувшая въ это неурочное время рыбка поднимала десятки длинныхъ свѣтящихся нитей. Въ кельяхъ было душно, кошмарно. Дѣти пробуждались съ крикомъ: «турки идутъ, турки идутъ!» и падали въ изнеможеніи на свои низенькія кроватки. Подростки тоже бредили и восклицали: «ахъ, какіе грѣхи!». Старицы и тѣ молились Пресвятой Дѣвѣ, чтобы она защитила обитель отъ злыхъ навожденій.

Безпокойнѣе же всѣхъ сестеръ проводила эту ночь сама игуменья. Вмѣсто сна ее посѣтили одни видѣнія, въ которыхъ то появлялся, то исчезалъ образъ Анны. Теперь игуменья справедливо упрекала себя за невоздержанность, которая отравила, можетъ быть, всю жизнь обездоленнаго не по своей винѣ существа. Вѣдь она любила это дитя земли теплѣе и душевнѣе, чѣмъ она любила своихъ кровныхъ дѣтей. Да и какъ было не любить эту красоту, озаренную серьезнымъ разумомъ и олицетворенною кротостью? И вотъ теперь она тамъ страдаетъ.... Испытавъ непереносный ударъ судьбы, она размышляетъ вѣроятно о предстоящей ей дорогѣ.

А какая ей предстояла дорога при ея непреклонной волѣ, которую и сама судьба не въ силахъ подчинить себѣ? Не бросилась бы она съ утеса въ море! Но нѣтъ, она такъ горячо молится передъ образомъ Пресвятой Дѣвы. Не зародится ли въ ея сердцѣ мысль о мщеніи? Не переселится ли она въ Галату

на роли прелестницы? Нѣтъ, по складу характера она никогда не преобразится въ Аспазію. Не поступитъ ли она въ труппу бродячихъ музыкантовъ? Не займется ли она въ лучшемъ случаѣ преподаваніемъ того, что далъ ей аѳинскій университетъ?

Нѣсколько разъ въ теченіе этой ночи игуменья подходила неслышною поступью къ дверямъ келейницы, прислушивалась, взглядывала и отходила къ себѣ съ тревожными предвидѣніями. Столбнякъ Анны не проходилъ. Она видѣла, какъ заглядывала въ ея келью мать Маріамна, но если прежде она не знала, какой душистой водой облить ноги игуменьи, то теперь она была чуждою ей и даже враждебною душою. Подъ утро она точно освободилась отъ столбняка и выговорила сама себѣ тономъ безповоротнаго рѣшенія:—«Сегодня я оставлю обитель и островъ и переселюсь на материкъ. Мое рожденіе позоритъ обитель. Мнѣ не слѣдуетъ оставаться среди благорожденныхъ и полноправныхъ; я не смѣю держать надъ своимъ изголовьемъ изображенія Пречистой Дѣвы. Оставляя обитель, я никого не затрудню. Я ничего не возьму съ собою, даже куска хлѣба, но эту одежду я заработала. Она моя. Рыбакъ вѣроятно согласится отвезти меня на берегъ. За эту услугу я дамъ ему часть своей косы».

Анна должна была прервать свои размышленія, такъ какъ вошедшая въ келью мать Маріамна дала знакомъ руки понять, что у нея опять смертельно забилось сердце. Анна приняла тотчасъ-же знакомыя мѣры, чтобы усмирить опасное явленіе. Потрясенная игуменья погрузилась вскорѣ въ непробудный сонъ и до поздняго утра голова ея оставалась на колѣняхъ Анны.

Утромъ по обыкновенію явилась мать-казначея и не подозрѣвая о событіяхъ ночи, доложила, что съ того берега прибыла дромона и Кореіасъ ожидаетъ приказаній. По его словамъ Константинополь провелъ тревожную ночь, такъ какъ съ сѣвера прибѣжали вѣстники, заявившіе, что турки готовятся къ выступленію со стороны Адріанополя и что они выкатили уже на дорогу пушку, о которой было столько говорено, какъ о всеразрушающей силѣ. Мать Маріамна къ утру оправилась настолько, что кормчему было приказано изготовиться въ обратную дорогу. Вѣтеръ былъ попутный.

Спускаясь къ берегу, мать Маріамна, привыкшая читать не только въ людскихъ взорахъ, но и въ сердцахъ, отказывалась понять на этотъ разъ мольбы Анны. Мольба ея была

проста:—«Возьмите меня съ собою, вѣдь все равно, въ обители я не останусь». Взамѣнъ отвѣта мать Маріамна трижды благословила это любимое дитя земли и приказала ей идти въ школу и заняться уроками. Далѣе игуменью проводили до дромоны только мать-казначея и старицы, что стерегли тропинку. Мать-казначея выслушала дорогою строгое наставленіе блюсти покой Анны и незримо слѣдить, чтобы съ нею худо не было. До возвращенія изъ побывки въ столицѣ отмѣнялись вечернія молитвы на вершинѣ скалы и самый входъ долженъ быть прегражденъ цѣпью. Рыбаку слѣдовало закидывать свои снасти подальше отъ берега. Дѣтворѣ разрѣшалось шалить и рѣзвиться; пусть всѣ ухаживаютъ за Анной, не боясь епитимій. Словомъ, строгая игуменья разрѣшила всей обители провести безъ нея нѣсколько сутокъ безъ уставныхъ порядковъ. Такъ поняла и мать-казначея, замѣнившая настоятельницу на время ея отсутствія.

Тридцать веселъ дружно взмахнули по волнамъ Пропонтиды. Вскорѣ дромона вышла на открытую воду, но еще долго было видно, какъ Благочестивая благославляла островъ и обитель и всѣхъ, кто живъ былъ на этомъ мѣстѣ. Мать-казначея не утаила, что каждому существу въ обители и на островѣ настоятельница разрѣшила пожить въ ея отсутствіе по своему вкусу и вожделѣнію.—«Даже и выкупаться въ морѣ можно?» поторопилась спросить наиболѣе ретивая школьница. Этимъ дѣтски наивнымъ вопросомъ мать-казначея была поставлена въ безвыходное положеніе. Съ одной стороны купанье въ открытомъ морѣ было неотмолимымъ грѣхомъ, а съ другой, Благочестивая благословила каждому существу на островѣ жить по его хотѣнію. Все населеніе обители ждало отвѣта. Къ тому же бухта выглядѣла ковромъ съ переливами небесныхъ колеровъ. Такъ или иначе, а отвѣтить нужно было. Но слыханное ли дѣло! всему населенію обители купаться на открытомъ воздухѣ, въ морѣ!—«Нѣтъ, не разрѣшено!»—попробовала отвѣтить мать-казначея, но спохватилась и измѣнила свой отвѣтъ: «маленькимъ можно, но большимъ нельзя!»—«Странно, именно большимъ и нужно было разрѣшить, а маленькія начнутъ баловаться безъ призора и безъ страха».—«Ну, ну, всѣмъ можно, всѣмъ... но только съ молитвами и со страхомъ Божіимъ»...

Не успѣло еще солнце опуститься въ волны Пропонтиды, какъ кормчій дромоны остановилъ ея бѣгъ и, какъ бы провѣряя себя, вызвалъ своихъ помощниковъ вглядѣться въ берегъ Золотого Рога. Нѣтъ сомнѣнія, на фонѣ свѣтлаго неба явственно

вырисовывались три громадной величины черныхъ крыла, поднятыхъ на стержняхъ Фароса. Да еслибы и зрѣніе обманывало, то прибрежная суета ясно говорила, что сигналъ поднялъ всюду тревогу. Въ послѣднее время почти ежедневно маякъ поднималъ одно крыло и даже два, но три и разомъ было большою рѣдкостью. Повидимому и ошибки не было. Сигналисты держали эти крылья безъ колебаній. Сигналъ о трехъ крыльяхъ говорилъ всему побережью Пропонтиды, что врагъ движется и съ сѣвера и со стороны о. Родоста. Все населеніе, остававшееся еще во владѣніяхъ, подвластныхъ императору Византіи, обязано было спѣшно перейти въ столицу, унося съ собою все, что было доступно поднять на своихъ плечахъ. Пастухи должны были гнать стада сколь можно поспѣшнѣе. Военныя дромmоны, промышленныя суда и рыбаки должны были прибыть къ Золотому Рогу ко времени замыканія цѣпи. А затѣмъ главнокомандующій Джустиніани зналъ уже, какъ ему разставить гарнизонъ и распредѣлить огневые снаряды. Убѣдившись, что зрѣніе не обманываетъ, кормчій дромmоны явился къ своей знатной пассажиркѣ и доложилъ ей, что по повелѣнію императора онъ обязанъ возвратиться къ о. Іоаннополю и тамъ принять всѣхъ обитательницъ Влахернской обители. Въ доказательство своего доклада онъ представилъ подлинное на его имя повелѣніе. Оно гласило: «Подъ страхомъ тѣлесной смертной казни и отвѣта передъ самимъ Господомъ Богомъ повелѣваю тебѣ Корѳіасъ-Христо управлять, какъ слѣдуетъ опытнѣйшему кормчему, дромmоною для сообщенія берега съ о. Іоаннополемъ. Все, что повелитъ сдѣлать мать игуменья Влахернской обители, ты сдѣлай, какъ бы сдѣлалъ для царицы и родной матери. Если же у берега или въ морѣ ты увидишь сигналъ о нашествіи турокъ, ты долженъ предать все забвенію и, не заботясь о спасеніи души и тѣла, прибыть къ острову и доложить матери игуменьѣ, что насталъ часъ спасаться отъ врага и что я, императоръ Византіи, требую и повелѣваю перейти всему населенію острова— малому и старому, знатному и простецу—на палубу дромmоны и переправиться къ стѣнамъ столицы. Передъ твоею дромmоною разомкнется цѣпь у Золотого Рога во всякое время. Помня смертный часъ, исполни, какъ я повелѣваю. Константинъ XI».

Разумѣется отмѣны повелѣнія быть не могло, поэтому Корѳіасъ повернулъ дромmону обратно, а такъ какъ вѣтеръ совершенно притихъ, то оставалось работать только веслами и помощью покровителя моряковъ Св. Николая. Ночь спустилась безпроглядная. Если бы не звѣзды, служившія путеводителями,

то дромонѣ пришлось бы заночевать у одного изъ островковъ архипелага. Между тѣмъ минуты были дороги. Пропонтида покрылась блуждавшими огоньками—то купцы и рыбаки, покинувъ на островахъ и на берегу свои гнѣзда, торопились подъ защиту столицы. Сухопутные таборы наступавшихъ турокъ не могли прибыть скоро въ Константинополь, но изъ Родоста можно было приплыть на хорошихъ веслахъ къ завтрашнему полудню. Въ рабочей силѣ оттоманы не ощущали недостатка; весь людъ, который могъ быть захваченъ на берегу и на островахъ, попадалъ въ цѣпи и подъ ударами бимъ-башей работалъ съ подневольнымъ усердіемъ.

Начинало свѣтать, когда Коръіасъ убѣдился, что звѣзды и опытность сослужили ему вѣрную службу. Курсъ былъ взятъ безошибочно; теперь уже виднѣлась вершина скалы съ часовнею, а дальше показались и кельи Влахернской обители.

Константинополь XX в. Башня Леандра.

XVI.

Требованія жизни.

ОБЫКНОВЕННО молчаливая Влахернская обитель заявляла Пропонтидѣ о своемъ существованіи только въ часы утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Тогда передъ скалою съ часовнею появлялись отъ христіанскаго берега каики съ любителями художественнаго церковнаго пѣнія. Казалось, что и морскія волны переставали въ эту пору нарушать своими шумными всплесками минуты очарованія. Молитвы бѣлыхъ сестеръ оглашали окрестность на далекое разстояніе и со всею полнотою дѣтски наивныхъ помысловъ взвивались въ горнее пространство. Дѣти умоляли Творца вселенной одарить Византію, ея императора и все христіанство милостями и благополучіемъ и сохранить ее отъ жестокихъ насильниковъ. Окончивъ молитву сестры спускались по тропинкѣ на равнину бѣлыми видѣніями и молча расходились по кельямъ.

Въ утро-же, по отъѣздѣ игуменьи, на островѣ произошло нѣчто необычайное. Несмотря на собравшіяся надъ Византіей грозовыя тучи, бухта Іоаннополя огласилась молодыми, ликующими голосами. Тамъ слышался жизнерадостный смѣхъ, а одно это знаменовало отсутствіе строгой матери Маріамны. И дѣйствительно, еще наканунѣ вечеромъ, когда скрылась изъ вида дромона и сдѣлалось извѣстнымъ ея разрѣшеніе не стѣсняться правилами устава, вся община изъявила желаніе искупаться утромъ въ бухтѣ и на открытомъ воздухѣ, но разумѣется на отмеляхъ и вообще въ границахъ безопасности. Мать-казначея

очень возстала противъ этого грѣховнаго намѣренія, но ея любимицы-малютки принялись цѣловать ея ноги и въ концѣ концовъ склонили ее увидѣть въ разрѣшеніи Благочестивой дарованіе на день, на два ничѣмъ неограниченной свободы. Впрочемъ и ей самой хотѣлось окунуться въ эту ласковую, лазоревую стихію, да къ тому же ей слѣдовало наблюдать, чтобы неопытныя дѣти не увлеклись на глубину, куда могло привлечь ихъ множество виднѣвшихся изумительныхъ маленькихъ морскихъ чудовищъ.

Раннимъ утромъ, тотчасъ послѣ молитвы, всѣ отмели бухты были уже покрыты весело плескавшимися дѣтьми. Потомъ не разъ и не два мать-казначея приказывала окончить купанье и выйти всѣмъ на берегъ, но она была слишкомъ добра, чтобы повиноваться ея окрикамъ. Мало того, сестры и въ полдень впали въ неотмолимый грѣхъ. Онѣ вновь появились на отмеляхъ и отдались неудержимому ликованію. Одни только буревѣстники, пролетая надъ бухтою, видѣли, какъ здѣсь внезапно брызнула жизнь съ ея всесильными запросами хотя бы на невинный смѣхъ и ласку теплой морской волны. Наконецъ общее настроеніе достигло высшей точки и вотъ именно въ этотъ моментъ на створѣ бухты показалась неожиданно возвратившаяся дромона. На палубѣ ея всѣ видѣли настоятельницу, которая, по всѣмъ признакамъ, отказывалась вѣрить и зрѣнію своему и слуху. Не могла же вся обитель, не исключая и намѣстницы и первой келейницы Анны нарушить такъ преступно уставъ общины и впасть въ такой неотмолимый грѣхъ. Мало того, эта вольница, слушавшая въ трапезной три раза въ недѣлю весь уставъ, впала въ цѣлую сѣть грѣховъ, не исключая и обнаженія тѣла на открытомъ воздухѣ.

Какъ только дромона остановилась при входѣ въ бухту, тотчасъ произошло нѣчто невиданное не только на водахъ Пропонтиды, но вѣроятно на всей Божьей землѣ. Все живое оцѣпенѣло. Пятьдесятъ молодыхъ существъ какъ бы утратили способность мышленія; они забыли, гдѣ, что и какъ происходитъ. Но стоило одному ребенку воскликнуть—какой грѣхъ! и вся бухта огласилась общимъ хоромъ: грѣхъ! грѣхъ! грѣхъ!

Дромона остановилась. Старый кормчій ждалъ приказаній, но что могла приказывать оскорбленная до глубины душевныхъ тайниковъ игуменья, увидѣвшая, что дѣло ея рукъ держится только епитиміями и угрозами страшнаго суда. Она машинально подняла руки къ небу, подняла костыль и принялась грозить. Очутившіяся случайно вблизи дромоны сестры обители

слышали, какъ ихъ Благочестивая разразилась упреками и напоминаніями о тяжести совершившагося великаго грѣховнаго дѣла. Впавшія въ неотмолимый грѣхъ подлежали исключенію изъ обители, но какъ исключить всю ея силу? Кромѣ того и сама Благочестивая не могла считать себя игуменьей, такъ какъ и она впала въ неотмолимый грѣхъ. Она нарушила клятву и еще не была прощена! Влахернской обители болѣе не существовало!

Продолжая машинально грозить всему міру костылемъ, мать Маріамна разразилась бы въ другое время громовою рѣчью, а теперь физическія судорги въ сердечной области прерывали ея слова. За горло также схватывала невидимая сила, въ головѣ было неспокойно, кровь забила тревогу. Между тѣмъ всѣмъ сестрамъ обители пришлось перебираться на берегъ передъ самою дроммоною, собирать одежду, раскинутую по уступамъ скалы и бѣжать далѣе на ровнину къ кельямъ; ни одной грѣшницѣ не посчастливилось миновать дроммону, не услышавши гнѣвный голосъ Благочестивой:—«Безумная... непокорная... искусительница... сластолюбица... рабыня грѣховъ... помни о будущей жизни, помни о гееннѣ огненной... слышишь, какъ дьяволъ ликуетъ? Это онъ требуетъ тебя на послуги! Ты захотѣла, чтобы солнце любовалось тобою, чтобы оно тебя ласкало, обнимало... Всѣ вы не болѣе, какъ сестры Вельзевула! Идите, спѣшите къ нему, пусть онъ вами тѣшится.... но что скажетъ несчастная Византія»!

На палубѣ драммоны находился только старый Корѳіасъ-Христо, который боязливо насторожилъ вниманіе, когда увидѣлъ, какъ измѣнились лицо и рѣчь Благочестивой! Вмѣсто твердой повелительной рѣчи послышались одни лишь слабые упреки:—«Кому же изъ васъ вѣрить. Здѣсь и мать-казначея, первая уставщица обители! Здѣсь и моя опора, моя келейница Анна! Ахъ, все рушилось... и все исчезаетъ изъ моихъ глазъ. Анна, гдѣ ты? Божья Матерь, что со мною!»...

Корѳіасъ былъ на сторожѣ. Царица, какъ онъ продолжалъ называть мать императора, багровѣла отъ гнѣва; вмѣсто словъ послышалось несвязное шипѣніе... она обезсилила... костыль выпалъ изъ рукъ, она пошатнулась, но была подхвачена во время старымъ слугою.

Корѳіасу было ясно, что его царица перешла за предѣлы гнѣвнаго раздраженія и пала подъ тяжелымъ нервнымъ ударомъ. Нужно было перенести ее на берегъ. Матросы нашли у себя свѣжій парусъ, на который бережно уложили обезпамятившую больную и перенесли ее съ дроммоны на островъ.

Печальную процессію встрѣтила мать-казначея, готовившаяся пасть на колѣни и заявить, что она одна во всемъ виновата, что она не сумѣла объяснить сестрамъ, какъ слѣдовало понимать данное имъ разрѣшеніе на временную полную свободу. Но теперь уже было не до прощенія. Больная поводила глазами, но уже безъ гнѣва и безъ радости. О врачѣ и лекарствахъ нечего было и думать, такъ какъ уставъ обители не только не признавалъ медицинской помощи, но и изгонялъ ее, какъ дѣло противное Провидѣнію. Обитель полагала всѣ свои надежды въ тяжелыхъ формахъ болѣзни на молитвы сестеръ и на чудо, какое могло явиться отъ иконы, что была въ часовнѣ.

Вся обитель стала теперь на колѣни; жарче всѣхъ молились малютки, на которыхъ напалъ неодолимый и безотчетный страхъ. Онѣ еще никогда не видѣли вблизи себя предвѣстниковъ смерти. По совѣщаніи съ сестрами мать-казначея рѣшила извѣстить о тяжелой болѣзни настоятельницы ея царственнаго сына. Корѳіасъ ручался, что извѣстіе будетъ доставлено на берегъ не далѣе полуночи. Сестрѣ Аннѣ предстояло написать императору извѣщеніе, которое бы онъ принялъ къ сердцу, не боясь оставить на нѣкоторое время столицу. Къ счастью маякъ держалъ на своей вершинѣ только одно крыло и то колебалось въ разныя стороны. Оттоманы очевидно пріостановили свое движеніе по направленію къ столицѣ. Изложеніе извѣщенія не затруднило келейницу Анну. Она написала:

— «Смиренная обитель Влахернской Божіей Матери сообщаетъ съ истиннымъ въ душѣ сокрушеніемъ тебѣ, Государь, что великое горе посѣтило убогую общину бѣлыхъ сестеръ. Твоя, Государь, мать, а наша настоятельница лишилась по нашимъ грѣхамъ добраго сознанія. Вся ея лѣвая сторона находится въ бездѣйствіи, правая холодѣетъ, болѣзнь движется по всѣмъ суставамъ. Обитель непрестанно возноситъ молитвы о ея здравіи, но безъ твоего, Государь, велѣнія мы не смѣемъ предпринять кромѣ молитвы другого врачующаго способа. Повели и мы сдѣлаемъ все, что прикажешь, но мы не смѣемъ утаить, что болѣзнь тяжела и что переселеніе въ страну праведныхъ можетъ случиться ранѣе, чѣмъ догоритъ масло въ лампадѣ. Наши молитвы не доходчивы. Прости, Государь, нашему неразумію и если повелишь каждую изъ насъ заточить въ келію, то и тогда твой гнѣвъ не дойдетъ еще до предѣловъ справедливой кары.—По просьбѣ сестеръ всей обители подписываюсь Анна, смиренная служительница твоей умирающей матери».

Вся обитель готова была дежурить при умирающей, но ради ея покоя при ней остались неотлучно мать-казначея, келейница и нѣсколько подростковъ для побѣгушекъ. Тишина въ кельѣ больной прерывалась по временамъ ея хрипотою и шелестомъ вѣера, которымъ отгоняли надоѣдливыхъ мухъ. Дежурнымъ однако показалось, что больная дѣлаетъ непораженной еще рукою произвольныя движенія. И дѣйствительно, сдѣлавъ усиліе, она показала на свой завѣтный сундучекъ. Анна тотчасъ поднесла ей ларецъ, который не далѣе двухъ-трехъ дней тому назадъ онѣ разбирали вмѣстѣ и обсуждали значеніе каждой хранившейся въ немъ вещи.

Въ сундучкѣ хранились предметы, которымъ по человѣческому маштабу не было цѣны. Главнѣе другихъ вещей, достойныхъ поклоненія, здѣсь была коллекція предметовъ, относящихся къ страданіямъ Спасителя, частица одежды Богородицы, а также частицы мощей Св. Спиридонія, Іоанна Милостиваго и др. Высшею же драгоцѣнностью было небольшой величины копье, выкованное по словамъ легенды изъ гвоздя, которымъ былъ пригвожденъ Спаситель міра. Копьеце хранилось въ золотомъ футлярѣ, покрытомъ сѣтью драгоцѣнныхъ камней. Разбирая свое хранилище, Благочестивая объяснила тогда келейницѣ, что владѣющій этою вещью освобождается отъ наказанія за грѣхи, какъ бы они ни были велики. Тогда она сказала еще, что смерть ей не страшна, но да будетъ благословенъ тотъ, кто подастъ ей это копье въ минуты смертнаго часа.

Анна исполнила теперь этотъ завѣтъ и вложила въ руки умиравшей спасительную реликвію. Умиравшая точно поздоровѣла, такъ повліяла на ея угасавшій духъ мысль о дарованномъ ей всепрощеніи. Если не словами, то знаками она дала понять окружающимъ ее сестрамъ, что всю укладку съ реликвіями и съ цѣлительнымъ копьемъ она завѣщаетъ келейницѣ, половину состоянія даритъ обители и половину сыну-императору.

Коѳіасъ сдержалъ обѣщаніе. Дроммона его промчалась стрѣлою къ дворцовой пристани, гдѣ его ожидали сотни родственниковъ, предполагавшихъ встрѣтить все населеніе Влахернской обители. Ожиданія ихъ не сбылись. Не говоря ни съ кѣмъ, кормчій направился чуть не бѣгомъ во дворецъ, неся въ шелковомъ платкѣ посланіе императору.

Императоръ находился въ засѣданіи, въ которомъ устанавливали окончательно планъ защиты Константинополя. Понятно,

что въ залу этого засѣданія никто не смѣлъ входить безъ особаго разрѣшенія императора. Преддверники знали однако, что Францъ, только что прибывшій изъ Трапезунда, пользовался правомъ входа безпрепятственно. Выслушавъ секретный докладъ Корѳіаса, Францъ рѣшился нарушить строго соблюдавшійся порядокъ. Войдя въ залъ совѣта и положивъ себѣ на голову посланіе обители, онъ опустился на колѣни передъ императоромъ, что уже говорило о событіи необыкновенной важности.

Засѣданіе имѣло чрезвычайный характеръ. Было докладываемо поочередно лагоѳетомъ, тріерархомъ и Джустиніани обо всемъ, происходившемъ въ сторонѣ оттомановъ. Джустиніани не скрывалъ, что изъ Адріанополя надвигаются несмѣтныя силы, которыя задерживаются временно непроходимыми дорогами. Отлитая Орбаномъ чудовищно колоссальная пушка, несмотря на впряженныхъ шестьдесятъ паръ воловъ, едва-едва двигалась; по временамъ она погружалось въ топкихъ мѣстахъ по самыя оси.

Послѣ краткаго вполголоса доклада Франца императоръ прервалъ засѣданіе, объявивъ, что въ обители на о. Іоаннополѣ случилось великое горе, о которомъ онъ долженъ переговорить съ прибывшимъ посланцомъ. Члены совѣщанія оставили тотчасъже залу, а вмѣсто нихъ былъ введенъ кормчій дромоны всѣмъ извѣстный Корѳіасъ.

Пробѣжавъ извѣщеніе обители, императоръ глубоко вздохнулъ, перекрестился и погрузился въ раздумье.—«Моя мать, а ваша бывшая императрица готовится перейти въ селенія праведныхъ. Да будетъ такъ, какъ угодно святому Промыслу», объявилъ онъ Францу и Корѳіасу. «Тяжелы наши времена, каждая минута на счету, но интересы царства не пострадаютъ, если я отлучусь изъ столицы на однѣ сутки. Поэтому пусть лагоѳетъ станетъ на стражѣ гражданскихъ порядковъ, а Джустиніани пусть продолжаетъ строить защиту съ сухого пути. Ты, Францъ, поспѣши къ всеблаженному Антисѳену и попроси его потрудиться поѣздкою со мною на о. Іоаннополь. Врачъ Пиксодаръ пусть туда же послѣдуетъ со всѣмъ своимъ медицинскимъ приборомъ. Пусть всѣ наши дромоны слѣдуютъ немедленно къ острову и да помогутъ намъ Влахернская Богородица, Николай чудотворецъ и всѣ святые».

Пропонтида дышала точно живое существо съ здоровыми легкими—ровно, безъ припадковъ; буревѣстники не рѣяли какъ безумные надъ флотиліей, а мѣрно вздымались и опускались на пѣнистыхъ гребняхъ волнъ. Маякъ бездѣйствовалъ. Францу хотѣ-

лось развлечь своего повелителя и друга и, испросивъ его разрѣшеніе, онъ передалъ подробности о своей поѣздкѣ въ Трапезундъ. Поѣздка была выполнена имъ по волѣ умиравшей теперь царицы и въ согласіи съ волею націи и духовенства. Послѣ бездѣтнаго императора Византія перешла бы подъ начало Ѳомы или Дмитрія, но оба они были несимпатичны византійскому народу.

— «Тебѣ, государь, доложено справедливо, что трапезундская княжна превзошла красотою—прости за сравненіе—даже такую всемірную красавицу, какъ Навзикая съ Лесбоса, но красотою и только. Объ ея душѣ и сердцѣ я не могъ составить вѣрнаго понятія по малому времени пребыванія моего въ Трапезундѣ. Видно только, что она безсердечна и оправдываетъ нашу старую поговорку о томъ, что умъ и сердце не уживаются съ красотою. Объ умѣ же ея могу судить потому, что ему легко обнаружиться съ полуслова. Я спросилъ княжну, какъ глубокъ по ея мнѣнію понтъ Эвксинскій противъ Трапезунда.—«Я не намѣрена топиться», отвѣтила княжна презрительно, «и поэтому не справлялась о глубинѣ понта». Съ своей стороны и она удостоила меня вопросомъ: «не слышно ли въ Константинополѣ, какъ шипитъ море, когда въ него опускается солнце?». Теперь суди самъ, государь, можетъ ли такая особа облечься въ санъ императрицы византійской? Не будетъ ли изъяномъ твоей чести, когда придутъ послы изъ Рима или хотя бы люди Магомета и станутъ докладывать царицѣ, что когда солнце садится, то никакого шипѣнія не бываетъ; она же настойчиво будетъ твердить свое: бываетъ, да и только! Вѣдь родъ Кантакузеновъ отличается великимъ упорствомъ».

Императоръ видимо порадовался тому, что намѣченная общественною молвою невѣста оказалась недостойною явиться подъ короною Византіи. Францъ привыкъ понимать своего царственнаго друга и безъ подробныхъ разъясненій и указаній. Теперь ему было внушено передать сановникамъ, патріарху и оповѣстить въ ипподромѣ, что трапезундская невѣста славна наружною красотою, но слаба умомъ и сердцемъ. Отъ себя онъ добавилъ кое что такое, что уменьшало и самую прелесть красоты, причемъ сравнилъ ее съ сербскою принцессою Анною, до которой не дорости и во вѣки трапезундской княжнѣ.

По высадкѣ на островъ врачъ отправился первѣе другихъ въ покой умиравшей настоятельницы. Ему слѣдовало вызнать—перенесетъ ли она безъ потрясенія встрѣчу съ сыномъ. Тѣмъ временемъ императоръ слушалъ докладъ намѣстницы матери-

казначеи о послѣднихъ часахъ Благочестивой. Докладчица ничего не скрыла:—«По уставу ни дѣти, ни взрослыя послушницы, не смѣли купаться въ открытомъ морѣ; но нельзя было освѣжиться и въ бассейнѣ на островѣ, такъ какъ онъ застоялся и покрылся зеленою корою. Благочестивая разрѣшила пожить нѣкоторое время по своему желанію и вотъ отсюда и произошло все несчастье».

Благодушно и милостиво выслушалъ императоръ докладъ замѣстительницы, перемежавшей свое признаніе восклицаніями: «грѣхи, неотмолимые грѣхи!». Врачъ возвратился съ скорбнымъ лицомъ. Мгновенія земной жизни были уже на исходѣ. Вѣки умиравшей опускались все ниже и ниже; патріарху и сыну слѣдовало поторопиться.

Возлѣ ея ложа, на колѣняхъ, стояла Анна, наблюдавшая, чтобы изъ рукъ умиравшей не выпала спасительная реликвія. Она не обернулась и даже не привѣтствовала поклономъ императора. Но вотъ вѣки окончательно смежились. Патріархъ, читавшій отходную, провозгласилъ—аминь. Сынъ положилъ на вѣки по золотой монетѣ, не подозрѣвая, что этотъ обычай сохранился отъ язычества какъ дань Харону.

Вынувъ копье-реликвію изъ окоченѣвшихъ рукъ умершей, келейница поднесла его императору и очень зардѣлась, когда онъ мягко и сердечно отклонилъ ея руку. Въ ту пору, когда таинство смерти совершало свой послѣдній актъ, шло напряженное переселеніе обители на дромоны. Теперь уже не считались съ уставомъ. Впрочемъ матросы сами предоставили дѣтямъ вынуть образъ Богоматери изъ кіота и перенести его при пѣніи гимна на дромону.

Слѣдовало торопиться, такъ какъ на маякѣ вновь заработали крылья съ предупрежденіемъ о возобновившемся движеніи оттомановъ. Не время было считаться съ правилами обители. Моряки Коpѳіаса подхватывали на руки дѣтей и подростковъ и уносили ихъ какъ пушинки на суда. Взрослыя торопились и сами оставить обитель на произволъ судьбы; малютки, не понимая, что творится передъ ними, восклицали: «Турки идутъ, турки!». Старшія закрывали имъ рты.

Перенесли и умершую на дромону, на которой помѣстились только императоръ, патріархъ, Францъ и келейница Анна. Сестеръ пересчитали и хотя всѣ онѣ оказались налицо, но нѣсколько добровольцевъ сами разбѣжались по острову съ вопросомъ: нѣтъ ли живой души? Турки идутъ, турки! Объ имуществѣ не заботились, пусть имъ распорядится судьба!...

Флотилія двинулась къ Золотому Рогу. Византія покидала навсегда островъ, что душевно трогало нервно настроенныхъ сестеръ обители. Одной изъ нихъ почудилось, что тамъ, за плечами, кто-то плачетъ и вопитъ:—«За что вы покинули меня? За какіе грѣхи?». Вопли эти были услышаны вскорѣ многими дѣтьми и до того отчетливо, что матери-намѣстницѣ пришлось еще разъ пересчитать большихъ и малыхъ, но всѣ онѣ оказались на лицо. Вопли же продолжались, пока не было рѣшено, что то вздохи и слезы покинутой обители.

На полупути встрѣтилась дромона, высланная изъ Золотаго Рога съ приказаніемъ доложить императору, что каики турокъ двинулись отъ о. Родоста и что не далѣе какъ черезъ двое сутокъ они могутъ показаться у береговъ столичныхъ водъ. Вѣсть эта была передана на всѣ дромоны, которыя везли слишкомъ драгоцѣнныхъ пассажировъ, чтобы можно было рисковать встрѣчею съ насильниками, располагавшими громадною вооруженною силою.

Когда завѣдывавшій сторожевою службою—великій друнгарій виглы—убѣдился, что и послѣдняя дромона императорской флотиліи перешла за линію цѣпи, онъ подалъ знакъ замкнуть послѣднюю и прервать сообщеніе съ Золотымъ Рогомъ. По данному знаку съ императорской дромоны флотилія остановилась, не доходя къ берегу, на который быстро переправился доместикій, обязанный наблюдать за исполненіемъ императорскихъ повелѣній. Именемъ императора были приглашены на дромону великій этеріархъ, примикирій и другіе члены церемоніймейстерской части. Они выслушали личное приказаніе императора устроить похороны его матери наиболѣе пышныя, которыя бы свидѣтельствовали, что Византія не страшится и нашествія оттомановъ и что не забыты тѣ дни, когда императоры изумляли весь міръ своимъ великолѣпіемъ.

Неудобно было этеріарху или протовестіариту доложить императору, что они только по названію церемоніймейстеры, такъ какъ и самыя знаки ихъ достоинства давно уже пошли на игрушки дѣтямъ. Но все же было еще достаточно молодыхъ людей, которые охотно явились передъ толпой, чтобы покрасоваться показнымъ величіемъ.

Кортежъ вышелъ давно невиданнымъ въ стѣнахъ Константинополя. Патріархъ шествовалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ, утратившихъ свои епископіи. За покойницей слѣдовалъ императоръ, у стремени котораго держался протокинигъ. За нимъ надлежало бы идти скутерію со знаменемъ и щитомъ

императора, а затѣмъ отряду варяговъ, но на этотъ разъ варяги были помѣщены длинными шпалерами, между которыми проходили стройными рядами воспитанницы Влахернской обители, производившія на глазѣвшую толпу умилительное впечатлѣніе. Народъ любовался совершенно чистосердечно этими безплотными, какъ казалось, созданіями творческой силы. Народу представлялись совершенно лишними и великій паппій, и епархъ, и протостраторъ. Что-же касается до протопанкрита, то взгляды толпы были далеко не въ его пользу. Дѣло въ томъ, что будучи первымъ судьею, онъ нисколько не заботился о судейской честности и судебную часть Византіи корпли въ послѣднее время подкупами и взяточничествомъ. Онъ былъ не выше въ глазахъ толпы стратопедарха, доставлявшаго войску дурные припасы. Нехорошіе взгляды вызывали и протонаторіи, извлекавшіе изъ своихъ секретарскихъ обязанностей незаконные поборы. Вообще въ процессіи собрались какъ нарочно всѣ элементы проявившагося развала страны.

Могилу для покойной приготовили посрединѣ Св. Софіи подъ большимъ паникадиломъ, гдѣ обычно происходило только освященіе хлѣбовъ и міропомазаніе. Службу отправлялъ патріархъ. Несмотря на торжественный характеръ службы, клиръ и священники вплоть до епископовъ вели весь процессъ погребенія такою скороговоркою, точно они собрались сюда для дружеской бесѣды. Насторожившп вниманіе, можно было понять не болѣе какъ десятое слово, а все остальное сливалось въ одно тягучее словоизверженіе.

Торжественная служба, какою отличалась старая Византія, дѣйствительно побуждавшая къ бесѣдѣ съ неземнымъ міромъ, обратилась уже къ этому времени въ нѣчто формальное, для присутствовавшихъ мало интересное. Всѣ пріемы выполнялись на-отмашь, точно передъ образомъ Николая Чудотворца кадили въ особое ему одолженіе. Прочимъ образамъ кадили какъ-то огуломъ, точно хотѣли дать понять апостоламъ и угодникамъ, что ладонъ вовсе не для нихъ принесенъ, а что имъ достаточно и погасшаго уголька.

Увы! это паденіе религіознаго культа жестоко отразилось на нравственной сторонѣ народной массы. Она осуждала свой клиръ за эту фабричную работу, хотя и съ своей стороны ослабляла могучую силу вѣры, безъ которой Византія, воспитанная въ религіозной колыбели, забывала, что она Византія. Византійцы охотно братались въ послѣднее время съ иновѣріемъ. Гаремы мусульманъ были уже наполнены христіанками, изъ

которыхъ немногія выговаривали себѣ право оставаться при своей вѣрѣ; наоборотъ, мусульмане вовсе не входили въ христіанскія семьи и только въ рѣдкихъ случаяхъ водили съ ними секретную дружбу.

Унылую и тягостную службу скрасили хоры сестеръ, которыя по особому благословенію патріарха замѣнили на этотъ разъ мужскіе хоры. Послѣдніе прибѣгали къ чудовищнымъ нотамъ и пренебрегали чувствами, какія надлежало поселять въ душахъ присутствовавшихъ. Былъ моментъ, когда хоръ обители вдругъ прервалъ пѣніе, потому что отъ полноты чувства зарыдали подростки, а за ними и старшія по возрасту сестры. Замѣшательство это не умалило высокое значеніе погребальнаго псалма; напротивъ, рыданія охватили весь соборъ Св. Софіи. Рыдалъ императоръ Константинъ, рыдали кесари, деспоты, доместики, дуксы, логоѳетъ. Рыданія сообщались предѣламъ, оградѣ, улицѣ.....

Сварливый характеръ византійца нашелъ и здѣсь предлогъ къ перебранкамъ и личнымъ счетамъ. Въ этотъ же день было извѣстно, что кто-то изъ партіи синихъ подсмѣялся грубо надъ сестрами обители, чѣмъ и вызвалъ ссору съ партіей зеленыхъ. Ссора разрослась и перешла на политическую подкладку; она должна была разрѣшиться по обычаю въ ипподромѣ.

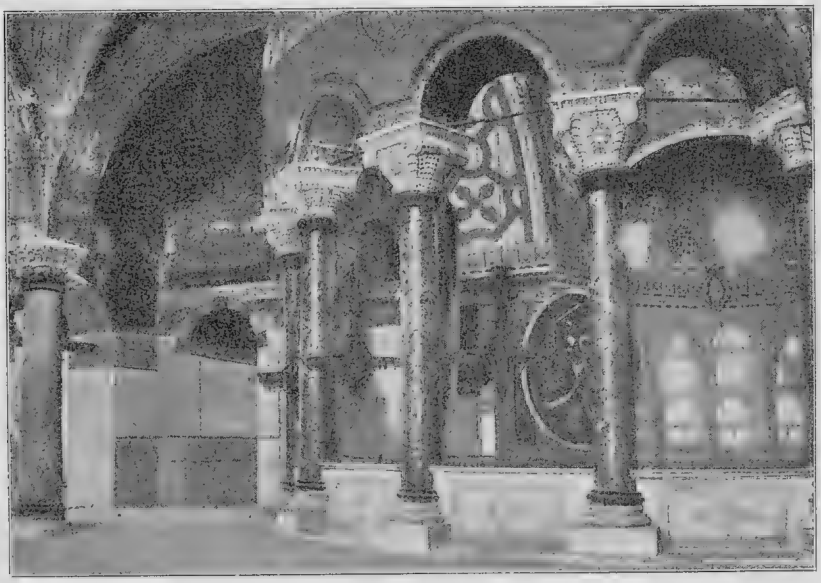
Когда могила была уже закрыта, церемоніарій по приказанію императора пригласилъ въ ризницу патріарха, Франца, логоѳета и нѣсколько другихъ сановниковъ для выслушанія сообщенія келейницы Анны о послѣднихъ минутахъ жизни Благочестивой игуменьи. Анна ничего не скрыла изъ происшедшихъ событій. Патріарху показалось, что онъ долженъ отнестись очень строго ко всему сонму сестеръ, нарушившихъ уставъ обители, и уже готовился произнести карательное слово, но императоръ подалъ милостиво свою руку келейницѣ для поцѣлуя. Послѣ того уже не было мѣста для суроваго наставленія.

Послѣдній погребальный актъ завершился по обычаю въ трапезной, въ которую не была приглашена келейница умершей только потому, что патріархъ возсталъ бы противъ такого нарушенія установленнаго церковью обряда. Здѣсь патріархъ былъ властелиномъ всѣхъ порядковъ. Тогда императоръ отдалъ громко повелѣніе помѣстить всю обитель въ апартаментахъ Влахернскаго дворца. Мать-казначея была повышена въ настоятельницы, а сестра Анна сдѣлана ея намѣстницею, но безъ монашескаго обѣта. Патріархъ не могъ быть доволенъ вмѣшательствомъ императора въ область его вѣдѣнія, но все обошлось

какъ желалъ Палеологъ. Общину проводилъ ко дворцу отрядъ варяговъ; кромѣ того и партія зеленыхъ выставила шпалеры, не допускавшія и мысли о какой-нибудь обидѣ со стороны синихъ. Ссора ихъ могла закончиться большимъ кровопролитіемъ, несмотря на то, что каждая капля крови византійцевъ необходима была на защиту отечества. Отечество отодвинулось какъ-то въ сторону, хотя всѣ три крыла Фароса продолжали работать безъ перерыва. Все окрестное населеніе было приведено уже въ крайнее возбужденное состояніе. Отовсюду—и сухопутьемъ и морскимъ путемъ—спѣшили сотни, тысячи народа подъ защиту столичныхъ стѣнъ, о которыхъ говорили, какъ о недоступныхъ твердыняхъ. Пастухи бросали стада, монахи бросали монастыри, землепашцы разставались съ землею, жуиры покидали виллы на чудномъ берегу Пропонтиды, и всѣ поголовно спѣшили въ столицу.

По окончаніи печальной церемоніи Константинъ потребовалъ коня и отправился къ воротамъ Св. Романа, которымъ предстояло выдержать упорный штурмъ дервишей, янычаръ и многихъ регулярныхъ таборовъ.

Ворота были закрыты. Цѣпь у Золотого Рога замкнута. Что же сулитъ Провидѣніе первой столицѣ православія?



Константинополь XX в. Галлерея въ Айя-Софіи.

XVII.

Наступленіе бѣдствія.

ПО СТЕПЕНИ развращенности нравовъ фарисейское большинство духовенства Византіи шло впереди всѣхъ классовъ населенія. Располагая реликвіями и святынями, оно затемнило весь здравый смыслъ и безъ того не богатаго культурою населенія. Послѣднее, вмѣсто живой, бодрой самодѣятельности, возложило всѣ свои надежды и упованія на чудеса, которыя должны были появляться вездѣ и при всякаго рода обстоятельствахъ.

Духовенству нужны были реликвіи и святыни единственно для поддержанія въ народной массѣ высокаго о себѣ мнѣнія. Не было храма или монастыря, который не требовалъ бы слѣпой вѣры въ принадлежавшіе ему, и только ему одному, символы чудеснаго. Насколько они отстаивали свою собственность, видно изъ тѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя вело духовенство даже съ императорами, когда эти переводили реликвіи въ свои домовыя церкви. Константинополь велъ подобнаго же рода тяжбу съ Аѳинами. Побужденіями къ сутяжничеству служили неизмѣнно матеріальные, а не духовные интересы, что доказывается высокими оцѣнками предметовъ поклоненія. О числѣ же и сущности этихъ предметовъ знаменитый путешественникъ Рюи Гонзалесъ де-Клавиго оставилъ потомству довольно подробное описаніе.

Изъ его дневника видно, что сверхъ распроданныхъ при Балдуинѣ II святынь, константинопольское духовенство показы-

вало въ 1403 г. многіе предметы изъ области сверхъестественнаго и чудеснаго. Въ храмѣ Св. Софіи путникамъ—разумѣется достаточно знатнымъ и богатымъ—показывали камень, на которомъ сама природа, безъ помощи человѣка, изобразила все Св. Семейство. Храмъ Св. Іоанна былъ особенно богатъ собраніемъ изумительно сохранившихся реликвій. Здѣсь, въ золотыхъ ковчегахъ, можно было видѣть хлѣбъ, данный Іудѣ Іисусомъ Христомъ на Тайной Вечерѣ въ знакъ предстоявшаго предательства. Въ хрустальномъ ларцѣ хранилась кровь І. Х., которая потекла изъ его бока, когда воинъ ранилъ его копьемъ. Здѣсь же находились кусокъ трости, которою били по главѣ І. Х. передъ Пилатомъ и губка съ уксусомъ и желчью. Въ серебряномъ ковчегѣ лежала одежда І. Х., о которой воины Пилата бросали жребій. Позднѣе, какъ извѣстно, одна половина подобнаго же хитона была пріобрѣтена Петромъ Великимъ, а другая половина куплена Екатериною II. По сличеніи впослѣдствіи обѣихъ половинъ оказалось, что онѣ сотканы по одному образцу, но только на одну и ту же правую сторону. Монастыри Св. Франциска и Св. Павла были богаты костями св. угодниковъ; здѣсь были кости: Андрея, Николая, Людовика французскаго, Луки Евангелиста, Игнатія, Стефана Первомученика, Анны, Василія, ручныя кости Св. Маріи Магдалины и кость изъ бока Св. Екатерины. Наконецъ были и просто ковчеги съ «костями Невинныхъ» безъ названія и три головы отъ одиннадцати тысячъ дѣвъ. По словамъ очевидца Клавиго, всѣ эти драгоцѣнности были «хорошо убраны» золотомъ, камнями, жемчугомъ.

Народъ и прежде стекался къ этимъ святынямъ, теперь же онъ жарко молился передъ ними, плакалъ и проникался убѣжденіемъ, что при такомъ разнообразіи святынь Константинополь будетъ избавленъ чудеснымъ образомъ отъ побѣдоносной силы оттомановъ.

За развращенностью духовенства слѣдовала развращенность служилаго класса, не исключая полководцевъ и судебнаго института. По выраженію современника, судьи наживались на слезахъ невинныхъ, а достоинство военнаго элемента заключалось только въ горделивой осанкѣ и въ цвѣтныхъ сукнахъ.

Ко времени наступленія опасности нобили и капиталисты утратили всякое понятіе о патріотизмѣ и озабочивались лишь приготовленіями къ поспѣшному бѣгству. Одни разсчитывали устроиться въ Трапезундской имперіи, гдѣ Кантакузены считали себя внѣ политической опасности, другіе могли перебраться морскимъ

путемъ—въ Крымъ, въ срединную Европу и далѣе на западъ. Были и такія огорченныя аристократическія фамиліи, которымъ ничего не стоило перейти въ лагерь оттомановъ, хотя бы даже и съ принятіемъ мусульманскаго культа.

Народная масса боялась оттомановъ, но боялась инстинктивно какъ насильниковъ, готовыхъ отнять сестру, дочь, быка и даже послѣднюю плетенку съ кукурузою. Убѣгая подъ защиту столичныхъ башень и властной руки императора, поселяне нисколько не предавались въ этомъ случаѣ идейнымъ помысламъ о святости долга, о любви къ родинѣ и даже не заботились о сохраненіи прародительской вѣры. Много способствовали этому нравственному одеревенѣнію арендаторы земель и сборщики податей, доведшіе народъ до постоянныхъ голодовокъ и нищеты, передъ которою и дервишъ могъ-бы еще повеличаться своею кубышкой.

Разсчитывая на чудеса, какъ на могущественную верховную помощь, византійцы указывали, что ихъ столица много разъ находилась въ осадномъ положеніи и все же она чаще удерживала свои городскія ворота на запорѣ, нежели отдавала ихъ насильникамъ и побѣдителямъ. Сарацины дважды упрекали передъ ея стѣнами Аллаха за оставленіе ихъ безъ помощи. Латинамъ временно счастливилось: франки по уговору съ венеціанцами раздѣлили было между собою Византію и даже отправили ворота столицы въ Іерусалимъ, но ихъ союзъ продолжался не долго. Являлись сюда персы, болгары и даже авары; наконецъ и русскимъ понадобилось прибить къ городскимъ воротамъ щитъ Олега, но на этомъ безкровномъ подвигѣ и окончилась русская затѣя...

Далеко не въ видѣ захватчика явился теперь Мухамедъ II, расположившій свои многочисленные таборы вдоль всей стѣны Константинополя. Съ этою цѣлью онъ стянулъ отовсюду регулярныя войска, оставивъ въ Адріанополѣ и вообще на полуостровѣ одни охранные отряды для удержанія непокорныхъ христіанъ въ повиновеніи. Лагерь образовался въ нѣсколько линій, протянувшихся отъ Пропонтиды до Эвксинскаго понта.

Кромѣ регулярныхъ войскъ, обученныхъ въ извѣстной мѣрѣ тогдашнимъ пріемамъ войны, султанъ велѣлъ оповѣстить всюду, гдѣ славили имя Аллаха, о сборѣ добровольцевъ для образованія резервной силы. Дервиши обѣщали такимъ добровольцамъ какъ долю въ славѣ и добычѣ на землѣ, такъ и участіе въ будущихъ блаженствахъ рая.

Особо намѣченные инструкторы вольныхъ дружинъ выставили свои бунчуки на азіатской сторонѣ Босфора, гдѣ легче было добывать средства для пропитанія подходившихъ голодныхъ людей. Тамъ паслись несчитанные стада барановъ, хозяева которыхъ охотно жертвовали ихъ ради возможности войти этимъ путемъ въ сонмъ участниковъ райскихъ наслажденій.

Возлѣ каждаго выставленнаго на берегу Босфора бунчука находились дервиши, повара, сапожники, онъ-баши и юзъ-баши, которымъ предстояло обучать степняковъ военнымъ пріемамъ.

Назначеніе поварни понятно само собою. Можно только замѣтить, что каждый скиталецъ нищій, ставъ подъ бунчукъ, могъ наѣдаться хотя бы до утраты разсудка. Большинство ихъ не обувалось съ рожденія, а теперь подъ бунчукомъ находились цѣлыя горы обуви, заготовленной изъ шкуръ только что убитой скотины. Нѣкоторые юзъ-баши запаслись въ сажень и болѣе длиною трубами, при помощи которыхъ приставленные къ нимъ люди зычно оглашали окрестности.

Собравшіеся на азіатскомъ берегу таборы добровольцевъ горѣли нетерпѣніемъ перейти къ стѣнамъ Константинополя, но султанъ медлилъ ихъ призывомъ, что объяснялось его стратегическими планами. Въ теченіе дня ничѣмъ не занятые люди частью безцѣльно болтались по прибрежью, а частью работали надъ подготовкою плавучаго моста. Ко времени послѣдняго намаза они собирались къ своимъ бунчукамъ, гдѣ слушали поученія дервишей и начальниковъ, достаточно опытныхъ въ поднятіи сильнаго воодушевленія.

Дервиши, совершенно не знакомые съ писаніемъ, полагались на свое знаніе нѣсколькихъ стиховъ корана, на невѣжество слушателей и на заученные пріемы декламаторовъ. Они умѣло обращали къ небу восторженно настроенные зрачки, при чемъ бормотали какъ бы вдохновенныя, а въ сущности ничего не выражавшія, рѣчи.

На вертѣлахъ шипѣли еще сочные куски баранины и курдюковъ, какъ дервиши занимали уже почетныя позиціи и заводили пріятную Аллаху бесѣду. Слушателямъ приходилось двоить свои помыслы между вертѣломъ и тѣми радостями, какія ожидали ихъ въ будущей жизни.

Тысяча пылавшихъ костровъ, вступавшихъ въ споръ съ плеядами яркихъ звѣздъ, должны были наводить ужасъ на защитниковъ Константинополя, со стѣнъ котораго были ясно видны продолжавшія прибывать резервныя силы оттомановъ.

Въ этомъ обширномъ лагерѣ шло своего рода ликованіе по поводу предстоявшей побѣды надъ невѣрными.

Каждая группа считала своею духовною обязанностью, выслушавъ стихъ корана или личное поученіе дервиша, выразить свое чувство удовлетворенія громовымъ—Аллахъ акбаръ! Восклицаніе это неслось черезъ проливъ къ стѣнамъ столицы, отрѣзанной отъ всего міра.

Излюбленные тою или другою группою дервиши могли сидѣть молча часъ и два, какъ бы погруженные въ созерцаніе высшихъ духовныхъ порядковъ, но стоило имъ произнести:— «Истинно вѣрующихъ Аллахъ введетъ въ райскіе сады»,—какъ слѣдовалъ общій взрывъ ликованій. Настроеніе это сообщалось ближайшей группѣ и тоже переносилось черезъ проливъ къ холмамъ, гдѣ и разражалось неумолчнымъ эхомъ. Поощренный такимъ успѣхомъ дервишъ оканчивалъ свое вдохновенное слово указаніемъ на то, что хотя невѣрные и наслаждаются здѣсь, на землѣ, но все же ихъ обиталищемъ будетъ огонь геенны!—«Да, да, огонь геенны!» подхватывали слушатели, повышавшіе умышленно свои обычныя голосовыя ноты.

Въ другой группѣ проповѣдникъ, сохраняя общій пріемъ душевнаго экстаза, вразумлялъ несвѣдущихъ людей стихами корана, не стѣсняясь добавлять къ нимъ и плоды собственнаго вдохновенія.—«Пророкъ сказалъ: воюйте съ невѣрными ревностно и неутомимо. Избравъ васъ для войны съ ними, Аллахъ не возложилъ на васъ ничего непосильнаго. Но онъ знаетъ, что среди васъ есть лѣнивые и непокорные, поэтому онъ назначилъ праотца Авраама записывать тѣхъ, кто нерадивъ въ войнѣ къ славѣ Единого. Знайте это и бойтесь». — Группа слушателей, проникнувшись справедливостью укоризнъ, облегчала свое нечестивое поведеніе общимъ глубокимъ вздохомъ. Эту горечь жизни нужно было смягчить и догадливый дервишъ продолжалъ:—«Помните, что убитые на пути Божіемъ только кажутся мертвыми, а въ сущности они только преображены въ лучшія одежды и спѣшатъ къ своимъ конямъ, на которыхъ уже красуются сѣдла съ блестящими украшеніями». Сокрушеніе о грѣхахъ исчезало и группа принималась благодарить своего дервиша, точно онъ велъ уже въ поводу этихъ богато осѣдланныхъ коней.

Болѣе воинственно настроенные дервиши придерживались поученій пророка о безжалостномъ отношеніи къ невѣрнымъ.— «Сражайтесь на пути Божіемъ со всѣми, кто заявитъ себя непокорнымъ Единому. Избивайте ихъ всюду, гдѣ только застиг-

нетъ ваша рука, иначе они заставятъ васъ отступить отъ нашей вѣры, а отступникамъ предстоитъ вѣчное пламя геенны». Слушатели, успѣвшіе запастись ятаганами, хватались за ихъ рукояти, а на другомъ берегу неслось эхо, грозившее отступникамъ вѣры пламенемъ геенны.

Юзъ-баши дополняли проповѣдниковъ болѣе близкими къ землѣ картинами успѣшной войны съ невѣрными. Благодаря милостямъ Аллаха мусульманамъ принадлежала, по ихъ словамъ, половина міра, недоставало только Константинополя, чтобы весь міръ былъ во власти оттомановъ. Тогда красивымъ плѣнницамъ не будетъ счета. Золотомъ будутъ полны переметные мѣшки, и въ каждой кубышкѣ дервиша, не смотря на ихъ кажущуюся святость, найдутся по сотнѣ тяжелыхъ византинъ. Вотъ какъ будутъ обогащены люди пророка, когда они вторгнутся во дворцы императоровъ, въ церкви, осыпанныя золотомъ, въ рынки съ товарами всего міра.—«Туда можно войти съ однимъ поясомъ стыдливости», увѣряли юзъ-баши,—«и выйти въ красномъ халатѣ съ золотыми птицами на груди. Застежками будутъ служить бирюза и рубины. Даже тѣни калифовъ будутъ выглядывать изъ гробницъ Дамаска и любоваться героями—побѣдителями цезарей!»—Степенные слушатели поглаживали бороды съ чувствомъ наслажденія, точно передъ ихъ глазами уже мелькали великолѣпныя одежды съ полными карманами золота.

Для молодаго народа юзъ-баши приподнимали завѣсу надъ картинами соблазнительнаго характера. По ихъ словамъ, тѣ дивы, тѣ геніи, которымъ подвластны и чародѣи и чародѣйки, проживали на островахъ Пропонтиды, топерь же они всѣ собрались въ Румъ, гдѣ всегда было ихъ главное пристанище. Они увлекли туда и дочерей, превосходящихъ своею красотою истинныхъ гурій рая. Кромѣ того дивы обладаютъ искусствомъ придавать человѣку въ сорокъ разъ больше доступнаго ему наслажденія. Дивы охотно перейдутъ во власть мусульманъ. Дочери ихъ какъ будто прячутся во дворцахъ, но это только одинъ видъ, а въ дѣйствительности, какая же изъ нихъ не промѣняетъ хилаго христіанина на героя съ бунчукомъ въ рукахъ!

Незрѣлая молодежь, просвѣщенная своими инструкторами, отвѣчала имъ гоготаньемъ, нѣсколько схожимъ съ ржаніемъ арабскихъ коней.

Костры гасли. Не оставалось ни одного недоѣденнаго кусочка бараньяго курдюка, но въ группахъ продолжали перешептываться о добычѣ, какая достанется послѣ разгрома столицы. По слухамъ, золотыя одежды слѣдовало искать въ храмѣ

Софіи, золото въ подземельяхъ Галаты, а дочерей геніевъ во Влахернскомъ дворцѣ.

Наконецъ и на азіатс берегъкій пришла вѣсть, что султанъ приказалъ приступить къ строгой осадѣ столицы Византіи, а также получилось приказаніе приготовиться къ переправѣ на европейскую сторону.

Приказаніе приступить къ осадѣ было дано Мухаммедомъ его первому визирю Калиль-пашѣ, котораго завистники подозрѣвали не только въ расположеніи къ христіанамъ, но и въ тайныхъ сношеніяхъ съ императоромъ Константиномъ. Зная, что визиръ пользовался прозвищемъ молочнаго брата невѣрующихъ, слутанъ предостерегъ его на счетъ опасности обладать большимъ количествомъ золотыхъ византинокъ, но Калиль сумѣлъ подольститься и къ самому султану, передъ которымъ палъ ницъ съ подношеніемъ колоссальной вазы съ червонцами. Затѣмъ уже слѣдовало обычное витіеватое увѣреніе о рабской вѣрности и о готовности принести въ жертву жизнь и состояніе.

Рѣшеніе приступить къ осадѣ состоялось, когда въ лагерь доставили наконецъ пушку Орбана. Она была вѣсомъ въ тридцать тысячъ фунтовъ, снаряды для нея готовили изъ чернаго аспида въ 1200 фун. Доставка ея изъ Адріанополя потребовала на протяженіи 150 миль 60 воловъ и 400 человѣкъ. Пробное ядро она выбросила на разстояніи мили, а затѣмъ снарядъ углубился въ землю на глубину сажени. Результатъ пробнаго выстрѣла нѣсколько разочаровалъ турокъ и ободрилъ византійцевъ; обѣ стороны ожидали болѣе разрушительнаго дѣйствія. Кромѣ того сдѣлалось извѣстнымъ, что пушка, какъ бы ее неохлаждали, не выдержитъ болѣе восьми выстрѣловъ въ сутки.

Въ Константинополѣ насчитывалось въ ту пору до ста тысячъ взрослыхъ мужчинъ. По повелѣнію императора былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ встать въ ряды защитниковъ, но ихъ оказалось менѣе, нежели числилось членовъ въ ипподромѣ. Защиту пришлось возложить на шесть тысячъ византійцевъ, сохранившихъ еще любовь къ родинѣ, и на три тысячи иноземцевъ, согласившихся продолжать службу за двойную плату. Наиболѣе сильная дружина защитниковъ состояла изъ трехсотъ рыцарей, явившихся доброю волею на помощь гибнувшему христіанству. Въ общемъ, на каждаго вооруженнаго защитника приходилось не менѣе тридцати мусульманъ, считая въ числѣ ихъ и армію добровольцевъ.

Духовенство и торговые люди возлагали большія надежды на Михаила Архангела, а менѣе вѣрующіе солдаты и иноземцы

указывали на многія прорѣхи во рву и стѣнахъ, которыхъ не ремонтировали многіе годы. Ровъ былъ глубиною въ сто футовъ, а стѣны хотя и шли двойнымъ рядомъ отъ берега до берега, но передъ императоромъ умалчивали, что онѣ во многихъ мѣстахъ разрушились, а рвы заполнены городскимъ мусоромъ. Черезъ ровъ и стѣны проходили свободно цѣлыя десятилѣтія стада барановъ и гусей. Поправка стѣнъ въ виду пододвинувшагося непріятельскаго лагеря была уже невозможна.

Пушки Византіи, по сравненію съ пушкою Орбана, по образцу которой въ Адріанополѣ выливали уже десятки другихъ, казались дѣтскими игрушками. Изъ нихъ можно было стрѣлять снарядами величиною менѣе кулака. Орудія эти пришлось размѣстить въ башняхъ, болѣе солидныя изъ нихъ были выставлены на башнѣ Св. Романа. Впрочемъ оттоманы воскорѣ прикрылись руинами зданій, находившихся внѣ городскихъ стѣнъ и глубокими траншеями.

Арсеналъ Константинополя былъ богато снабженъ щитами, но не порохомъ и мушкетами. Огненныхъ снарядовъ было въ изобиліи; противъ нихъ мусульмане покрыли свои стѣнобитныя орудія и штурмовыя лѣстницы сырыми кожами и тѣмъ парализовали дѣйствіе губительнаго огня.

Монашествующіе собрались подъ защиту воинства въ числѣ многихъ тысячъ братьевъ и сестеръ, оставившихъ всѣ окрестные монастыри и не позаботившихся о запасахъ продовольствія. Съ этой стороны они являлись тяжелымъ бременемъ для осажденнаго города. При томъ-же, въ силу своего привилегированнаго положенія, они считали за собою право быть накормленными на счетъ казны или гражданъ, посвятившихъ себя мірскимъ дѣламъ. Въ благодарность за то они съ утра до ночи твердили о чудѣ. Оно запоздало, но должно было непремѣнно явиться. Оно даже показывалось то въ облакахъ, то на стѣнахъ, а чаще всего въ храмѣ Св. Софіи, гдѣ вспыхивали мгновенно при появленіи чуда всѣ сотни огоньковъ. Начальница общины не знала, что въ народѣ воцарилось убѣжденіе о появленіи чуда въ храмѣ, иначе она возстановила бы истину, объявивъ, что въ извѣстный часъ всѣ ея сестры входили въ храмъ и зажигали погаснувшія лампады.

Изъ грековъ не нашлось дѣятеля, способнаго руководить защитою города, поэтому императоръ избралъ главнокомандующимъ человѣка, пріобрѣвшаго на Эгейскомъ морѣ славу храбраго и умнаго распорядителя. Нравы того времени были таковы, что и Джіованни Гуліельмо изъ рода Джустиніани могъ гор-

диться подвигами пирата. Въ началѣ осады онъ уничтожилъ всю флотилію каиковъ, преграждавшихъ ему дорогу, и явился передъ цѣпью Золотого Рога. Цѣпь, разумѣется, опустилась передъ этимъ сторонникомъ Византіи. Сохраняя нравы пирата, Джустиніани выторговалъ у императора за свои будущія заслуги одинъ изъ островов Пропонтиды. Другіе защитники послѣдовали его примѣру и также выторговали себѣ и своимъ людямъ хорошіе кормы и награды.

Въ государственной кассѣ не было уже въ эту пору и византины на масло для лампады передъ иконой Св. Софіи. Между пиратами начался ропотъ. Предупреждая его гибельныя послѣдствія, императоръ распорядился секвестровать всѣ деньги, накопившіеся въ монастыряхъ и храмахъ Константинополя съ обѣщеніемъ возвратить все взятое въ тройномъ размѣрѣ. Нужно думать, что надежда на чудо не устраняла всей тяжести вопроса: что станется съ долгомъ, если Константинополь не устоитъ передъ непріятелемъ? Ясный отвѣтъ на этотъ знойный вопросъ усилилъ нерасположеніе чернаго духовенства къ императору, что и отразилось на народныхъ къ нему чувствахъ. Нерасположеніе это росло по мѣрѣ успѣховъ оттоманскихъ войскъ. Начались подозрѣнія въ измѣнѣ. Заговорили, что Галата съ ея торговыми и банкирскими домами вошла въ тайныя сношенія съ непріятелемъ и поэтому ни одинъ снарядъ не былъ направленъ въ эту богатую часть города.

Вообще отношенія между императоромъ и населеніемъ были ненормальны. Противъ императора возстали обѣ вліятельныя партіи ипподрома, изъ которыхъ одна стояла за Ѳому, а другая за Дмитрія, какъ болѣе полноправныхъ на занятіе трона. Весь ужасъ наступившаго бѣдствія не могъ образумить византійцевъ, готовыхъ политиканствовать и передъ ятаганомъ янычара. Если бы Господь не предоставилъ человѣку возможности хитрить и лукавить, то византійцу не стоило бы и родиться на свѣтъ Божій. Принципъ этотъ былъ особенно развитъ въ классѣ духовенства, патріархъ былъ нерѣдко хитрѣйшимъ изъ византійцевъ. Талантъ хитрости прокладывалъ нерѣдко путь грубымъ и необразованнымъ персонажамъ къ самому престолу патріарха. Императоры всегда побаивались патріаршихъ вылазокъ, направленныхъ отчасти къ тайному съ нимъ соперничеству и къ личной, далеко не безкорыстной, популярности.

Послѣ отобранія монастырскихъ капиталовъ, патріархъ объяснилъ Константину въ рѣзкой формѣ, что еслибы не наступившее бѣдствіе, то населеніе, падкое на бунты и заговоры,

высказалось бы противъ его царствованія и провозгласило бы императоромъ одного изъ его соперниковъ. Кромѣ того, онъ предложилъ всенародную исповѣдь, какъ одну изъ спасительныхъ мѣръ, вызывавшихъ въ старые годы непосредственную помощь небеснаго воинства. Императоръ не возражалъ. Все его прошлое было настолько кристально, что онъ могъ, не прибѣгая къ фарисейству, явиться передъ народомъ съ открытою душою. Патріархъ взялъ на себя составленіе программы всенародной исповѣди и всю религіозную ея обстановку.

Въ назначенный день, когда пушки Орбана разрушили уже башни надъ воротами Св. Романа, все населеніе Константинополя направилось въ храмъ Св. Софіи. Здѣсь, въ его оградѣ, монахи сообщали довѣрчивымъ слушателямъ, что императоръ выйдетъ на паперть въ одной рубашкѣ, подпоясанный веревкою и произнесетъ покаяніе во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Императоръ дѣйствительно появился на паперти, но не съ веревкою кающагося грѣшника, а во всемъ величіи торжественныхъ выходовъ. Онъ исповѣдывался всенародно. То была исповѣдь не человѣка, а властелина, обязаннаго дать отчетъ Богу объ управленіи страною. Какъ императоръ, онъ признавалъ себя виновнымъ въ поѣздкѣ къ латинянамъ, въ цѣлованіи папской туфли, въ согласіи на унію и въ намѣреніи соединить православіе съ католицизмомъ. Вотъ въ чемъ его великая вина! Если Господу угодно карать за нее, то пусть караетъ его одного, но не страну, не народъ, страждущій передъ смертнымъ боемъ съ насильниками. Если Господу угодно повременить карою, то пусть повременитъ до побѣды надъ насильниками и тогда онъ, императоръ Константинъ, передастъ доброю волею свою корону народу для возложенія на главу достойнѣйшаго.

Монахи ожидали какой-то другой исповѣди. Указаніе на одинъ государственный характеръ провинности имъ показалось мало. Императору слѣдовало, по ихъ мнѣнію, пройти всю свою жизнь отъ времени сознательнаго къ ней отношенія до послѣдней минуты покаянія.

Вечеромъ было закрытое засѣданіе синода, въ которомъ обсуждали поступокъ императора. Здѣсь патріархъ, обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ и выведенный изъ равновѣсія, обнаружилъ профессіональную тайну исповѣди.

На частной исповѣди еще недавно императоръ признался, что сердце его избрало въ жены особу, именуемую сербскою принцессою Анною, но онъ, патріархъ, не дастъ совершиться

этому великому грѣху. Дѣвица Анна находится въ родствѣ съ императоромъ, поэтому бракъ ихъ недопустимъ.

Синодальные отцы разумѣется понимали, что ихъ первый между равными открылъ тайну исповѣди и поступилъ далеко не канонически но... но пора было прекратить засѣданіе, такъ какъ пушки Орбана загремѣли почему-то съ удвоеннымъ стараніемъ. Оставляя залу засѣданія и обмѣниваясь прощальными лобзаніями, синодалы не могли удержаться, чтобы не передать другъ другу горестное замѣчаніе:—«Вотъ до какого бѣдствія довели бѣдную Византію грѣхи Константина»!

Константинополь XX в. Мечеть Валиде.

XVIII.

Міровое событіе—29 Мая 1453 года.

ПЕРВЫЙ день тѣсной осады Константинополя выпалъ на 6 Апрѣля 1453 г., когда послѣ второго намаза загрохотали всѣ выставленныя противъ него сто тридцать орудій. Надъ спѣшнымъ приготовленіемъ орудій адріанопольская мастерская трудилась день и ночь, чѣмъ и объяснили потомъ мастера множество обнаружившихся недостатковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ состояли въ прорывѣ газовъ съ казенной стороны, въ неумѣніи сплавлять мѣдь съ оловомъ, въ раковинахъ и пленкахъ, угрожавшихъ разрывами и гибелью артиллеристовъ. Самъ Орбанъ находился въ лагерѣ осады, гдѣ и руководилъ наводкою орудій на ворота и защитныя башни.

Передъ послѣднимъ намазомъ стрѣльба совершенно замолкла, поэтому Джустиніани побывалъ съ своими помощниками во всѣхъ наиболѣе опасныхъ пунктахъ, въ которые такъ настойчиво мѣтила непріятельская артиллерія. Результаты стрѣльбы оказались ничтожными. Ядра изъ аспида или впивались въ стѣны, или и сами разсыпались при столкновеніи съ толстыми стѣнами въ мелкіе осколки. Кое гдѣ были сбиты малыя подзорныя башни; въ двухъ-трехъ мѣстахъ жалобно стонали раненые верблюды, рушилась колокольня Св. Іоанна, но всѣ городскія ворота остались невредимыми.

Выслушавъ объ этомъ докладъ, императоръ попросилъ патріарха оповѣстить столицу объ избавленіи отъ бѣдъ со всѣхъ церковныхъ папертей.

Утромъ вновь загрохотали орудія, но тутъ явилось, по увѣренію монашествовавшей братіи, великое чудо. Пушки, заряженныя артиллеристами, огорченными вчерашнею неудачею, двойными снарядами, разрывались одна за другою. Разорвалось на части и первое колоссальное орудіе Орбана, при чемъ и онъ самъ, только что мечтавшій разбить ворота Св. Романа, былъ обращенъ въ кровавую мязгу.

Послѣ этого эпизода, тяжело отозвавшагося на психикѣ оттоманской стороны, Мухаммедъ распорядился ускорить всѣ приготовленія къ штурму. Его янычары презирали артиллерію. Янычарамъ вторили дервиши, взывавшіе къ храбрымъ сердцамъ броситься на штурмъ и ринуться въ бой хотя бы и съ завязанными глазами, но съ истинною вѣрою въ помощь пророка.

Султанъ однако помнилъ лучше дервишей и янычаръ, что штурмъ Константинополя безъ подготовки никогда и никому не удавался. Знаменосецъ пророка Эюбъ, покоившійся по ту сторону стѣнъ, какъ бы подсказывалъ султану, какъ избѣжать ошибки, которая погубила тогда десятки тысячъ сарацинъ.

Мухаммедъ не очень опечалился бы смертью и многихъ тысячъ волонтеровъ, но истребленіе ихъ могло повліять дурно на ядро его арміи. Поэтому подступъ къ стѣнамъ былъ поведенъ траншейными зигзагами, безъ опасенія передъ арбалетами защитниковъ. Послѣдніе не въ силахъ были посылать стрѣлы на дальнія разстоянія, а глубокіе рвы хорошо обезпечивали работниковъ во славу Аллаха.

Волонтеровъ набралось по ту сторону пролива необозримое число; кромѣ того дервишей-фанатиковъ было достаточно, чтобы составить изъ нихъ первые ряды штурмовыхъ колоннъ. За ними должны были слѣдовать густые ряды волонтеровъ и для окончательнаго удара—взводы мужественныхъ янычаръ. Когда этотъ планъ султана сдѣлался извѣстнымъ, то число дервишей начало убывать, но тутъ уже явилась стража надзирателей, поддерживавшихъ въ войскахъ порядки. Палки ихъ приходились и по плечамъ святошъ, которые волею-неволею заканчивали каждый намазъ обѣщаніемъ наградъ въ наиболѣе пріятныхъ отдѣленіяхъ рая.

Особые отряды янычаръ были выдѣлены противъ Золотыхъ воротъ и Влахернскаго дворца. Во дворцѣ укрылись, какъ было

извѣстно, всѣ дочери геніевъ съ о. Іоаннополя. Колонна изъ 20 тыс. янычаръ была выставлена противъ воротъ Св. Романа. Этою послѣднею командовалъ лично Мухаммедъ.

Съ другой стороны императоръ взялъ на себя защиту воротъ Св. Романа; защиту наиболѣе дряхлыхъ стѣнъ онъ поручилъ Джустиніани. Начальники изъ природныхъ грековъ признавались откровенно, что на нихъ полагаться не слѣдуетъ, такъ какъ ихъ мышцы ослаблены вѣстями о сокрушительной силѣ оттомановъ. При томъ же и вообще патріотизмъ былъ окончательно подорванъ ходившею крылатою фразою какого-то сановника: лучше-де покрыться турецкою фескою, нежели папскою тіарою.

Стотысячное населеніе города, отрѣзанное отъ всего міра, требовало значительнаго количества пищи. Море давало только рыбу, которую несли цѣликомъ въ богатые кварталы; населенію бѣдныхъ кварталовъ приходилось довольствоваться всякими отбросами. Храмъ Св. Софіи, располагавшій въ обычное время громадными житницами, въ которыя вѣрующіе несли свои избытки за спасеніе душъ, едва могъ поддерживать теперь общину бѣлыхъ сестеръ. Общинѣ доставляли и дворцовые запасы. Мусульманамъ, напротивъ, была открыта вся Азія и весь богатый хлѣбомъ Балканскій полуостровъ.

Греки первые подняли ропотъ по поводу своего тяжелаго положенія. Они очень порадовались, когда разнеслась вѣсть о предложеніи Мухаммеда положиться на его великодушіе и сдать городъ, не ожидая кровавой сѣчи. Чудо не являлось. Безъ него же было немыслимо устоять противъ многочисленныхъ и нафанатизированныхъ непріятельскихъ полчищъ. Правда, оттоманы бывали иногда и великодушны. Разумѣется, они потребуютъ дани не только золотомъ, но и мальчиками, дѣвицами, храмовою утварью и всѣмъ, что было цѣннаго. На вѣру они не посягнутъ, хотя и потребуютъ платы за разрѣшеніе молиться христіанскому Богу и приносить ему жертвы. Храмъ Св. Софіи они обратятъ въ мечеть, но кто бы изъ христіанъ-побѣдителей—такъ разсуждали византійцы—не обратилъ мечеть въ христіанскую часовню? Словомъ, большинство населенія заранѣе искало оправданія предстоявшаго событія.

Мухаммедъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о матеріальныхъ затрудненіяхъ осажденной столицы и о нравственномъ разслабленіи ея защитниковъ. Пользуясь ихъ растерянностью, онъ дѣйствительно отправилъ къ императору своего зятя Исфендіаръ-бека съ предложеніемъ капитуляціи на благопріятныхъ для населенія

условіяхъ. Народъ боялся общаго обрѣзанія, но этого въ условіи не было.

Посолъ былъ принятъ съ почетомъ. Для выслушанія доставленныхъ имъ условій, императоръ повелѣлъ открыть чрезвычайное засѣданіе изъ сената, духовенства, начальниковъ войскъ и приближеннаго совѣтника Франца. Съ первыхъ же словъ греки указали, что Константинополю нѣтъ выхода, что на каждаго его солдата приходятся десятки янычаръ и дервишей. Посолъ предлагалъ сдать столицу на великодушіе повелителя оттомановъ. Съ своей стороны султанъ гарантировалъ императору суверенитетъ Пелопоннеса, жизнь и имущество всѣхъ жителей съ уплатою ежегодной дани.

Весь совѣтъ склонялся на сторону капитуляціи, но ни у кого недоставало смѣлости выговорить первому постыдное слово. Императоръ вывелъ совѣтъ изъ затрудненія. Въ отвѣтѣ его сквозила глубокая грусть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствовавшее духовенство не посмѣло бы опорочить истинное благородство его мыслей.

— «Если султанъ дѣйствительно даруетъ миръ Византіи и избавитъ ее отъ катастрофы, то Господь увидитъ всю глубину моей и моего народа благодарности. Катастрофа тяготѣетъ прежде всего надъ моею головою, я это вижу, но пусть вспомнитъ и государь оттомановъ, что Константинополь приносилъ всегда несчастье захватывавшимъ его иноземцамъ. Мнѣ извѣстны слова пророка: благословенъ тотъ, кто займетъ Константинополь, но только тотъ, кто займетъ, а не его преемники. Дорожа интересами своего народа, я готовъ выплачивать султану ежегодную посильную дань, но принявъ отъ него Пелопоннесъ, я запятналъ бы память о себѣ личными выгодами. Такого преступленія я не совершу. Я клялся передъ своимъ Богомъ и передъ своимъ народомъ уступить тронъ византійскихъ императоровъ не иначе, какъ съ своею жизнью. Такъ оно и будетъ. Посолъ! Ты выслушалъ меня, передай же мое слово твоему повелителю!».

Посолъ передалъ повелителю отвѣтъ византійскаго императора безъ всякаго уклоненія отъ истины. Вѣроятно рѣшеніе Мухаммеда созрѣло еще раньше полученія отказа, потому что онъ немедленно созвалъ своихъ вождей и верховнаго муллу, получившаго впослѣдствіи титулъ шейхъ-уль-ислама и произнесъ передъ этимъ собраніемъ клятву на коранѣ, что онъ займетъ престолъ византійскаго императора или же запечатлѣетъ своею кровью тотъ путь Божій, по которому пройдутъ его преемники. Въ случаѣ смерти въ предстоявшей битвѣ пусть и ему отведутъ могилу возлѣ могилы Эюба, о чемъ и проситъ императора хри-

стіанъ, а если смерть постигнетъ императора, то онъ будетъ похороненъ со всѣми по его достоинству почестями.

Теперь обѣимъ сторонамъ предстояло только изготовиться къ рѣшительной битвѣ, въ которой каждый участникъ могъ ожидать перехода въ загробную жизнь. Христіане обратились къ очищенію своихъ душъ отъ привитыхъ къ нимъ жизнью вожделѣній и дѣйствій грѣховнаго характера. Въ Константинополѣ наступилъ день общаго примиренія; теперь никто и никого не вводилъ въ обманъ, ростовщики прощали долги кредиторамъ, ревнивые мужья прощали измѣнницамъ. По городу ходили духовныя процессіи съ крестами, иконами и реликвіями. Въ храмахъ шло всенародное покаяніе и не только въ храмахъ, но и на улицахъ и площадяхъ являлись группы исповѣдниковъ. Многіе винились и въ такихъ преступленіяхъ, въ какихъ никто ихъ не подозрѣвалъ. Враги обнимались и обмѣнивались братскими поцѣлуями. Нищіе уставали принимать подаянія. А что касается до лживости и обмановъ, то будто качества эти никогда не существовали на землѣ угасавшей Византіи.

Маякъ не былъ разрушенъ. Наблюдатели его замѣтили, что турецкая сторона готовится къ рѣшительному бою. Тысячи каиковъ перевозили торопливо съ азіатскаго берега толпы волонтеровъ, которымъ разрѣшили наконецъ присоединиться къ лагерю султана. Пловучій мостъ изгибался и черпалъ воду подъ массами переходившихъ по немъ воиновъ пророка.

Дозорные на стѣнахъ также сигнализировали обо всемъ, что происходило въ мусульманскомъ лагерѣ. Вечеромъ 27 мая изъ всѣхъ наблюдательныхъ пунктовъ были поданы знаки, что въ шатрѣ Мухаммеда происходитъ военный совѣтъ, и что дервиши ждутъ только пароля, чтобы обѣжать съ нимъ траншеи и штурмовыя колонны. Наконецъ пароль былъ высланъ. Дервиши разнесли его по всему лагерю съ приглашеніемъ къ безпощадному избіенію гяуровъ.—«Завтра штурмъ, и отступленія не будетъ!», такъ поняли дозорные на христіанской сторонѣ происходившую передъ ними сумятицу; такъ вѣстники доложили и императору, и его вождямъ.

Христіане заняли тотчасъ же назначенныя имъ позиціи. Императоръ занялъ во главѣ трехтысячнаго отряда пунктъ противъ ставки султана. Потомъ ему пришлось перемѣстить отрядъ къ Влахернскому дворцу, противъ котораго выстроились отборные отряды янычаръ. Здѣсь достойно вниманія, что защита Влахернскаго дворца и образа Влахернской Божіей Матери лежала на кардиналѣ Исидорѣ, который возвратился въ Констан-

тинополь ради возстановленія своей чести. Онъ привелъ съ собою отрядъ изъ римлянъ и хіосцевъ.

Мухаммедъ также перемѣстилъ свою ставку. Его бунчукъ съ золотымъ полумѣсяцемъ былъ водруженъ противъ воротъ Св. Романа, на которыя готовился по всѣмъ признакамъ наиболѣе сильный ударъ. Сюда были подведены огнестрѣльныя и стѣнобитныя батареи; послѣднія съ башнями на колесахъ и откидными мостами.

Адріанопольскія ворота обороняли итальянцы, братья Брокіарди. Далѣе засѣли въ башняхъ: венеціанецъ Дельфинъ, математикъ генуэзецъ Каттанго, венеціанецъ Мочениго, братья Контарини, испанскій консулъ Юліани, неудачникъ-узурпаторъ Урханъ и критянинъ Нотара. Изъ грековъ были только родственники императора—Палеологи и потомки Кантакузена. Подъ командою Контарини состоялъ небольшой отрядъ изъ вооруженныхъ монаховъ. Такимъ образомъ грековъ, какъ защитниковъ столицы, почти не было видно, что не мѣшало имъ вести и въ эту пору, когда на храмъ Св. Софіи уже всматривался азанчи, религіозные споры. Священникамъ изъ уніатовъ они не разрѣшали хоронить убитыхъ защитниковъ православія. Надежда на чудеса еще не была утрачена. Уличные проповѣдники понизили нѣсколько степень увѣренности въ чудо, но все-же громко заявляли, что если нечестивцы и войдутъ съ бѣсовскою помощью въ городъ, то они не пододвинутся дальше монумента Константина Великаго. Здѣсь долженъ былъ сойти ангелъ съ небеси и погнать огненнымъ мечемъ всю рать Мухаммеда, которая будетъ счастлива возвратиться въ песчаную страну сарациновъ.

Мусульмане не ожидали чуда. Глашатаи и дервиши провели всю ночь съ 27 на 28 мая въ передачѣ приказаній и угрозъ султана, заявившаго въ совѣтѣ, что если у трусовъ окажутся птичьи крылья, то и они не уйдутъ отъ смерти на колу. Мужественнымъ воинамъ султанъ велѣлъ обѣщать: первому, кто взойдетъ на стѣны Константинополя, красивѣйшую изъ дочерей іоаннопольскаго генія и столько золота, сколько человѣкъ можетъ унести на своихъ плечахъ. Вообще именемъ султана было объявлено, что городъ будетъ принадлежать ему, и сдѣлается столицею всего мусульманства и всего міра. Дворцы и сокровища императора перейдутъ также въ его собственность. Вся-же прочая добыча—золото, серебро, плѣнницы—останется въ рукахъ тѣхъ, кому она будетъ предоставлена Аллахомъ.

При глашатаяхъ слѣдовали дервиши, требовавшіе, чтобы правовѣрные выполнили до начала боя семь омовеній, и чтобы

*

никто не думалъ о пищѣ, такъ какъ переполненные желудки служатъ помѣхою на пути къ вѣчному блаженству. При этомъ всему лагерю сдѣлалось извѣстнымъ, что завершеніе боя слѣдуетъ ожидать на 29 мая—таковы были предсказанія придворнаго астролога. Можетъ быть первый приступъ, по ухищренію христіанскихъ чародѣевъ, будетъ отбитъ, можетъ быть и второй будетъ отбитъ, но уже на третьемъ истинно вѣрующіе увидятъ, какъ обрушится страшный гнѣвъ Аллаха на головы чародѣевъ и гяуровъ.

Ночь оттоманы провели, не смыкая глазъ. Подъ ея покровомъ они выступили изъ прикрытій и пододвинули свои боевыя средства ко рву, который и принялись засыпать съ бѣшеной энергіей. Упавшій въ ровъ тамъ уже и оставался, такъ какъ на него валилась неудержимо земляная лава. Стрѣльба со стѣны наудачу нисколько не мѣшала успѣшной работѣ. Дервиши носили для засыпки рва, въ своихъ большихъ колпакахъ землю, чтобы только служить примѣромъ на пути Божіемъ.

Населеніе Константинополя провело ночь въ храмахъ и жаркихъ молитвахъ, и хотя каждый старался скрыть свою душевную скорбь, но не было и зрачка, въ которомъ не свѣтились бы отчаяніе и безнадежность. Въ домахъ слышались рыданія. Слышались рыданія и во Влахернскомъ дворцѣ; здѣсь община дѣвственницъ, совершенно незнакомая съ совершавшимися событіями, видѣла лишь общее уныніе, точно каждый человѣкъ, переходившій площадь Августіона, терялъ отца или мать. Малютки крѣпились и по наказамъ старшихъ занимали себя четками.

Въ минуты, когда участилась пальба, усилились военные клики и загремѣли боевыя трубы, на площади Августіона, передъ дворцомъ, появился на бѣломъ конѣ императоръ со свитою тѣлохранителей. Онъ былъ неузнаваемъ. По настоятельнымъ совѣтамъ преданныхъ людей, онъ перемѣнилъ свою пурпуровую мантію на плащъ солдата и только, не сдаваясь на увѣщанія, остался въ коронаціонныхъ полусапожкахъ. Община бѣлыхъ сестеръ заняла въ эту пору башню Влахернскаго дворца, откуда и наблюдала всю развернувшуюся картину. Вскорѣ изъ Св. Софіи явился посланникъ во дворецъ съ изъявленіемъ желанія императора, чтобы хоръ сестеръ участвовалъ въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Община поспѣшила исполнить это желаніе. Толпившійся возлѣ храма народъ почтительно разступился передъ рядами бѣлоснѣжныхъ юницъ, шествовавшихъ съ низко опущенными бѣлыми покрывалами.

Было извѣстно, что прежде, чѣмъ вступить въ битву, императоръ приметъ причастіе и благословеніе патріарха; затѣмъ онъ надѣнетъ на себя малый золотой ковчегъ съ святынями и тогда уже займетъ избранное имъ боевое мѣсто. Программа эта была вполнѣ выполнена. Кромѣ того, Константинъ, взойдя на амвонъ и обратившись къ предстоявшей толпѣ, просилъ прощенія тѣхъ, кого онъ могъ обидѣть. Искреннія слезы толпы были ему отвѣтомъ. По окончаніи литургіи императоръ и его свита съ Джустиніани во главѣ отправились осмотрѣть сторожевые посты. Вездѣ ихъ встрѣчали съ докладами, что непріятель вскорѣ двинется на штурмъ; дервиши уже потрясали воздухъ своими длинными посохами и выкрикивали неумолчно: Аллахъ акбаръ!

Нападеніе было поведено одновременно противъ всѣхъ стѣнъ осажденнаго города. Въ то-же время сотни каиковъ примчались къ цѣпи, заграждавшей входъ въ бухту и, не смотря на тучу стрѣлъ изъ сторожевой башни, разбили ея звенья приготовленными молотами. Теперь городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ.

Въ первыя минуты штурма защитники находились въ хорошемъ положеніи. Бойницы на стѣнахъ перемежались надежными защитными зубцами, поэтому огневые снаряды и стрѣлы разстраивали цѣлыя колонны штурмующихъ. Мухаммедъ разсчитывалъ потерять при штурмѣ Константинополя двѣсти тысячъ человѣкъ, что было доступно, благодаря несмѣтной силѣ явившихся волонтеровъ. Авангардъ состоялъ изъ фанатиковъ; шейхи и дервиши продолжали увѣрять, что невидимыя силы будутъ подхватывать каждаго павшаго въ битвѣ и переносить по ту сторону видимой жизни.

Защитники неустанно работали съ своей стороны камнеметами и огненными снарядами. Нападавшіе валились тысячами; мѣстами ровъ наполнялся трупами до поверхности, такъ что являлась возможность перебраться на другую сторону безъ помѣхи.

Христіане, видѣвшіе передъ собою призраки плѣна, были также экзальтированы частью религіей, частью отчаяніемъ, не слабѣе мусульманъ. Въ продолженіе трехъ часовъ штурма во рвахъ и у стѣнъ Константинополя легло свыше пятидесяти тысячъ мусульманъ. Каждая пуля пронизывала нѣсколько человѣческихъ тѣлъ. Первый штурмъ былъ отбитъ.

Всѣ донесенія о ходѣ битвы направлялись ко Влахернскому дворцу, гдѣ предполагалась императорская ставка. Сюда первымъ явились съ извѣстіями объ отбитіи штурма Джустиніани, Контарини и Кантакузены. Здѣсь, при общихъ радост-

ныхъ поздравленіяхъ, они освѣжились и подкрѣпили силы водою, принесенною изъ обители младшими дѣтьми; между ними были крошки, едва поднимавшія тыквы съ хіосскимъ виномъ.

Потерпѣвъ неудачу, какую еще не испытывалъ, Мухаммедъ задумалъ войти въ новые переговоры съ императоромъ и предложить ему вассальное положеніе и необременительную дань. Какъ только эта идея сдѣлалась утромъ 29 Мая извѣстною янычарамъ, они заволновались и заявили о своемъ рѣшеніи броситься и безъ согласія повелителя въ новую битву. Янычары уже привыкли въ то время бросать султанамъ подобнаго рода вызовы. Отыскавъ коранъ, на которомъ Мухаммедъ поклялся—овладѣть престоломъ византійскихъ императоровъ или лечь костьми у стѣнъ византійской столицы, они открыли пологъ шатра султана и молча указали ему на этотъ коранъ.

Тогда Мухаммедъ потребовалъ коня и сопровождаемый благословеніями дервишей и восторженными кликами янычаръ, направился къ колоннѣ, штурмовавшей ворота Св. Романа. Сюда же поспѣшили оповѣщенные о внезапной перемѣнѣ непріятельскаго фронта императоръ и Джустиніани. Перестрѣлка усилилась. Случайность, какихъ такъ много на войнѣ, внезапно измѣнила весь ходъ историческихъ событій. Джустиніани былъ раненъ. Одна изъ многихъ тысячъ стрѣлъ задѣла слегка, безъ глубокой раны, стараго пирата, но онъ почувствовалъ себя настолько потрясеннымъ, обезсиленнымъ, что мечъ выпалъ изъ его рукъ, и онъ безпомощно склонился на руки тѣлохранителей. Старые его дружинники, вмѣстѣ грабившіе побережья Эгейскаго моря, отнесли его въ ближайшій дворецъ.

Императоръ просилъ его остаться на мѣстѣ хотя бы только для успокоенія войскъ, но наемники были рады уклониться отъ серьезной битвы. Въ рядахъ прочихъ защитниковъ родилась тотчасъ же догадка, что дѣло проиграно и что новыя груды труповъ послужатъ только помостомъ непріятелю для овладѣнія окровавленными стѣнами.

Слѣдомъ за Джустиніани и весь генуэзскій отрядъ отошелъ отъ стѣнъ, покинувъ императора чуть не въ одиночествѣ. Охранная свита его рѣдѣла. Вѣрными и стойкими оказались немногіе иноземные рыцари, Палеологи, Кантакузены и нѣсколько монаховъ, не утратившихъ вѣру въ Христа. За генуэзцами послѣдовали итальянцы, оставившіе безъ прикрытія открывшіяся уже бреши.

Первымъ взошелъ на стѣну янычаръ—ренегатъ изъ болгаръ Гассанъ Улу-бегъ. Лѣтописи изображаютъ его голіаѳомъ, за которымъ и подъ его прикрытіемъ послѣдовали тридцать

янычаръ. Изъ нихъ достигли вершины стѣны только двѣнадцать человѣкъ.

Пожертвовавшіе своею жизнью открыли дорогу всей колоннѣ дервишей, ободрявшей соратниковъ броситься въ бой. Сильно порѣдѣвшіе уже ряды защитниковъ поколебались, дрогнули и только немногіе продолжали сопротивляться; наиболѣе трусливые просили пощады или постыдно бѣжали, не давая себѣ и отчета, куда и зачѣмъ бѣгутъ.

Катастрофа эта была хорошо видна изъ башни Влахернскаго дворца. Сестры прервали невольно молитвы о помощи и какъ бы окаменѣли отъ ужаса передъ ручьями крови и грудами падавшихъ тѣлъ. Статная фигура императора, несмотря на скромный плащъ солдата, продолжала еще долгое время выдѣляться изъ суетившейся возлѣ него толпы. Видно было, какъ работалъ его мечъ. Видно было также, какъ голіаѳъ Гассанъ продвинулся къ одинокому императору; мечи ихъ скрестились! Еще взмахъ голіаѳа... и Палеологъ склонился на образовавшуюся возлѣ него куртину изъ труповъ христіанъ и мусульманъ, павшихъ въ честь своихъ боговъ и своихъ знаменъ.

Послѣдній вздохъ Палеолога былъ и послѣднимъ вздохомъ Византіи.

Константинополь XX в. Общая панорама.

XIX.

Торжество насилія.

ТРАГИЧЕСКАЯ кончина императора не скоро сдѣлалась извѣстною большинству населенія павшей столицы. Еще въ первые дни осады горожане попрятались въ укромныхъ уголкахъ и отъ перваго утренняго намаза до послѣдняго вечерняго не показывались на свѣтъ Божій. Послѣ вечерняго намаза умолкалъ громъ орудій и не слышалось болѣе завываніе каменныхъ снарядовъ, наводившихъ на все живое паническій ужасъ.

Утромъ 29 Мая батареи оттомановъ усилили пальбу, но не надолго, она прервалась разомъ по всему фронту, что могло быть только предвѣстіемъ наступленія штурма. Сначала въ отдаленіи, а затѣмъ и ближе явственно послышались повсюду за стѣнами боевые клики—«уръ! уръ! бей! бей! бей! Великъ Аллахъ, великъ!»

Ворота Св. Романа были открыты дружиною пиратовъ, послѣ чего никто и не думалъ о сопротивленіи хлынувшему потоку мусульманъ. Всѣ прочія городскія ворота были немедленно открыты или разбиты; черезъ бреши и по многочисленнымъ лѣстницамъ протискивались и взбирались дервиши, янычары, волонтеры и легіоны жадныхъ и голодныхъ поддонковъ человѣчества. Вся эта масса устремилась на грабежъ, не переставая взывать къ Аллаху какъ къ покровителю въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Греки не ожидали такого быстраго и полнаго успѣха войскъ и волонтеровъ Мухаммеда. Богачи и монастыри еще только высматривали потаенные уголки, не исключая и могилъ покойниковъ на заброшенныхъ кладбищахъ, куда можно было бы скрыть дорогую утварь или мѣшки съ византинами. Поэтому, отцы города и вообще нобили надоумились послать на встрѣчу султану депутацію съ просьбою отложить торжественный въѣздъ въ побѣжденную имъ столицу до слѣдующаго дня, когда будутъ готовы для поднесенія ему золотое блюдо и золотые ключи, какъ эмблемы покорности всей Византіи. Въ этой просьбѣ можно было бы подозрѣвать и военную хитрость, но Мухаммедъ теперь ничего не страшился и поэтому онъ отослалъ депутацію обратно съ строгимъ наказомъ, чтобы никто не смѣлъ прятать ни сокровища, ни женщинъ, ни мальчиковъ; ослушникамъ грозила смертная казнь.

Въѣздъ султана послѣдовалъ при обстановкѣ жестокаго побѣдителя. Дервиши приготовили ему необычайный трофей, заключавшійся въ отрубленной головѣ несчастнаго императора, вздѣтой на высокій шестъ. Голіаѳъ открывалъ съ этою ношею торжественный кортежъ. Вокругъ него построились фаланги дервишей, выражавшихъ свое восторженное настроеніе пляскою и завываніемъ ликующихъ дикарей.

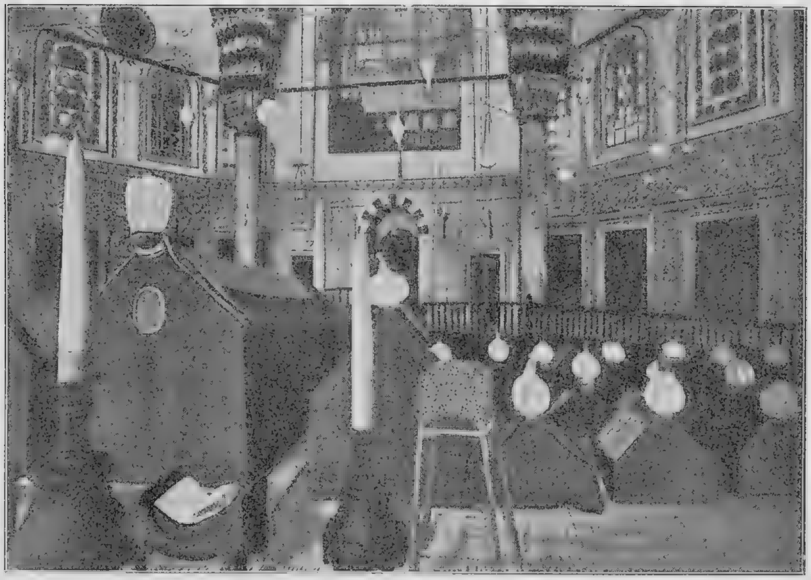
Мухаммедъ подалъ знакъ окружавшей его свитѣ направиться къ храму Св. Софіи съ намѣреніемъ придать ему немедленно значеніе мечети, но дервиши поступили по своему, они направили кортежъ къ могилѣ сподвижника пророка—Эюба, павшаго еще при первомъ неудачномъ набѣгѣ сарацинъ на Константинополь.

Со времени этого событія протекли столѣтія; мѣстонахожденіе могилы сподвижника пророка не могъ бы указать и по преданіямъ ни одинъ старожилъ, но главѣ дервишей она была открыта незримыми посланцами Аллаха. Счастливый побѣдитель былъ слишкомъ уменъ, чтобы пренебрегать преподаннымъ свыше наитіемъ, объявленнымъ ему главою духовенства. Могила Эюба скрывалась отъ глазъ гяуровъ въ видѣ небольшаго бугорка, на которомъ поросль могла быть принята за чалму правовѣрнаго.

Мухаммедъ разумѣется зналъ, что сарацины не носили чалмъ, тѣмъ не менѣе онъ преклонился передъ могилою и подержалъ надъ нею свой ятаганъ, испрашивая ему у святаго воителя несокрушимую силу. Прочтя молитву, онъ велѣлъ приступить немедленно къ сооруженію надъ могилою гробницы, достойной памяти перваго боеваго товарища пророка.

Дервиши отчасти хитрили; правовѣрнымъ нужно было выиграть время, чтобы до прибытія султана въ храмъ Св. Софіи были скрыты, вынесены или уничтожены всѣ символы христіанскаго культа. Этимъ угоднымъ Аллаху дѣломъ занялись цѣлые отряды дервишей, но они не могли отыскать, на первыхъ порахъ, ходъ на кровлю храмоваго портика, чтобы произнести оттуда первый азанъ, какъ благодарственную молитву за дарованную побѣду.

Кортежъ направился въ Большой дворецъ, гдѣ султанъ предполагалъ установить свою резиденцію. Дворецъ къ этому времени очень обѣднѣлъ. При входѣ въ него не было уже ни однѣхъ серебряныхъ дверей и даже самый тронъ обнажился, какъ будто онъ и никогда не былъ покрытъ сѣтью алмазовъ, изумрудовъ, бирюзы.



Гробница Мурада.

Прежде чѣмъ Мухаммедъ переступилъ за порогъ двери, передъ нимъ былъ повергнутъ баранъ съ только-что перерѣзаннымъ горломъ. То было пожеланіемъ богатой и счастливой жизни. Оставивъ осмотръ дворца до другого времени, султанъ поинтересовался, гдѣ помѣщаются дочери генія и, узнавъ, что онѣ живутъ во Влахернскомъ дворцѣ, неподалеко отъ Софіи, рѣшилъ немедленно посѣтить свою будущую мечеть. Величіе ея

превосходило по устной молвѣ, величіе первой мечети калифа въ Дамаскѣ.

По дорогѣ къ христіанскому храму у дверей ипподрома султану показали мраморную группу изъ Пиѳіи и дельфійскаго треножника, обвитаго трехглавою змѣею. Въ умахъ правовѣрныхъ группа эта представлялась предметомъ идолопоклоненія. Отсюда понятно то одобреніе, какое вызвалъ султанъ, отбивши взмахомъ своей булавы одну изъ змѣиныхъ головъ. Остатокъ Пиѳіи сохранился до нашего времени. Разрушительный ударъ, нанесенный высоко-художественному произведенію, перенесенному сюда изъ Аѳинъ, послужилъ предвѣстникомъ гибели античнаго міра, разрушеннаго суровыми къ нему отношеніями мусульманъ.

Приблизившись къ Софіи, султанъ былъ пораженъ размѣрами и величіемъ сооруженія, на которомъ ревнители правовѣрія такъ старательно снимали кресты и другіе знаки христіанскаго культа. Несмотря на усвоенную мусульманами способность относиться съ замороженнымъ видомъ ко всему чрезвычайному, невиданному и превосходящему извѣстныя имъ рядовыя явленія, Мухаммедъ не могъ не воскликнуть, что доставшійся теперь въ его собственность храмъ, превосходитъ храмъ самого царя Соломона!

Теперь храмъ и его обширная ограда были наполнены обезумѣвшею отъ страха толпою, въ которой смѣшались всѣ возрасты и классы населенія павшей столицы. Возлѣ аскета, съ изображеніемъ на капюшонѣ адамовой головы, дрожала молодая женщина изъ лесбійскаго дома Галаты. Ростовщикъ прятался за плечами неисправнаго кліента. Матрона нянчила неизвѣстно чьихъ дѣтей. На всѣхъ лицахъ свѣтилось ожиданіе истязаній и смерти. Хотя Мухаммеду не предшествовала слава кровожадности, но одного его мановенія было достаточно, чтобы фанатики провозгласили общее истребленіе христіанъ.

Остановивъ коня передъ застывшею отъ страха толпою, Мухаммедъ удовлетворился тѣмъ, что все населеніе, павши на колѣни, протянуло ему руки съ нѣмымъ согласіемъ отдаться въ плѣнъ и рабство. Въ сторонѣ-же отъ этого центра грабежъ развивался и свирѣпствовалъ съ полною безпощадностью.

Въ этотъ день перевязали плѣнныхъ до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Въ число ихъ попалъ и кардиналъ-авантюристъ Исидоръ, успѣвшій надѣть свою кардинальскую шапку на первый встрѣчный трупъ. Преобразившись въ рядового обывателя, онъ былъ переправленъ съ массою плѣнниковъ на азіатскій берегъ Босфора; тамъ онъ попалъ на одинъ изъ невольничьихъ

рынковъ Азіи. Изъ невольничества ему посчастливилось впослѣдствіи бѣжать въ Римъ, гдѣ латиняне наименовали его константинопольскимъ патріархомъ. Въ этомъ санѣ онъ и окончилъ свою бурную жизнь.

По знаку султана была выведена изъ храма вся толпа скрывавшихся тамъ христіанъ; взамѣнъ ихъ явились толпы грабителей, но этихъ янычары быстро привели къ порядку. Всѣмъ имъ было втолковано, что бывшій христіанскій храмъ обращенъ нынѣ въ мечеть, а за ограбленіе мечети не велика расплата и всею жизнью человѣка. Грабители отхлынули, увеличивъ собою метавшіяся въ погонѣ за добычею толпы, предъ которыми слезы и вопли побѣжденныхъ не имѣли никакого значенія.

Войдя въ мечеть, получившую названіе Айя-Софіи, султанъ не могъ и обнять въ первыя минуты все дивное величіе доставшагося ему Божьяго дома. Царившая здѣсь сумятица препятствовала сосредоточить вниманіе на достоинствахъ и красотѣ величайшаго изъ памятниковъ византійскаго творчества. Теперь здѣсь все мусульманское духовенство отъ азанчи до ишана въ зеленой чалмѣ было занято преобразованіемъ христіанскаго храма въ мечеть. Здѣсь соскабливали и затирали алебастромъ стѣнную живопись; тамъ срывали иконы и швыряли ихъ въ груду для костра на Августіонѣ. Все цѣнное сносили въ ризницу какъ въ кладовую для казны султана; рѣзныя изображенія обращали въ прахъ и мусоръ, причемъ дервиши и ишаны очень скорбѣли о томъ, что они не въ силахъ были уничтожить живопись въ куполахъ, отстоявшихъ отъ пола на высотѣ шестидесяти метровъ. До половины этой высоты были опущены на цѣпяхъ колоссальныя фигуры херувимовъ, также недоступныя пока ярости разрушителей. Медальоны съ мозаичными образами святителей рѣшено было ишанами замѣнить щитами съ символами мусульманскаго культа, но пока и это намѣреніе было неосуществимо.

Не желая прерывать труды духовенства, султанъ обѣщалъ прійти въ мечеть на другой день къ утреннему намазу, причемъ выразилъ надежду, что азанчи найдетъ дорогу на кровлю портика для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ.—«Пусть услышитъ весь міръ, что христіанскій Богъ смѣщенъ и уже никогда не упомянутъ о Немъ подъ сводами Айя-Софіи».—Прежде чѣмъ оставить обитель новаго бога, султанъ отмѣтилъ, гдѣ поставить минаретъ для азанчи, и гдѣ мраморный бассейнъ для омовеній и, наконецъ, гдѣ похоронить на площади Августіана тѣло павшаго императора. Оставляя Айя-Софію, султанъ поинте-

Трофеи побѣдителей.

ресовался исторіей ея сооруженія. Любопытство его было удовлетворено византійцемъ, готовившимся перейти въ ренегаты. По его словамъ постройка была выполнена въ пять лѣтъ при императорѣ Юстиніанѣ и продолжалась съ 23 Февраля 532 г. по 26 Декабря 537 г. Не смотря на девятивѣковое существованіе, главный куполъ пострадалъ отъ землетрясенія всего одинъ разъ; реставрація его не потребовала много времени. Султану, видѣвшему и Дамаскъ и Багдадъ, подобное творчество было не понятно; кто-же помогалъ зодчимъ—христіанскій Богъ или геній-нечестивецъ?

День паденія Константинополя породилъ и христіанскую легенду, переходящую и понынѣ изъ вѣка въ вѣкъ, во всей ея наивной чистотѣ и прелести. Въ тѣ минуты, когда мусульмане вступали въ храмъ Премудрости Божіей, литургію служилъ никому не вѣдомый старецъ необычайнаго благолѣпія. Въ ту минуту, когда онъ поднялъ чашу съ Св. Дарами, толпа дервишей оглашала своды храма восклицаніемъ: Аллахъ акбаръ! Іерей прошелъ съ чашею на головѣ къ стѣнѣ храма, которая разступилась и пропустила его, а потомъ вновь сомкнулась. По словамъ легенды тотъ же іерей войдетъ, когда послѣдуетъ на то воля Господня, тѣмъ же чудеснымъ путемъ и возгласитъ съ амвона:—«Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»!—Тотчасъ же на куполѣ Св. Софіи заблеститъ крестъ вмѣсто поставленнаго тамъ полумѣсяца.

Предки султана предполагали обратить Адріанополь въ столицу всего міра и въ ознаменованіе своей идеи соорудили въ городѣ необычайной высоты башню. Теперь же Мухаммедъ II, слѣдуя отъ Софіи во Влахернскій дворецъ, видѣлъ, что мечты его предковъ, казавшіяся такими грандіозными и почти несбыточными, не выдерживали ни малѣйшаго сравненія съ монументальною столицею Босфора. Послѣдняя поражала взоры и воображеніе величіемъ своихъ дворцовъ, ипподрама, водопровода, красотою памятниковъ и украшеніями изъ мозаики разноцвѣтныхъ стеколъ. Красота женщинъ, которыхъ грубые работорговцы спѣшили доставить на галеры, для отправки на невольничьи рынки, очевидно не была извѣстна и самому пророку, очертившему гурій только скромницами съ красивыми ланитами.

Константинополю предстояло отнынѣ обратиться въ міровую столицу съ замѣною христіанскаго наименованія его мусульманскимъ—Истамбулъ.

Влахернскій дворецъ, принявшій султана какъ своего хозяина, не смотря на обѣднѣніе Византіи, оставался еще пока-

зателемъ минувшаго величія византійскихъ императоровъ. Каждая зала дворца могла служить музеемъ изъ произведеній архитектуры, скульптуры, мозаики и вообще техники сказочнаго характера. Достаточно упомянуть только о громадныхъ вазахъ изъ сплава золота съ хрусталемъ. Относясь строго къ предметамъ творчества, можно замѣтить, что мысли художниковъ были сдавлены, сдержаны и точно оформлены въ абсолютныя рамки. Что касается до мусульманина, хотя бы и султана, то все—мебель, шелковыя матеріи, яшмовые полы, стекла съ изображеніемъ царей, растеній и дикихъ козъ—все подтверждало лишь изрѣченіе пророка:—«Блаженъ тотъ, кто владѣетъ Константинополемъ».

Усталый побѣдитель не имѣлъ уже ни времени, ни силъ взглянуть на поступавшія въ его обладаніе богатства. Природа требовала подкрѣпленія пищею и сномъ. При всемъ изнеможеніи однако онъ поинтересовался узнать хорошо ли охранены тѣ дочери генія, которыхъ какъ извѣстно, покойный императоръ берегъ пуще глаза. Узнавъ, что ихъ охраняютъ евнухи, заявившіе уже о своемъ желаніи поступить въ сераль султана, Мухаммедъ возымѣлъ намѣреніе предаться покою на парадномъ ложѣ императоровъ угасшей Византіи. Святые люди—ишаны—возроптали противъ этого нечестиваго желанія, но имъ предоставили сорвать кресты съ изголовья и выбросить иконы изъ почетнаго угла. Тогда они объявили, что султану ничто больше не угрожаетъ и что онъ можетъ спокойно предаться счастливымъ грезамъ побѣдителя.

Раннимъ утромъ султанъ былъ уже на конѣ и слѣдовалъ къ Айя-Софіи, со стороны которой слышался рѣзкій призывъ муэззина къ молитвѣ. Призывъ этотъ служилъ сигналомъ, по которому съ кровлей половины храмовъ Истамбула раздались воззванія къ Единому и его пророку. Побѣдитель пришелъ въ восторженное состояніе и можетъ быть не столько со стороны вѣры, сколько со стороны обладанія міромъ. Первая пора міродержавія наполнила его душу хорошими побужденіями человѣчества. Достаточно сказать, что наблюдая за уличною жизнью, гдѣ грабители и мародеры продолжали свирѣпствовать, онъ выкупилъ у своихъ остервенѣвшихъ подданныхъ нѣсколько десятковъ плѣнниковъ и плѣнницъ, возбуждавшихъ чувства глубокаго къ нимъ сожалѣнія. Мало того, по его приказу глашатаи оповѣстили на базарахъ, площадяхъ и особенно въ порту, гдѣ плѣнниковъ грузили въ каики какъ товаръ, что грабежъ долженъ быть прекращенъ со вступленіемъ солнца въ полдень. Ослушникамъ грозила смерть.

Колоссальное, но снаружи приплюснутое зданіе Айя-Софіи, какъ бы лишенное духовнаго стремленія къ небу, скрывало подъ своими сводами необычайное богатство мысли, красоты и величія. При всемъ стараніи ишановъ обезличить храмъ, Мухаммедъ остановился посреди его невольно очарованнымъ. Лучи яркаго солнца отмѣчали то здѣсь, то тамъ—повсюду образцы роскоши и полетъ вдохновенія, руководившаго зодчимъ Исидоромъ Милетскимъ.

Константинополь XX в. Уголокъ Айя-Софіи.

Взорамъ очарованнаго зрителя открывался храмъ, вполнѣ достойный службы великому Богу. Могучій главный куполъ покоился на аркахъ, опиравшихся всего на четыре устоя. Примыкавшіе къ центральному зданію полукруглые придѣлы образовали площадь въ видѣ корабля. Въ зданіи находилось до ста мраморныхъ колоннъ, и въ главномъ куполѣ около пятидесяти оконъ. Окна пропускали достаточно свѣта, чтобы заглядѣться на мозаичные узоры, серебряныя стѣны и колонны алтаря, на серебряный шатеръ надъ алтаремъ, на престолъ изъ золота, покрытый драгоцѣнными камнями, на роскошныя, вѣтвистыя капители и замысловатыя узорчатыя комбинаціи. Благодаря изгнанію грабителей, въ ризницахъ уцѣлѣли священные сосуды, патріаршія одежды, кресты, кадила, чаша для крестинъ и собраніе древнихъ рукописей.

Совершивъ первый намазъ въ Айя-Софіи, Мухаммедъ объявилъ ее мечетью съ доходами изъ его личной кассы. При-

звавъ на него благословеніе пророка, имамы, не благоволившіе къ дервишамъ, вытѣснили ихъ мало по малу изъ мечети и занялись болѣе полнымъ обращеніемъ ея въ мусульманство. Прежде всего пострадали херувимы и голубь, назначеніе которыхъ было непонятно. Особенной ненавистью они разразились противъ конной статуи Юстиніана, украшавшей церковную площадь. За то ихъ порадовала цистерна настолько объемистая, что на ея водѣ могли плавать нагруженныя дромоны. Мощи одного изъ чтимыхъ патріарховъ также не понадобились мусульманамъ. Черезъ нѣсколько дней хозяйничанья имамовъ въ Айя-Софіи осталось только изображеніе въ куполѣ Бога Саваоѳа— изображеніе суроваго вида, какъ бы грозившее нечестивымъ насильникамъ.

Упоенный историческою побѣдою и цѣнными пріобрѣтеніями, Мухаммедъ отправился осмотрѣть городскія стѣны и средства защиты на случай внезапнаго пробужденія византійской силы. Стѣны и бастіоны требовали капитальнаго ремонта, стѣну же, отдѣлявшую генуэзскій городокъ, онъ приказалъ разрушить, чѣмъ и уничтожилъ привилегіи генуэзцевъ, сильно зазнавшихся при династіи Палеологовъ. Генуя не была страшна оттоманамъ, а Венеція, дружившая сегодня и ссорившаяся завтра съ оттоманами, имѣла въ Константинополѣ незначительные торговые интересы.

При объѣздѣ своей столицы Мухаммедъ могъ видѣть незакрывшуюся еще картину хищническаго погрома. Здѣсь дервишъ топталъ ризу священника, а тамъ солдатъ велъ собаку на поясѣ патріарха. На площадяхъ пили вино изъ священныхъ сосудовъ. Связанныя женщины и дѣти изнемогали отъ жажды и голода, при чемъ патриціанки шли въ ногу съ своими рабами.

Всего было награблено въ этотъ день, не считая храмовъ, дворцоваго имущества и стоимости плѣнниковъ и плѣнницъ, на четыре милліона дукатовъ. Мародеры разумѣется не брезгали ни серебромъ Константина Мономаха, ни золотомъ Алексѣя Комнена съ надписью: «Господи, помоги Алексѣю владыкѣ Комнену». Полновѣсныя монеты съ изображеніемъ Михаила VIII и Богородицы, поддерживавшей константинопольскія стѣны, предпочитались грабителями юницамъ и мальчикамъ, на которыхъ работорговцы понизили цѣны. Въ свирѣпствовавшемъ ураганѣ было утрачено всякое понятіе о семьѣ и семейномъ союзѣ. Историкъ Францъ, интимнѣйшій другъ императора, только послѣ долгихъ розысковъ нашелъ впослѣдствіи жену на трапезундскомъ рынкѣ невольниковъ. Сынъ его, пятнадцатилѣтній юноша, очутился въ

гаремѣ султана; дочь его скончалась въ гаремѣ визиря. Въ этомъ житейскомъ ураганѣ утрачена и библіотека, цѣнную часть которой составляли сто двадцать тысячъ манускриптовъ. Можно смѣло отвергать, будто султанъ разрѣшилъ употребить библіотеку на топливо въ баняхъ, варварство это слѣдуетъ приписать фанатизму дервишей, распоряжавшихся первое время судьбами побѣжденной столицы.

Завѣдывавшая библіотекою сербская принцесса — названіе это такъ и осталось за келейницею Анною—не смѣла и думать о защитѣ ея сокровищъ противъ бѣшенаго напора озвѣрѣвшихъ грабителей. На ней лежала теперь забота объ охранѣ общины, ютившейся въ задней половинѣ дворца. Убѣжище общины не было секретомъ для дворцовыхъ чиновъ. Многіе изъ послѣднихъ не прочь были бы отдаться и обрѣзанію, чтобы только новый повелитель осчастливилъ ихъ ласкою и довѣріемъ. Карьеристы при императорѣ спѣшили обратиться въ карьеристовъ при султанѣ.

Благодаря услугамъ наиболѣе смѣтливаго церемоніарія, Мухаммедъ по возвращеніи во дворецъ приказалъ представить ему самую старшую и самую младшую изъ дочерей генія.—«Пусть дочери Генія ничего не боятся», объяснилъ онъ церемоніарію.— «Скажи имъ, что онѣ предназначены въ награду моимъ героямъ не здѣсь, а въ раю, поэтому онѣ уйдутъ туда въ свое время безъ всякаго порока».—Церемоніарій видѣлъ себя уже визиремъ за исполненіе этого лестнаго порученія. Явившись въ помѣщеніе обители, онъ дипломатично объяснилъ сестрѣ Аннѣ, что только желаніе охранить общину отъ оскорбленій грубыхъ споспѣшниковъ султана, принудило его остаться при дворѣ и принять на себя это щекотливое порученіе. Анна выбрала изъ общины крошку, безотчетно дрожавшую отъ страха и вмѣстѣ съ нею, опустивъ бѣлоснѣжное покрывало, направилась за посланнымъ въ покой султана. На нѣсколько минутъ она задержалась въ поискахъ какого-то предмета — талисмана, какъ она объяснила церемоніарію. Талисманъ она скрыла подъ покрываломъ, что не могло вызвать и соглядатайства, такъ какъ едва ли была въ Византіи женщина, которая рѣшилась бы выйти за порогъ своей комнаты безъ одного или нѣсколькихъ амулетовъ.

Проходя по дворцовымъ заламъ, Анна замѣтила чрезвычайное на площади Августіона оживленіе. Здѣсь толпились всѣ классы населенія, видимо ожидавшаго чего-то необыкновеннаго. Миновавъ еще два три окна, она увидѣла потрясающую картину: на галереѣ, съ высоты которой императоры Ви-

зантіи поучали народъ, былъ выставленъ шестъ съ недавно отрубленною головою человѣка. Не закрытые вѣками глаза, не смотря на ихъ безжизненный видъ, какъ бы озирали ликовавшую толпу. На землю продолжали падать капли крови. Дервиши плясали...

Повинуясь магическому вліянію, Анна остановилась и спросила провожатаго: чья голова? Напрасно церемоніарій уговаривалъ ее слѣдовать далѣе, напрасно угрожалъ онъ гнѣвомъ султана...

Мгновеніе за мгновеніемъ и Анну осѣнила убійственная мысль: не голова ли императора? Теряясь, какъ помѣшанная, она перевела свой взглядъ на провожатаго; этотъ понялъ скорбный вопросъ, но ему не было и надобности отвѣчать, такъ какъ дервиши ликовали во всеуслышаніе по поводу смерти императора Византіи.

Въ рукахъ Анны блеснуло копье-реликвія, доставшееся ей по смерти благочестивой игуменьи. Ударъ этого маленькаго, хорошо отточеннаго орудія былъ направленъ достаточно мѣтко и сильно, чтобы прервать нить молодой жизни. Церемоніарій не успѣлъ и опомниться, какъ она вздохнула и опустилась на мраморный полъ. Растерявшійся проводникъ не зналъ, поднять-ли ему тревогу или явиться къ султану съ повинною головою. Послѣднее было безопаснѣе.

Мухаммедъ, выслушавъ его короткій докладъ, приказалъ показать ему дорогу къ покойницѣ. Бѣлоснѣжный покровъ Анны былъ окрашенъ нѣсколькими каплями крови. Возлѣ трупа рыдала малютка. По знаку султана церемоніарій разорвалъ одежду на груди покойной, съ намѣреніемъ вынуть изъ нея орудіе смерти. Безсильная малютка тщетно прикрывала сестру всѣмъ своимъ тѣльцемъ; одежда была разорвана, грудь обнажена и... трудно было-бы опредѣлить, какія чувства волновали въ эту минуту Мухаммеда — сокрушителя многихъ тысячъ жизней. Передъ нимъ сочилась кровь изъ классически прекраснаго тѣла, только-что разставшагося съ жизнью по никому невѣдомому побужденію. Едва-ли чувственность приковала къ нему вниманіе человѣка, обладавшаго многочисленнымъ гаремомъ. Наконецъ созерцаніе его разрѣшилось восклицаніемъ: «вѣрю, это дочь Генія!».

Община дѣвственницъ осталась нетронутою. Вѣроятно и визирь, который осмѣлился-бы нарушить повелѣніе султана, испыталъ-бы остріе ятагана придворнаго палача.

Въ этотъ-же день былъ преданъ погребенію трупъ императора, въ могилу котораго положили и его отрубленную голову.

„Дочь генія“.

Благодаря случайности, неподалеку отъ этой могилы была похоронена и сестра Анна, съ спасительною реликвіею въ рукахъ, о чемъ слезно умоляли церемоніарія большія и малыя сестры обители.

Грабежъ павшей столицы унялся, когда были сброшены въ море два—три десятка мародеровъ, проявившихъ дерзкое неуваженіе къ повелѣнію султана прекратить послѣ полуденнаго намаза всякаго рода хищничество. Для удобства казней на хищниковъ надѣвали мѣшки съ тяжелыми привѣсками. Были выставлены и колья, но... Истамбулъ поторопился и безъ нихъ войти въ колею строгаго и, по своему, честнаго, житейскаго распорядка, потребовавшаго прежде всего пристройки минаретовъ къ христіанскимъ храмамъ.

XX.

Наслѣдство Византіи.

До ПАДЕНІЯ Константинополя Европа не придавала должнаго значенія частичнымъ успѣхамъ оттомановъ. Она подводила ихъ подъ одинъ уровень съ такими насильниками, какъ сарацины или монголы, приходившими пограбить и при неудачѣ уйти обратно въ свои степи и пустыни. Даже постепенное занятіе оттоманами Балканскаго полуострова и битва при Варнѣ не отрезвила латинскій Западъ. Занятіе Іерусалима встряхнуло было христіанскія чувства Рима и франковъ, но такъ какъ въ среду крестоносцевъ вторгнулись нечистоплотные элементы, то и цвѣтъ рыцарства не превозмогъ силу сопротивленія насильниковъ. Напротивъ, паденіе столицы Византіи привело Западъ въ сильное смущеніе. Нужно было хотя на время забыть о религіозной рознѣ. Мусульманство уже явно грозило всему христіанскому культу, культурѣ, династіямъ и самобытности народовъ. При всемъ томъ, въ эпоху разрушенія Византіи не являлось еще и догадки, какой выростетъ на берегу Золотаго Рога вѣковѣчный для Европы камень преткновенія.

Переходъ Византіи во владѣніе оттомановъ возбудилъ снова идею о крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ. Первоначально мысль объ этомъ походѣ была заявлена при сценической обстановкѣ, на праздникѣ бургундскаго герцога, пировавшаго со своими дворянами въ гор. Лиллѣ. Гигантъ, изображавшій сарацина, ввелъ въ залу искусственнаго слона съ башнею на

спинѣ. Изъ башни вышла женщина въ траурной одеждѣ. Она оповѣстила присутствовавшихъ о страшныхъ притѣсненіяхъ мусульманами христіанской религіи. Вѣсть эту она произнесла съ высокимъ душевнымъ подъемомъ, поэтому каждый гость герцога почувствовалъ въ себѣ духъ Готфрида Бульонскаго.

Они поклялись Богомъ, Святою Дѣвою, дамами и фазаномъ—символомъ рыцарства—поднять и развернуть священную войну противъ насильниковъ. Послѣ этого взрыва энтузіазма протекли однако многіе годы, а герцогъ все еще собирался выступить въ походъ, дворяне же его предпочли пировать, гордиться будущими побѣдами и спокойно оставаться во Фландріи. Между тѣмъ оттоманы продолжали безъ пышныхъ фразъ и картинной обстановки преслѣдовать намѣченныя цѣли.

Благодушіе султана по занятіи Константинополя длилось не долго. Въ Галатѣ его визири замѣтили броженіе, поднятое генуэзцами, не желавшими помириться съ утратою ими давнишнихъ торговыхъ привилегій. Но однѣми своими силами они не посмѣли вступать въ борьбу съ притѣснителями, поэтому они подняли вновь закулиснымъ путемъ вопросъ объ уніи православія съ католицизмомъ. Къ этой идеѣ примкнули и враждовавшіе между собою братья покойнаго императора Ѳома и Дмитрій, которымъ скромная Морея не давала простора для княженія. Заговоръ развивался медленно. Султанъ получалъ вѣрныя о немъ свѣдѣнія и ожидалъ только удобной минуты для его обнаруженія. Минута эта настала, когда со стороны Запада подошла подъ пушки Галлиполи флотилія, предъявившая къ осмотру значительное количество товаровъ. Оставляя товары въ сторонѣ, надсмотрщики вымучили у посланцовъ признаніе, что они уполномочены объявить благословеніе папы на образованіе возстанія противъ оттомановъ.

Корабли были конфискованы, а колонія генуэзцевъ была приглашена явиться въ назначенный часъ въ ипподромъ для выслушанія воли султана. Въ предположеніи, что въ ипподромѣ потребуютъ только откупа сыновей отъ службы въ янычарахъ, генуэзцы запаслись достаточнымъ количествомъ золота и грамотами Палеологовъ на личную безопасность. Не замѣтивъ, что благодушное настроеніе уже миновало, генуэзцы не замѣтили также, что вмѣстѣ съ ними въ ипподромъ вошла подозрительная, свирѣпо настроенная, дружина голіаѳовъ. Фаланга ихъ размѣстилась шпалерами и видимо ожидала какого-то условленнаго сигнала. Сигналъ этотъ былъ поднятъ въ видѣ чернаго флага, замѣнившаго собою орла, которымъ возвѣщали начало конскаго

ристалища. Съ этого момента ипподромъ обратился въ бойню; безоружные генуэзцы гибли какъ овцы, приведенныя на закланіе. Въ теченіе какого нибудь часа ипподромъ обратился въ кровавое озеро съ горою труповъ.

Крови этой было еще недостаточно, чтобы залить пожаръ, вспыхнувшій въ душѣ повелителя оттомановъ. Покончивъ съ генуэзцами, онъ предался разгулу, которому помогли дворцовые погреба съ янтарнымъ хіосскимъ виномъ и пластическія формы юношей, собранныхъ во дворецъ, чтобы плѣнять его плотоядные взоры. Юноши были выбраны изъ знатныхъ семействъ византійцевъ, въ томъ числѣ и изъ семействъ нобилей Натаровъ и Кантакузеновъ. Длившійся разгулъ окончился новою жестокосердною вспышкою, доведшею Мухаммеда до приказанія отрубить головы прибывшимъ посламъ изъ Венеціи и Испаніи. Нотаръ отецъ красивѣйшаго изъ юношей, потребовавшій возвращенія его подъ отчій кровъ, лишился головы у подножія колонны Аркадія. Остается не выясненнымъ вопросъ: избѣгнулъ ли сынъ историка Франца участи своихъ сверстниковъ?

Угаръ султана разрѣшился поѣздкою въ Адріанополь, гдѣ онъ вдали отъ новой, все еще бурной столицы, занялся разработкою плана о завладѣніи всею площадью земного міра. По его плану слѣдовало прежде всего наказать «проклятаго», какъ называли трансильванскаго воеводу Гуніада за нанесенное имъ на Коссовыхъ поляхъ, въ трехдневной битвѣ, пораженіе оттоманамъ. Далѣе, располагая Эвксинскимъ понтомъ какъ своимъ бассейномъ, завоевателю не трудно уже было перебросить десять - двадцать тысячъ человѣкъ на полуостровъ Тавриды, населенной послѣдователями пророка. Раздвигая предѣлы міровладѣнія, побѣдителю Византіи не стоило большого труда овладѣть Трапезундскою имперіей и такими царствами, какъ Никейское. По ту сторону Эвксинскаго понта были свои люди—кавказскіе горцы, а еще далѣе, за Гирканскимъ моремъ, кочевала орда «черныхъ барановъ», готовая поддержать могущество оттомановъ. Вблизи нужно было только посѣтить Аѳинское герцогство съ Ѳессаліей, Пелопоннесомъ, Мореей и многочисленными островами архипелага. Далѣе виднѣлись Сицилія, Венеція, Италія и вообще Западъ, на поляхъ котораго предстояло омрачить славу Карла Мартела. На другой сторонѣ, за Тавридою, виднѣлась Малороссійская республика изъ вольницы, способной помочь оттоманамъ пройти въ срединную Россію.

Приступивъ къ осуществленію плана міровладѣнія, Мухаммедъ рѣшилъ дѣйствовать одновременно со стороны нѣсколькихъ

фронтовъ своей византійской позиціи. Его дисциплинированныя войска могли теперь дѣйствовать самостоятельными арміями всюду, гдѣ указалъ бы планъ счастливаго побѣдителя.

По плану слѣдовало нанести первый ударъ Бѣлграду, чтобы возстановить военную славу оттомановъ, пострадавшую здѣсь отъ руки «проклятаго» трансильванскаго воеводы. Безъ занятія Бѣлграда дальнѣйшее движеніе на сѣверъ было опасно и даже недопустимо, какъ то обозначалось въ предпріятіяхъ покойнаго отца султана.

Оттоманы пошли къ Бѣлграду въ твердомъ упованіи на побѣду, которая облегчалась тѣмъ уже, что городу вошло въ привычку переходить изъ рукъ въ руки. Отъ аваровъ онъ перешелъ къ болгарамъ, отъ болгаръ къ византійцамъ, отъ нихъ къ венграмъ и наконецъ къ сербамъ. Но тутъ геній Мухаммеда измѣнилъ ему: «проклятый» вновь явился въ Бѣлградѣ и въ 1456 г. отбилъ всѣ приступы оттомановъ, чѣмъ и преградилъ имъ путь въ серединную Европу.

Не особенно гладко прошло и нападеніе на Тавриду. Казалось бы единство культа могло только служить звеномъ дружбы и согласія, но татары, переименовавшіе Тавриду въ Крымъ, что равнозначуще понятію о крѣпости, вовсе не были расположены лишиться самостоятельности въ угоду воинственнымъ султанамъ. Имѣя въ прошедшемъ мощнаго завоевателя Батыя, считая себя частью Золотой Орды, татары постоянно отклоняли отъ себя честь единенія съ турками. Не прошло однако и четверти столѣтія послѣ паденія Константинополя, какъ оттоманы осадили Каффу, изъ которой бѣжали генуэзцы. Овладѣвъ этимъ опорнымъ пунктомъ, они уже не встрѣчали активнаго противодѣйствія со стороны аборигеновъ, властвовавшихъ здѣсь со временъ чингисидовъ. Обративъ полуостровъ въ окраиннаго вассала, оттоманы изготовили планъ порабощенія юга Россіи, но эта мечта не сбылась.

Овладѣніе имперіями Трапезундскою и Никейскою и цѣлымъ рядомъ менѣе значительныхъ христіанскихъ государствъ въ Малой Азіи не представляло для оттомановъ ни риска, ни труда. Призрачная имперія, основанная въ періодъ начавшагося разложенія Византіи въ XIII в., признала власть оттомановъ послѣ простой блокировки ими Трапезунда. Властелинъ имперіи узурпаторъ Давидъ, отказавшійся принять исламъ, былъ задушенъ со всею своею семьею. Никея и не подумала вступать въ борьбу, хотя считалась каѳедральнымъ городомъ вселенскаго патріарха. Мелкія христіанскія государства молча кланялись войскамъ побѣдителя.

Наступила очередь и Аѳинскому герцогству увидѣть у себя побѣдителя Византіи. Аѳины, какъ «око Эллады», какъ сосредоточіе античнаго образованія съ Зевсомъ Олимпійскимъ и Палладою, съ монументальнымъ Одеономъ, отжили свое величіе еще въ эпоху Юстиніана, когда были закрыты въ Греціи всѣ философскія школы. Дряхлѣя и падая, начиная съ VI вѣка, Аѳины обратились мало по малу въ провинціальный городокъ Византійской имперіи. Латиняне предоставили Аѳины во владѣніе арагонскихъ королей. Предъ приходомъ оттомановъ въ Аѳинахъ властвовали флорентинцы.

Покоривъ Византію, Мухаммедъ считалъ, что и Аѳины отошли въ его владѣніе, но здѣсь греки обладали еще достаточнымъ мужествомъ, чтобы остановить мусульманъ передъ стѣнами своего Акрополиса. Этотъ высоко расположенный замокъ удивилъ весь міръ нравственною стойкостью своихъ защитниковъ. Только долговременная осада обезсилила послѣднее убѣжище Греціи, и въ 1460 г. палъ и Акрополисъ. Порѳенонъ его былъ обращенъ въ мечеть, а архитектурные и художественные памятники въ мусоръ и строительный матеріалъ. Храмъ Аѳиныпобѣдительницы былъ разобранъ на матеріалы для сооруженія военнаго бастіона.

Гегемонія оттомановъ длилась болѣе трехъ съ половиной вѣковъ, проведенныхъ Греціей въ непробудной дремотѣ. Она довольствовалась прошедшимъ, не имѣя настоящаго и не разсчитывая на будущее. Всѣ ея запасы изъ античнаго и классическаго міровъ ветшали и рушились; время и люди пощадили лишь немногіе памятники языческаго прошлаго.

Аѳины и Греція опустѣли въ прямомъ значеніи этого понятія. Грека можно было встрѣтить повсюду въ Европѣ, но только не въ Греціи. Развившійся космополитизмъ открылъ имъ многіе пути къ торгашеству и къ псевдо-образованію юношества. По торговой части грекъ нигдѣ не пріобрѣлъ солиднаго довѣрія, а что касается до образованія, то юношество обогащалось филологическими познаніями—въ Мантуѣ, Падуѣ, Женевѣ, Гейдельбергѣ и даже въ Римѣ и Парижѣ. При этомъ ученымъ эллинамъ было какъ-то стыдно читать лекціи о любви къ родинѣ и о самопожертвованіи за ея честь и достоинство. Судьба же ихъ родины была такова, что филэллинъ Краусъ, профессоръ тюбингенскаго университета, возбудилъ серьезный вопросъ: существуютъ ли Аѳины? Ученый успокоился, только получивъ утвердительный отвѣтъ отъ Константинопольскаго патріарха, но и послѣ этого удостовѣренія не разъ поднимался вопросъ:

возможно ли называть Аѳинами поселокъ съ нѣсколькими тысячами населенія, занимавшагося по преимуществу рыбными промыслами? Въ какое же истощенное состояніе пришелъ архипелагъ Греціи можно судить по тому уже, что въ 1835 г. нѣмецкій ученый міръ утверждалъ и разумѣется не безъ высокомѣрія, что послѣ Юстиніана на мѣстѣ Аѳинъ образовалась одна пустыня.

Византія рушилась, а Палеологи все еще продолжали сводить личные счеты, не заботясь о страданіяхъ покинутаго ими народа. Братья покойнаго императора Ѳома и Дмитрій не могли раздѣлить полюбовно доставшуюся имъ Морею. Если вчера Ѳома выжималъ изъ ея населенія соки, чтобы вести борьбу съ Дмитріемъ, то сегодня послѣдній выбиралъ изъ того же населенія все, что могло пригодиться для борьбы съ братомъ.

Наконецъ Дмитрій перешелъ открыто въ пенсіонеры султана, предоставивъ ему жену въ заложницы, а дочь въ гаремныя одалиски. Самъ онъ лично отправился въ Адріанополь, выпросивъ себѣ на прокормъ, въ добавокъ къ пенсіи, какой-то городокъ и нѣсколько безплодныхъ острововъ архипелага. Смерть нашла его въ монашеской рясѣ.

Деспоту Ѳомѣ также пришлось бѣжать изъ Мореи. Пускаясь въ это бѣгство со всею семьею, онъ унесъ голову константинопольскаго патрона апостола Андрея, что доставило ему въ Ватиканѣ пенсію въ шесть тысячъ дукатовъ. Семья его распалась, при чемъ старшій сынъ его занялся торговлею императорскимъ титуломъ, предлагая миѳическое наслѣдіе Палеологовъ то французскому королю, то арагонскому, а потомъ уже своей сестрѣ Зоѣ.

Партійность не замирала въ Греціи даже на ея развалинахъ. Одна партія готова была признать главенство Венеціи, другая франковъ, а нашлась и такая группа, которая ничего не имѣла противъ господства мусульманъ. Продремавъ цѣлыя столѣтія, Греція почувствовала наконецъ въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ отголосковъ французской революціи, духъ освободительнаго движенія. Образовались гетеріи. Началась партизанская война, противъ которой турки отвѣтили тѣмъ, что повѣсили въ Константинополѣ греческаго патріарха Григорія въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. За одно съ нимъ они казнили и трехъ епископовъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ предводителями гетерій. Греки отвѣтили рѣзнею въ Мореѣ; съ обѣихъ сторонъ вспыхнула свирѣпая борьба. Вся Европа съ Байрономъ во главѣ выразила глубокое сочувствіе эллинамъ; повсюду обра-

зовались комитеты филэллиновъ, собиравшіе деньги и добровольцевъ. Произошелъ наваринскій бой соединенныхъ флотовъ Англіи, Франціи и Греціи съ турецкимъ и египетскимъ флотами. Въ 1828 г. выступила и Россія, и въ концѣ концовъ Греція была освобождена изъ подъ власти Турціи. На лондонской конференціи, созванной по инииціативѣ Россіи 3 Февраля 1830 г., она объявлена вновь независимымъ государствомъ. Акрополисъ проводилъ послѣдняго турка 31 Марта 1833 г., а 1 Января 1835 г. Аѳины встрѣтили своего короля.

Силою оружія доступно создать государство, но поддерживать и развивать его существованіе доступно лишь культурной силѣ. Исторія оттомановъ служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Достигнувъ зенита своей военной славы, оттоманамъ пришлось распредѣлить все населеніе земного шара на покорныхъ Единому и невѣрныхъ, но перестать и мечтать объ избіеніи послѣднихъ. Началась утрата окраинъ. Начался умственный непробудный сонъ, продлившійся цѣлыя столѣтія на берегу Золотого Рога.

Еще въ XVII ст. положеніе имперіи оттомановъ было сильно поколеблено проектомъ Валленштейна о раздѣлѣ Европейской Турціи. Теряя своихъ вассаловъ, она принуждена была снять свою гегемонію надъ всѣми дальними окраинами и сократить свои предѣлы до положенія территорій у бывшей Пропонтиды и площади между морями Эвксинскимъ и Эгейскимъ. До послѣдняго времени имперія держится не столько силою оружія или культуры, сколько своимъ географическимъ положеніемъ. Босфоръ оказался камнемъ преткновенія для всего міра, который принято считать предметомъ вожделѣнія Россіи, какъ правопреемницы Византіи. Подозрѣнія эти идутъ съ Запада, умѣло забывающаго, что преслѣдовавшія его неудачи въ поднятіи христіанской волны противъ турокъ и турецкихъ захватовъ всегда побуждали дипломатію натравливать Россію на Турцію.

Въ дѣйствительности Московское государство не имѣло ни малѣйшаго намѣренія къ активному выступленію противъ Турціи. Напротивъ, по Андрусовскому мирному договору съ Польшей, Россія искала лишь укрѣпленія оборонительнаго, а не наступательнаго союза. Западу не нравилось это миролюбіе Россіи. По прекращеніи мужского колѣна дома Палеологовъ дипломатія Рима, Венеціи и Польскаго короля настаивала на томъ, чтобы царь призналъ себя законнымъ наслѣдникомъ византійской короны. Царю внушали, что онъ долженъ «держать всю Турскую вотчину, и что греки охотно признаютъ его царское величество

своимъ властелиномъ». Даже испанскій король Филиппъ II и тотъ нашептывалъ Іоанну Грозному о союзѣ противъ султана. Но цари твердо стояли на одной лишь оборонительной тактикѣ. Тактика эта не была нарушена даже и по взятіи Азова донскими казаками, когда царь Михаилъ Θеодоровичъ не пожелалъ вступить въ борьбу съ Турціей.

Прямое разбойничество крымскаго вассала оттомановъ, вызывало Россію не разъ на возмездія, закончившіяся присоединеніемъ къ ея предѣламъ старой Тавриды. Впрочемъ послѣдняя была освобождена отъ турецкаго господства еще по кучукъ-кайнарджійскому договору 1774 г., ознаменовавшему начало совершеннаго ослабленія Турціи.

Россія приняла какъ наслѣдіе Византіи только идеи, и многіе изъ ея пріемовъ въ общегосударственной жизни. Можно думать, что когда Византія испускала послѣдній вздохъ, Москва подхватила этотъ вздохъ и нашла въ немъ завѣты, о которыхъ великокняженіе не имѣло яснаго представленія.

Первоначально тождество культовъ послужило связующей цѣпью между исповѣдниками православія, а затѣмъ и родственныя узы царственныхъ лицъ придали не мало звеньевъ этой цѣпи. Родственная связь началась въ эпоху Св. Владиміра, женившагося на византійской принцессѣ. Въ позднѣйшія времена Московскій князь Василій I Дмитріевичъ выдалъ свою дочь Анну въ 1411 г. за Іоанна Палеолога, сына императора Мануила.

Нельзя не признать, что русская княжна, выросшая въ высокомъ теремѣ, подъ охраною невѣжественныхъ мамокъ, немогла внести какой-нибудь цѣнный вкладъ въ смыслъ и обрядность Византіи. Послѣдняя имѣла живое общеніе съ западною Европою, и во многихъ случаяхъ могла бы поспорить въ макіавелизмѣ съ крупными дипломатическими силами. Напротивъ, русская княжна могла отличаться красотою и семейными добродѣтелями, но не книжною мудростью и не проявленіемъ власти въ семейныхъ и государственныхъ совѣтахъ.

Не столь простодушною представилась Москвѣ византійская княжна Зоя, перенесшая многія превратности судьбы какъ дочь изгнанника изъ Мореи деспота Θомы Палеолога. Пяти лѣтъ отъ роду она, бѣжавшая съ отцомъ изъ Мореи, пріютилась на одномъ изъ острововъ, принадлежавшихъ Италіи. Отецъ отправился въ Римъ. Обезпечивъ себѣ хорошій пріемъ подаркомъ привезенной главы апостола Андрея, онъ принялся хлопотать о возстановленіи его въ правахъ византійскаго импера-

тора. Папа далъ ему золотую розу и назначилъ пенсію, но ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать относительно предоставленія ему короны упраздненной Византіи. Семья его была пригрѣта Ватиканомъ.

Юность Зои протекла въ неизвѣстности. Представители католическаго міра не заботились объ обращеніи ея въ католичество, не придавая, очевидно, ребенку никакого значенія. При ней оставили даже маленькую свиту изъ истинныхъ грековъ, поддерживавшихъ въ ней культъ православія.

Была-ли красива Зоя или нѣтъ, трудно сказать, но скорѣе она была некрасива, иначе флорентійскій зоилъ-поэтъ, какъ-бы онъ не былъ безпощадно пошлъ, не имѣлъ бы повода назвать ее «жирною маслянищею съ турецкими литаврами на груди». Подбородокъ ея онъ нашелъ отвратительнымъ, глаза—свиными. Въ этомъ шаржѣ зоилъ не рѣшился однако поглумиться надъ ея интеллектуальными способностями и умственными дарованіями.

Годы сознательности прошли для Зои неблагополучно: къ ней сватался кипрскій король Яковъ II, которому также грозили турки, но круглая сирота не могла представить ему ничего, кромѣ славы своихъ предковъ. Нѣсколько удачнѣе было сватовство князя Парачіоло, но и въ этомъ случаѣ дѣйствительнаго брака совершено не было. Переговоры ограничились обрученіемъ, которое разстроилось, когда явилось предложеніе со стороны московскаго государя, единомысленнаго по вѣрѣ и болѣе знатнаго по политическому значенію.

Въ то время Московское государство находилось на распутьѣ между Востокомъ и Западомъ. Монголъ Батый, успѣвшій омусульманиться, былъ уже ослабленъ къ этому времени настолько, что Золотой Ордѣ приходилось посылать въ Москву за данью особыхъ даньщиковъ съ басмою—отпечаткомъ руки хана,—какъ бы грозившею непокорному вассалу. Сверженіе золото-ордынской гегемоніи становилось естественною потребностью Москвы, достаточно уже къ тому возмужалой. Разумѣется помощь Запада была желательна, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ думали, что княжна Зоя, какъ воспитанница первосвященника, откроетъ путь общенія съ Западомъ. Послѣдній и самъ уразумѣлъ къ этому времени, какое онъ проявилъ преступное равнодушіе къ христіанской Византіи.

Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ, матерью и боярами, вполнѣ одобрившими планъ брачнаго союза, отправилъ Ивана Фрязина, какъ прозвали тогда иноземца Жана Батиста делла Вольпе, въ Римъ, чтобы онъ, повидавъ княжну,

донесъ объ ея достоинствахъ и недостаткахъ. Донесеніе было благопріятно. Княжна пріѣхала въ Москву 12 Ноября 1472 г. и тогда же была повѣнчана и переименована изъ Зои въ Софью. Подъ вѣнцомъ сошлись двѣ талантливыя политическія личности: умный и осторожный московскій государь Іоаннъ III и княжна изъ дома Палеологовъ. Войдя въ государеву семью, бывшая княжна достигла несомнѣннаго вліянія на супруга, доказательствомъ чему служитъ принятіе Россіей византійскаго государственнаго герба, передача Іоанномъ III престолонаслѣдія сыну отъ брака съ Софьею, а не внуку Дмитрію, какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ великій князь отмѣнилъ впослѣдствіи это рѣшеніе и даже подвергнулъ какъ жену, такъ и сына Василія временной опалѣ. Къ тому же москвичи взвели на Софью обвиненіе, что она знается съ ворожеями. Вѣроятно обвиненіе это дало поводъ кн. Андрею Курбскому замѣтить, что «въ предобрый родъ русскихъ князей всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами». На ряду съ Курбскимъ и Герберштейнъ писалъ, что Софья «была женщина хитрая», а опальный бояринъ Берсень замѣтилъ съ грустью, что «государь, запершись у кровати, всякія дѣла дѣлаетъ». Онъ же пожаловался Максиму Греку, что какъ «пришли ваши греки, такъ наша земля и замѣшалась и пришли нестроенія великія, какъ у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ».

Въ Февралѣ 1498 г. государь измѣнилъ свое первое рѣшеніе и повелѣлъ считать велико-княженіе за внукомъ Дмитріемъ. Сторонники Софьи, помогавшіе передать престолонаслѣдіе ея сыну, были казнены. Отсюда ясно, что вліяніе Софьи на ея супруга было не безгранично.

Москвичи стараго порядка, недовольные византизмомъ, получившимъ широкое примѣненіе во внутреннемъ строѣ государства, говорили безъ застѣнчивости, что Софья, если бы турки и не погубили Византію, не имѣла права на ея корону. Изъ двухъ Палеологовъ, Дмитрій оставилъ только одну дочь, взятую въ гаремъ султана, а послѣ Ѳомы остались кромѣ Зои еще дочь Елена и два сына Андрей и Мануилъ. Елена умерла въ 1474 г. Отрасль же Мануила перешла въ мусульманство и образовала мусульманскую вѣтвь Палеологовъ. Такимъ образомъ, тѣнь византійской короны задерживалась только на головѣ Андрея, но этотъ былъ настолько безпутенъ, что не затруднился пустить въ продажу и свои наслѣдственныя права. Онъ не любилъ жить въ Москвѣ, а можетъ быть

и государь, обращавшійся съ нимъ какъ съ плѣнникомъ, не терпѣлъ его присутствія въ своей великодержавной столицѣ. Встрѣчая со всѣхъ сторонъ отказы въ покупкѣ короны, Андрей обратился къ сестрѣ съ предложеніемъ купить у него право престолонаслѣдія. Семейные переговоры шли настолько келейно, что переходъ византійской короны въ русскій царственный домъ остается подъ большимъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, по смерти въ 1502 г. брата, Софья могла считать и себя наслѣдницею короны, такъ какъ изъ христіанской вѣтви Палеологовъ никого не осталось въ живыхъ.

Минуя насмѣшки западныхъ зоиловъ и замѣчаніе Курбскаго, нельзя не признать за Софьею Ѳоминишною, какъ ее окрестилъ русскій человѣкъ, значительныя заслуги передъ русскимъ народомъ. Несомнѣнно, что моленія и слезы Софьи утвердили Іоанна III въ рѣшимости прекратить зависимость отъ монголовъ - насильниковъ, пытавшихся обратить всю Европу въ степь для пастбища своихъ табуновъ. Понятно, что усердіе Софьи въ этомъ дѣлѣ нисколько не умаляетъ заслуги ростовскаго митрополита Вассіана, подвигнувшаго князя на рѣшительную борьбу съ Ахматомъ.

Софья умерла 2 Апрѣля 1503 г. за два года до смерти мужа, не оправдавъ надеждъ папы Павла II, разсчитывавшаго оборудовать при ея посредствѣ все тотъ-же вопросъ о соединеніи церквей. Насколько эти надежды были велики, можно судить изъ того, что когда Софья спѣшила къ жениху, ее сопровождалъ папскій легатъ Антоній, поражавшій русскихъ людей своимъ краснымъ платьемъ и перчатками, которыя онъ не снималъ и для благословенія. Легату пришлось поспѣшно оставить Москву, такъ какъ митрополитъ Филиппъ рѣшительно воспротивился пріемамъ католицизма.

Со смертью Софьи корона Византіи совершенно растворилась въ ходѣ историческихъ событій. Съ другой стороны пошли прахомъ и замыслы оттомановъ о міровладѣніи. Мухаммедъ II, прозванный Эль-фатихъ—«Завоеватель», раздвигалъ постепенно и послѣ покоренія Византіи границы мусульманскаго господства. Не проходило буквально ни одного года безъ нападеній и погромовъ. Онъ уже приближался къ Риму, когда въ 1481 г. смерть его остановила дальнѣйшій ростъ мусульманства. Въ его побѣдный вѣнокъ были вплетены двѣ имперіи, десять царствъ и двѣ тысячи городовъ, но вмѣстѣ съ этими трофеями въ его могилѣ совмѣстились и несбывшіяся надежды на міровладѣніе.

Плита, которою благодарные оттоманы прикрыли саркофагъ своего «Эль-фатиха», обратилась съ теченіемъ времени, для европейской дипломатіи, въ колоссальный камень преткновенія. Много уже истрачено стараній, чтобы сдвинуть расшатаннаго колосса съ мѣста, но всѣ эти старанія служатъ только образчиками тонкаго дипломатическаго кружева. На помощь дипломатіи являлись и люди и пушки, и много людей и много пушекъ, а камень преткновенія продолжаетъ оставаться на стражѣ Босфора и продолжаетъ хранить завѣты пророка.

Однако не дремлютъ и губительныя силы и какъ бы ни были то остроумны, то строги перья дипломатовъ, а неумолимый рокъ свершаетъ свой приговоръ. Въ послѣднее время, на помощь губительнымъ силамъ подоспѣло банкротство государственныхъ финансовъ, служащее обычно послѣднимъ предвѣстникомъ исчезновенія царства. Благодаря недостатку въ денежныхъ средствахъ имперія оттомановъ принуждена распродаваться по частямъ, а отсюда уже не далеко и отъ саморазрушенія страны и ея собственниковъ.

КОНЕЦЪ

1-50
2-
1027
14/wG1

С 1/I-61 г.
Цена 2 р. - к.
1027
14/III 61

Вл.

ПОС

ВИЗ